

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 7 (33) 2011

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 19.11.11
Формат 60x84 1/16. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 10,5 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Заказ 1211

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.
454084, г.Челябинск,
Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	8
------------------------------	---

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Владимирова А. Н. Языковая репрезентация любви как показатель человеческой сущности на примере поэтических произведения Джин Инджелоу	11
Климина Л. В. Формирование профессиональной компетентности будущих учителей в работе с художественным текстом	18
Пелипас Н. А. Интертекст в произведениях Н. Эрдмана	24
Радченко Г. П., Розинкина Т. А. К вопросу о влиянии Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (Жан Поля) на развитие немецкого романтизма	30
Рыльщикова Л. М., Худяков К. В. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса	34
Холодковская Е. В. Южный американский диалект в произведении Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна»	40

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ахтаева Л. А. Интертекстуальность как статусная характеристика англоязычного научного дискурса	46
Белоус Н. А. Характер коммуникативной личности конфликтного типа	54
Бойко А. И. Экспликация ценности «комфорт» в рекламном дискурсе	59
Никифорова Э., Надобко Ю. Основные коммуникативные стратегии в юридическом дискурсе	64
Полинниченко Д. Ю. Алфавит как объект метаязыковой рефлексии в любительской лингвистике	68
Пятаева Н. В. Генетическая парадигма как единица системного динамического исследования лексики русского языка (к проблеме выделения и квалификации)	75

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Наумов А. В., Наумова И. А. Функции метафор из сферы-источника «Техника» в политическом дискурсе Великобритании	88
--	----

ЯЗЫК СМИ

- Котлярова Т. Я.** Экстралингвистический аспект понимания инокультурного публицистического текста92
- Макимова В. Е.** Репрезентация гендерных стереотипов в СМИ ...96
- Синина А. И.** Перифрастические номинации с прецедентными именами в публицистическом тексте 103

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Голандам А. К.** Культурно-исторические сходства реалий языка Азербайджана и Ирана 110
- Абзалова И. Р.** Réflexions sur le métier du professeur de FLE 116
- Булычева С. Ф.** Семантико-синтаксические структуры немецких пословиц со значением сравнения и противопоставления 120
- Glinchevskiy E. I.** Plane of contents of English economical professionalisms: denotative meaning & connotative nuances 124
- Касьянова Ю. И.** Переводчески-релевантные особенности русского и английского языков: актуальное членение 133
- Полехина Е. А.** Зооморфизмы в молодежном жаргоне (на примере русского и американского варианта английского языков) 139

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

- Дражан Р. В.** Методологические подходы к построению учебных программ по иностранному языку в отечественном и зарубежном образовании 145
- Серова В. И., Спирина Л. Р.** Постановка целей на этапе планирования урока как решающий фактор достижения конечного результата в процессе обучения иностранным языкам 151

КУЛЬТУРА И МАРКЕТИНГ КУЛЬТУРЫ:**РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ****В РОССИЙСКОМ КНИЖНОМ БИЗНЕСЕ.****Материалы научно-практического семинара**

- Гаврилов А. Ф.** Открытая лекция «Как сделать премию своими руками» 156
- Чепелев В. В.** Открытая лекция «И в гроб сходя, благословил»: роль номинаторов в премиальном процессе 170
- Невелева В. С.** Литературные премии в контексте проблемы персональной идентичности 173

Штолер А. В. Российские литературные премии: издательский ракурс	178
Перчик Л. С. Литературные премии в историко-культурном обзоре: советская литературная система и ее награды	190
Федоров В. В. «Толстые» литературные журналы о современных литературных премиях	198
Селютина Е. А. Литературные премии в контексте современной массовой культуры: реализация приема «апелляции к авторитету».....	205
АННОТАЦИИ	214
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	220

CONTENTS

СЛОВО РЕДАКТОРА	8
LANGUAGE OF FICTION LITERATURE	
<i>Vladimirova A. N.</i> Language representation love as an indicator of human essence on an example poetic products Dzhin Indzhelou	11
<i>Klimina L. V.</i> Formation of Professional Competence of Future Teachers in the Work with Feature Text	18
<i>Pelipas N. A.</i> Intertext in N.Erdman's Books	24
<i>Radchenko G. P., Rozinkina T. A.</i> To the Question of Influence of Johan Paul Fridrich Nitzshe (Jean Paul) on the Development of German Romantism	30
<i>Rylshikova L. M., Khudyakov K. V.</i> Alternative reality as the spread element of a science-fiction discourse	34
<i>Kholodkovskaya E. V.</i> South American Dialect in Mark Twain's "Adventures of Huckleberry Finn"	40
LANGUAGE STUDIES	
<i>Ahtaeva L. A.</i> The Problems of Classification of Intertextual Inclusions in the Scientific Texts	46
<i>Belous N. A.</i> Character of Communicative Personality of Conflict Type	54
<i>Boiko A. I.</i> Explication of Value "comfort" in Advertizing Discourse ...	59
<i>Nikiforova E., Nadobko Yu.</i> Basic Communicative Strategies in Juridical Discourse	64
<i>Polinichenko D. Yu.</i> Alphabet as an Object of Metalanguage Reflection in Amateur Linguistics	68
<i>Pyataeva N. V.</i> Genetic Paradigm as a Unit of Systematic Dynamic Research in the Russian Language Vocabulary (to the Problem of Extraction and Qualification)	75
LANGUAGE OF POLYTICS	
<i>Naumov A. V., Naumova I. A.</i> Functions of the metophors from the source-domain "technique" in the political discourse of Great Britain	88
LANGUAGE OF MASS MEDIA	
<i>Kotlyarova T. Ya.</i> Extralinguistic Aspect of Undersyanding of Different Cultural Publisitic Text	92
<i>Maksimova V. E.</i> The Representation of Gender Stereotypes in Mass Media	96

<i>Sinina A. I.</i> Periphrastic Nominations with Precedent Names in Public Text	103
LINGUISTICS AND TRANSLATION	
<i>Golandam A. K.</i> Cultural and Historic Similarities of Language Realities in Azerbaidgan and Iran	110
<i>Abzalova I. R.</i> Some Thoughts on the Profession of French as a Foreign Language (FLE) Teacher	116
<i>Bulychyov W. Ф.</i> Semantico-syntactical structures of German proverbs with value of comparison and opposition	120
<i>Glinchevskiy E. I.</i> Plane of contents of English economical professionalisms: denotative meaning & connotative nuances	124
<i>Kasyanova Yu. I.</i> Translation-relevant Peculiarities in Russian and English Languages: Actual Articulation	133
<i>Polekhina E. A.</i> Zoomorphisms in youth slang (Russian and American English)	139
METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING	
<i>Dragan R. V.</i> Methodological Approaches to the Study Programs in Foreign Languages in Domestic and Foreign Education	145
<i>Serova V. I., Spirina L. R.</i> Goal Setting in Lesson Planning as the Key Factor of Final Result Achieving in the Process of Foreign Language Teaching	151
CULTURE AND CULTURE MARKETING: A ROLE OF LITERARY AWARDS IN THE RUSSIAN BOOK BUSINESS. Materials of scienti- fically-practical seminar	
<i>Gavrilov A. F.</i> Open lecture «How to make the award the hands»	156
<i>Cgepelev V. V.</i> Open lecture «And in a coffin descending, bless»: a role of nominators in bonus process	170
<i>Neveleva V. S.</i> Literary awards in a context problem personal identity ...	173
<i>Shtoler A. V.</i> The Russian literary awards: the publisher a foreshortening	178
<i>Perchik L. S.</i> Literaturnye premija in the historical and cultural review: the Soviet literary system and its awards	190
<i>Fedorov V. V.</i> “Tolstoy’s” literary magazines about modern literary awards...	198
<i>Selyutina E. A.</i> Literaturnye premija in a context modern mass culture: reception realization «apelljatsii to authority»	205
ABSTRACTS	214
INFORMATION ABOUT AUTHORS	220

СЛОВО РЕДАКТОРА

25-26 апреля 2011 г. в Челябинской государственной академии культуры и искусств состоялся научно-практический семинар «Культура и маркетинг культуры: роль литературных премий в российском книжном бизнесе», который стал первым мероприятием филиала кафедры ЮНЕСКО в ЧГАКИ «Наука и образование в культурно-цивилизационном процессе XXI века». Деятельность научной кафедры направлена на развитие основных научных школ ЧГАКИ и развитие межкафедрального, межвузовского и межинституционального сотрудничества. Семинар стал частью форума «Книга – путь к успеху!», проводимого ЧГАКИ совместно с Челябинской областной юношеской библиотекой.

На семинаре обсуждались вопросы, связанные с современной практикой существования культуры: проблема литературных иерархий в современном литературном процессе; роль литературных премий в российском книжном бизнесе и в российской культуре; издательская деятельность в России и российские литературные премии; взгляд современной теории коммуникации на литературные премии как феномен культуры; роль читательского выбора в литературном процессе и т.п. По словам организаторов семинара – к. филол. н., доц. каф. литературы и русского языка ЧГАКИ Е. А. Селютиной и к. пед. н., доц., зав. отделом международного сотрудничества ЧГАКИ О. Л. Дигиной такого рода события дают возможность увидеть междисциплинарные возможности гуманитарных проблем. Именно поэтому на семинаре проблема маркетинга культуры рассматривалась с точки зрения философии, культурологии, филологии, истории, журналистики, педагогики и т.п.

В качестве лекторов были приглашены А. Ф. Гаврилов – журналист, критик, директор Института книги, сопредседатель оргкомитета премии «Просветитель» (Москва), который рассказал о том, как функционирует институт литературных премий, о курьезах премиального процесса, В. В. Чепелев – поэт, критик, автор и куратор премии «ЛитератураРентген» (Екатеринбург) с докладом о важности роли номинатора и судьбоносности выдвижения на премию для молодого автора. О деятельности современных детских библиотек в области рекомендаций к чтению рассказала М. Ивашина – заслуженный работник культуры РФ, заместитель директора Свердловской областной библиотеки для детей и юношества по науке и иннова-

циям (Екатеринбург) – в лекции «Литературные странствия в пространстве текстов: поиски смыслов и зоны риска».

Профессор Высшей школы экономики, зав. каф. прагматики культуры, управляющий рекомендательным сервисом Имхонет А. Долгин (Москва) предложил интересное мнение относительно роли читателя в формировании литературных иерархий и отношений внутри сферы потребления культурной продукции в онлайн-лекции «Беспосредническая дистрибуция текстов и читательские сообщества».

В семинаре активное участие принял профессорско-преподавательский состав ЧГАКИ и гости из ЧелГУ. Доц. каф. литературы и русского языка Л. С. Перчик и к.ист.н., доц. каф. истории А. Н. Терехов представили историко-культурные очерки о литературных премиях XIX века и советского времени. В аспекте человеческой потребности побеждать осмыслила проблему награды д.филол.н., проф. кафедры философии В. С. Невелева. О педагогическом значении литературной премии «Дебют» рассказала к.пед.н., доц. каф. библиотечно-информационной деятельности, директор Научно-образовательного центра «Информационное общество» Ю. В. Гушул. Анализ литературных премий в контексте базового приема современной культуры «апелляция к авторитету» предложила к.филол.н., доц. каф. литературы и рус.яз. Е. А. Селютина. Обзор критики в «толстых литературных журналах» и анализ основных высказываний прессы представил к.филол.н., доц. каф. теории массовой коммуникации ЧелГУ В. В. Федоров. Лучшим докладом, по мнению участников семинара, стало выступление «Российские литературные премии: издательский ракурс» к.пед.н., доц. каф. документоведения и музееведения А. В. Штолера.

Партнерами семинара «Культура и маркетинг культуры: роль литературных премий в российском книжном бизнесе» являются Челябинский государственный университет, Челябинский государственный педагогический университет, Челябинская областная научная библиотека, Челябинская областная юношеская библиотека, the book crossing group, Свердловская областная библиотека для детей и юношества (Екатеринбург), медиа-проект eye-to-eye, Фонд научных исследований «Прагматика культуры» (Москва), «Институт книги» (Москва).

Кафедра «Наука и образование в культурно-цивилизационном процессе XXI века» благодарит всех, кто содействовал проведению семинара «Культура и маркетинг культуры», в особенности

д.пед.н., проф., проректора по научной работе Т.Ф. Берестову, д.филол.н., проф., зав. каф. информационно-библиотечной деятельности В.Я. Аскаркову, декана факультета книжного бизнеса, документоведения и музееведения, к.пед.н, доц. И.М. Баштанар, декана факультета информационных ресурсов и технологий, к.пед.н., доц. И.Ю. Матвееву. Огромная благодарность ректору ЧГАКИ, д.ист.н, проф. В.Я. Рушанину за поддержку научных начинаний сотрудников Академии.

Некоторые материалы мы представляем в спецсекции нашего журнала.

Научный редактор спецвыпуска
Е. А. Селютина

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЮБВИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖИН ИНДЖЕЛОУ

А. Н. Владимирова

В данной статье рассматривается один из самых сложных и значимых аспектов человеческих отношений – любовь. В психологической литературе сложно найти определение и описание сущности любви, но в большом количестве научных работ человек в любви рассматривается с точки зрения системы человек-человек. Исходя из вышеперечисленного, в данной статье на примере поэтических произведений Дж. Инджелоу приводится описание характеристик человеческой сущности, которые выражаются посредством метафорического концепта.

Ключевые слова: любовь, человеческая сущность, метафорический концепт, языковая репрезентация.

Любовь можно рассматривать как один из сложных и значимых аспектов человеческих отношений. Психологических исследований любви не так много, поэтому тема любви для традиционной психологии относительно нова. Стоит отметить, что практически все работы, написанные по представленной тематике, направлены на рассмотрение данного феномена как способа презентации человеческой сущности (например, Б. С. Братусь, Ю. А. Летагина, Э. Фромм). В статье Б. С. Братуся говорится о том, что «любовь много больше, чем непосредственно переживаемое, пусть необыкновенно сильное и особое чувство, хотя именно его перипетиям (зарождению, расцвету, умиранию) посвящено большинство сочинений и трактатов, где любовь обычно смешивается с влюбленностью, привязанностью, долгом, влечением, потребностью, порывом, волей, страстью, воображением и прочими составляющими мотивационно-эмоционально-волевого ряда». По его мнению, «любовь отражается, переживается, дается нам в особом растворе чувств и волнений, но не порождается им» [2. С. 35]. То, что написано и сказано о любви в

науке, литературе и искусстве – это некие «высокие» представления о данном феномене человеческой жизни. Они порождались людьми, которые хотели и могли заглянуть глубоко в себя и проникнуть в смысл существования этого мира. Благодаря этому и существуют теории, концепции и модели любви, которые отражают некие идеалы: отношение к женщине, отношение к мужчине, специфичность отношений между влюбленными и т. д.

В психологической литературе достаточно сложно найти определение или описание сущности любви. В любви человек рассматривается с точки зрения системы человек-человек, причем речь здесь идет об уже состоявшихся личностях. Одной из основных характеристик любой зрелой личности является представление о конечной цели и предназначенности собственного бытия. Поэтому Эрих Фромм говорил, что любовь – это «единственный разумный и удовлетворительный ответ на вопрос о смысле человеческого существования» [8]. Любовь невозможно описать в терминах сущностных признаков, отправляющих к конкретным причинам возникновения этого чувства.

Этимология свидетельствует, что во многих языках семантика любви производна от семантики желания: греческий *eros* у Гомера означает не только желать женщину, но и желание пищи и питья. Стоит отметить, что в любви сопряжены два вида желания: желание обладать объектом и желание добра объекту, причем объект этот занимает центральное место в аксиологической области субъекта; нет таких жертв, на которые последний не пошел бы, чтобы получить и сохранить его в своей «личной сфере» [3. С. 41]. Глагол «любить» по своему происхождению и форме – каузативный, т. е. он означает «вызывать в ком-то или чем-то соответствующее действие, заставлять кого-то или что-то делать ответный шаг». По своей форме «любити» в точности соответствует древнеиндийскому «*lobhauati*» – «возбуждать желание, заставлять любить, влюблять». Как существительное древнерусское слово «любо» воспроизводит древнейший индоевропейский способ образования абстрактных номинаций чувств, качеств и т.д. без образования суффиксов от прилагательных. Позднее в истории каждого отдельного языка эти первичные имена заменяются суффиксальными: русское «любы» – «любовь». В словаре русских синонимов глагол «любить» отождествляется с: обожать кого-либо, боготворить кого-либо, с ума сходить по кому-либо, не надыхаться на кого-либо, быть равнодушным к кому-либо и т. д. [1].

Классической типологией видов любви до сих пор считается античная типология, различающая: *эрос* – как стремление к самоощущению и ощущению другого, имеющее целью единоплотие; *филия* – как стремление к душевной близости, ставящее целью единодушие; и *агапе* – спокойное, непрерывное, глубокое, самодостаточное чувство, суть которого, по Флоренскому, – готовность к жертве, или – по Шелеру – к бескорыстному творческому самопожертвованию. Согласно В. С. Соловьеву, в зависимости от объекта выделяются три основных вида любви: 1) родительская; 2) сыновья и 3) половая [6. С. 216]. Исходя из данных проведенного опроса, С. Воркачев также указывает на тот факт, что под «просто любовью» понимается, как правило, любовь эротическая. Именно ее отличают от дружбы и любовного влечения [3. С. 42]. В данной статье рассматривается именно последнее проявление любви. При этом следует учитывать, что эротическая любовь, в свою очередь, делится на подвиды: любовь-страсть, любовь-влечение; физическую любовь; любовь тщеславие (согласно Стендалю [7. С. 363–364]). Т.Кемпер рассматривает семь типов любовных отношений: романтическая любовь, братская любовь, харизматическая любовь, измена, влюбленность, поклонение и любовь детей к родителям. Из них всего лишь три – романтическая любовь, измена и влюбленность – являются разновидностями эротической любви [10. С. 285–292].

Наиболее ярко и образно любовь представлена в поэзии. В данной статье особое внимание уделяется работе Дж. Инджелю. Она является английским поэтом. Рано начинает заниматься литературным творчеством. Несмотря на это, первая книга Дж. Инджелю под названием «Рифмованная хроника случайностей и чувств», получившая восторженный отзыв А. Теннисона, была издана много лет спустя. Поэт использовала возвышенный стиль, а также огромное количество возвышенной лексики и ярких синонимов при написании своих поэтических произведений, что, по мнению некоторых критиков, сделало ее славу недолговечной. Дж. Инджелю рассматривала и описывала любовь как способ выражения страха потерять смысл жизни, так как любовь в ее представлении и есть смысл жизнь. При этом особую роль играет презентация человеческой сущности. Языковые репрезентации любви (в отдельных случаях, любовных переживаний) в рамках данной статьи представлены в виде метафорических концептов. Они могут быть:

- связаны с уходом любимого человека и свидетельствовать об уязвимости, несостоятельности индивидуума (в данном случае, жен-

щины) после окончания романа – ЧЕЛОВЕК – ПЛЕННИК ЧУВСТВ: There have been nights and morns when we have sighed,...а теперь ...sorrows humanize our race; Tears are the showers that fertilize this world;...When I remember something which I had, But which is gone, and I must do without, **I sometimes wonder how I can be glad**, Even in cowslip time when hedges aprout;... **My days will not be better days**, should I forget (from “Regret”). Поэт использует косвенные описания, не прибегая к прямой номинации лексической единицы «love». Одним из показателей выражения чувств является прилагательное «glad» (радостный), которое эксплицитно выражает такую эмоцию, как «радость» (gladness). Любовь, вернее ее начальная стадия, сопровождается набором специфических переживаний и чувств, в состав которых входит и «радость».

- показателем бесстрашия, абсолютной преданности и способности к самопожертвованию ради объекта любви – ЧЕЛОВЕК – БОРЕЦ ЗА СЧАСТЬЕ: The man was not deceived, nor yet could stand; **He chose to lose, for love of her, his throne**, – With her could die, **but could not live alone...** The world’s first hero died an uncrown’d king; But God’s great pity touched the grand mistake, And **made his married love a sacred thing**:... (from “Remonstrance”). Дж. Инджелу использует лексему «love», показывая важность переживаемого чувства. Стоит обратить особое внимание на прием аллитерации (повторение звуков «л», «х», «м»), который способствует интенсификации накала страстей.

- показателем наличия способности рассмотреть и оценить всю красоту окружающего мира (при этом происходит сравнение и отождествление отдельных свойств с объектами окружающей действительности) – ЧЕЛОВЕК – ЦЕНИТЕЛЬ ПРЕКРАСНОГО: O Fancy, if thou flyest, come back anon, **Thy fluttering wings are soft as love’s first word**, And **fragrant as the feathers of that bird**, ... With stars thou hadst been stealing –while they lay Smothered in light and blue –clasped to thy breast (from “Fancy”); **Sweet is spring, and sweet the morning**, my beloved, my beloved; Now for us doth spring, doth morning, wait upon the year’s increase, And my prayer goes up, “Oh, give us, crowned in youth with marriage glory, ... (from “One Morning, Oh! So Early”). Поэт использует лексическую единицу «love» в сочетании при сравнении с полетом птицы. Можно провести следующую параллель: любовь «окрыляет». Стоит также обратить внимание на прилагательное «sweet» (сладкий), которое довольно часто встречается в сочетаниях «sweet love», «sweet lover». В данном случае оно фигуриру-

ет отдельно от существительного «love» (любовь), но, несмотря на это, является имплицитным указателем на «высокие» чувства.

• показателем таких чувств, как РАДОСТЬ, ВООДУШЕВЛЕНИЕ, НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ, ЕДИНСТВО, СПЛОЧЕННОСТЬ, ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ВЕСЬ МИР ВРАЩАЕТСЯ ТОЛЬКО ВОКРУГ ВЛЮБЛЕННЫХ СЕРДЕЦ (в данном случае человек абстрагирует себя от окружающей действительности и мира в целом, так как его вселенной становится объект воздыхания) – ЧЕЛОВЕК – ТВОРЕЦ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: *It's we two, it's we two, it's we two for aye, All the world, and we two, and Heaven be our stay! ... All the world was Adam once, with Eve by his side. What's the world, my lass, my love! – what can it do? I am thine, and thou art mine; life is sweet and new. If the world have missed the mark, let it stand by; For we two have gotten leave, and once more we'll try.... It's we two, it's we two, happy side by side....* When the darker days come, and no sun will shine, **Thou shalt dry my tears, lass, and I'll dry thine.** *It's we two, it's we two, while the world's away, Sitting by the golden sheaves on our wedding-day (from "Like A Laverock In The Lift").* Поэт указывает на одно из основных чувств, которое человек переживает в период влюбленности: счастье (через прилагательное «happy»). Ссылка на Адама и Еву свидетельствует о бесстрашии двух влюбленных сердец. Подобно первым людям на земле, поэт и ее возлюбленный готовы противостоять всему миру (прием аллитерации способствует нарастанию решимости); – ЧЕЛОВЕК – ПЕШКА: *When I reflect how little I have done, And add to that how little I have seen, Then furthermore how little I have won Of joy, or good, how little known, or been: I long for other life more full, more keen, And yearn to change with such as well have run... (from "Wishing").* В данном случае поэт переосмысливает свою жизнь и приходит к выводу, что переживаний, внутренних терзаний можно было бы избежать, если вовремя ценить предоставленные жизнью возможности и отношения с близкими людьми. Прием повтора ("how little") показывает несостоятельность человека. Особого рассмотрения заслуживает глагол "to long for" (страстно желать \ хотеть \ чего-либо). По своей семантике он близок глаголу "to love" (любить).

Только искренне полюбив, человек становится самим собою. Любовь, с одной стороны, делает нас беззащитными перед другими людьми, так как чувства «ослепляют» разум, а, с другой стороны, она позволяет познать свою сущность и «найти удовольствие во благе, совершенстве, счастье другого человека (Лейбниц)». В данной

статье человеческая сущность проявляется с помощью языковой репрезентации любви через метафорические концепты (ЧЕЛОВЕК – ПЛЕННИК ЧУВСТВ, ЧЕЛОВЕК – БОРЕЦ ЗА СЧАСТЬЕ, ЧЕЛОВЕК – ЦЕНИТЕЛЬ ПРЕКРАСНОГО, ЧЕЛОВЕК – ТВОРЕЦ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ЧЕЛОВЕК – ПЕШКА). В период влюбленности и любви проявляются различные характеристики и качества человека. Все зависит от индивидуального видения поэта, а также от того, какие именно стороны человеческой сущности он хочет представить вниманию читателя.

Список литературы

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / Н. Абрамов. – М. : Русские словари, 1999.
2. Братусь, Б. С. Любовь как психологическая презентация человеческой сущности [Текст] / Б. С. Братусь // Вопросы философии. – 2009. – № 12. – С. 30–42.
3. Воркачев, С. Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 284 с.
4. Иванченко, Г. В. Логос любви [Текст] / Г. В. Иванченко. – М. : Смысл, 2007. – 144 с.
5. Летягина, Ю. А. Исследование представлений людей о любви [Текст] / Ю. А. Летягина. – Челябинск, 2009.
6. Соловьев, В. С. Любовь [Текст] / В. С. Соловьев // Энциклопедический словарь. – СПб., 1896. – Т.18. – С. 216-217.
7. Стендаль. О любви [Текст] // Собрание сочинений: в 15 т. – Т.4. М. : 1959. – 9000 с. (все сочинения).
8. Фромм, Э. Искусство любить [Текст] / Э. Фромм. – М. : Педагогика, 1990. – 160 с.

List of literature

1. Abramov, N. Slovar' russkikh sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij [Tekst] / N. Abramov. – M. : Russkie slovori, 1999.
2. Bratus', B. S. Ljubov' kak psihologicheskaja prezentacija chelovecheskoj suwnosti [Tekst] / B. S. Bratus' // Voprosy filosofii. – 2009. – № 12. – S. 30–42.
3. Vorkachev, S. Ljubov' kak lingvokul'turnyj koncept [Tekst] / S. Vorkachev. – M. : Gnozis, 2007. – 284 s.
4. Ivanchenko, G. V. Logos ljubvi [Tekst] / G. V. Ivanchenko. – M. : Smysl, 2007. – 144 s.
5. Letjagina, Ju. A. Issledovanie predstavlenij ljudej o ljubvi [Tekst] / Ju. A. Letjagina. – Cheljabinsk, 2009.
6. Solov'ev, V. S. Ljubov' [Tekst] / V. S. Solov'ev // Jenciklopedicheskij slovar'. – SPb., 1896. – T.18. – S. 216-217.
7. Stendal'. O ljubvi [Tekst] // Sobranie sochinenij: v 15 t. – Т.4. М. : 1959. – 9000 s. (vse sochinenija).
8. Fromm, Je. Iskusstvo ljubit' [Tekst] / Je. Fromm. – M. : Pedagogika, 1990. – 160 s.

9. Ingelow, J. Poems in two volumes [Текст] / J. Ingelow. – Boston : Roberts Brothers, 1896.

10. Kemper, T. D. A social interaction theory of emotions [Текст] / T. D. Kemper. – N.Y. : John Wiley, 1978. – 470 p.

9. Ingelow, J. Poems in two volumes [Текст] / J. Ingelow. – Boston : Roberts Brothers, 1896.

Kemper, T. D. A social interaction theory of emotions [Текст] / T. D. Kemper. – N.Y. : John Wiley, 1978. – 470 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В РАБОТЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ

Л. В. Климина

В статье предлагаем познакомиться с профессионально необходимой для современного учителя русской словесности системой знаний, умений и навыков в работе с художественным текстом.

Ключевые слова: компетентность, текст, художественный текст, анализ текста.

Под профессиональной компетентностью понимается интегральная характеристика деловых и личностных качеств специалиста, отражающая уровень знаний, умений и навыков, опыта, достаточных для осуществления определенного рода деятельности, которая связана с принятием решений. Одним из основных компонентов профессиональной компетентности является специальная компетентность, которую следует толковать как подготовленность к самостоятельному выполнению конкретных видов деятельности, умение решать типовые профессиональные задачи и оценивать результаты своего труда, способность самостоятельно приобретать новые знания и умения по специальности.

На разных этапах развития педагогического знания ученые размышляли о личности учителя, ее профессионально значимых качествах, способностях и умениях, специфических видах деятельности. Педагогическая профессия является одновременно преобразующей и управляющей. Для того чтобы управлять развитием личности, нужно быть компетентным. Существуют многочисленные подходы к пониманию категории «профессиональная компетентность учителя». Понятие профессиональной компетентности педагога выражает единство его теоретической и практической готовности к осуществлению педагогической деятельности и характеризует его профессионализм. Среди многочисленных трактовок понятия компетентности специалиста отметим понимание компетентности как интегральной характеристики личности, отражающей целостность ее профессиональной деятельности, оцениваемой профессиональным сообществом. В этом плане компетентность специалиста

представляет собой единство квалификации и опыта [6. С. 21]. Профессиональная компетентность учителя оценивается уровнем сформированности профессионально-педагогических умений. В группе профессионально-педагогических умений ценными являются специальные умения, то есть узкопрофессиональные умения в рамках какой-либо одной отрасли знаний. Одно из направлений в толковании рассматриваемой категории – это понимание профессиональной компетентности как системы качеств, умений. В этом случае под профессиональной компетентностью следует понимать систему знаний, умений и навыков, профессионально значимых качеств личности, обеспечивающих возможность выполнения профессиональных обязанностей определенного уровня. Данное понимание является значимым в работе по формированию профессиональной компетентности будущих учителей. В настоящей статье предлагаем познакомиться с профессионально необходимой для современного учителя русской словесности системой знаний, умений и навыков в работе с художественным текстом.

Текст является центральным объектом исследования в современной филологической науке. Текстцентризм и антропоцентризм современной научной парадигмы способствовали развитию традиционных подходов к тексту и появлению разнообразных новых аспектов его анализа. В сфере вузовского филологического образования важным по-прежнему является комплексный разбор текста как системно-структурного образования и значимыми становятся концептуально-культурологический и коммуникативно-когнитивный подходы к исследованию произведений словесности. Курс «Филологический анализ текста» в педагогическом вузе призван не только познакомить студентов с теорией текста, с разнообразными технологиями его исследования, но и сформировать у будущих учителей русского языка и литературы умения и навыки самостоятельного анализа произведений словесности, раскрыть приёмы общения школьников к творческой текстовой и исследовательской деятельности, показать возможности воспитания учащихся художественным словом. Научный анализ художественных текстов и анализ произведений художественной словесности в лингводидактическом аспекте обогатят студентов-филологов новыми профессиональными знаниями и идеями, что значимо для формирования их профессиональной компетентности.

В процессе изучения курса «Филологический анализ текста» студентам педагогического вуза предлагается изучить содержание

следующих разделов данной учебной дисциплины: «Модели анализа произведений словесности», «Анализ текста в системе современного филологического образования», «Формирование умений и навыков в работе с художественным текстом». Первый раздел «Модели анализа произведений словесности» содержит теоретический и практический материал, посвященный комплексному, частично-му и избирательному (детерминантному) разбору художественных текстов. Во втором разделе «Анализ текста в системе современного филологического образования» учитываются современные знания в области лингвистики текста и раскрываются основы инновационных подходов к анализу произведений словесности. Последний раздел «Формирование умений и навыков в работе с художественным текстом» имеет практическую направленность и позволяет дать будущим учителям русской словесности необходимые знания по методике разбора художественных текстов в школе.

Знание моделей анализа произведений художественной словесности предполагает познание основ комплексного лингвосмыслового анализа художественного текста, частичного лингвосмыслового анализа и избирательного (детерминантного) подхода к анализу произведений словесности. На лекциях студенты знакомятся с признаками и понятием текста, спецификой и определением художественного текста. Лекционный материал по теории в области филологического анализа текста предполагает освещение вопросов: «Тема и идея словесных произведений», «Сюжет и композиция художественных произведений», «Экспрессивно-эстетические ресурсы уровней языка произведений художественной словесности», «Особенности языковой организации поэтических, прозаических и драматургических текстов», «Принципы, методы и приемы анализа художественного текста». На практикуме студенты знакомятся с образцами многоуровневого, частичного и избирательного анализа произведений, самостоятельно анализируют их, знакомятся с лингводидактической моделью комплексного разбора текста, самостоятельно исследуют произведения художественной словесности в лингводидактическом аспекте и выявляют их воспитательный потенциал. Студентам предлагается самостоятельно проанализировать стихотворение Ф. И. Тютчева «Silentium», указать тему и идею этого произведения, исследовать соотношение между предметно-логической и эмоционально-экспрессивной сторонами содержательной структуры стихотворения В. Я. Брюсова «Первый снег», определить особенности композиционной организации стихотворения М. Ю. Лермонтова

«Родина». Затем студенты показывают экспрессивно-эстетические возможности лексико-семантического и фонетического уровней в стихотворении А. А. Вознесенского «Снег в октябре», указывают экспрессивно-эстетические функции звукописи в стихотворении К. Д. Бальмонта «Я вольный ветер, я вечно вею...», комментируют использование звукописи и местоимений как средств художественной выразительности в стихотворении А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», выясняют экспрессивно-эстетическую нагруженность морфологического, синтаксического и метрического уровней языка стихотворения К. Д. Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени...». В ходе работы с прозаическими произведениями художественной словесности предлагаем выявить основную мысль рассказа И. А. Бунина «Солнечный удар», используя избирательный (детерминантный) подход к анализу текста. Будущие учителя русской словесности пытаются самостоятельно разработать лингводидактическую модель анализа стихотворения И. А. Бунина «Слово», акцентируя внимание на воспитательном потенциале произведения, и выполняют комплексный филологический анализ стихотворений Б. Л. Пастернака «Единственные дни» и Е. А. Евтушенко «Достойно, главное, достойно...», включенных в школьную хрестоматию в соответствии с программой по литературе.

Раздел «Анализ текста в системе современного филологического образования» знакомит студентов с традиционными и инновационными подходами к анализу художественного текста в современной лингвистике и с полипарадигмальностью в современной модели лингвистического анализа исторических текстов. На лекциях освещаются актуальные для современного филологического образования подходы к анализу произведений художественной словесности и, помимо традиционной модели исследования текстов, разясняются разработанные лингвистами в рамках антропоцентрической парадигмы новые технологии филологического анализа текста. На практикуме преподаватель представляет образцы исследования семантического пространства художественного произведения и примеры изучения исторических и художественных текстов в национально-культурном аспекте. На практических занятиях также рассматриваются возможности полипарадигмального научного толкования литературных текстов, учитывающего разные направления современных лингвистических знаний. Студентам предлагается самостоятельно подготовить собственно языковой комментарий к думе К. Ф. Рылеева «Олег Вещий», проанализировать в триаде сти-

хотворение А. А. Ахматовой «Я слышу иволги всегда печальный голос...»). В процессе самостоятельного исследования семантического пространства художественных произведений студенты определяют в рассказе А. П. Чехова «Хамелеон» глобальную текстовую ситуацию и особенности ее развертывания, исследуют языковую реализацию категории времени и категории пространства в повести И. С. Тургенева «Ася», выявляют концептуальную информацию в семантическом пространстве рассказа Е. И. Носова «Живое пламя», включенного в общеобразовательной средней школе в программу по литературе для внеклассного чтения, характеризуют эмоциональную тональность рассказа М. М. Зощенко «Обезьяний язык» и указывают языковые средства ее создания. Завершается самостоятельная работа студентов по второму разделу курса выполнением филологического анализа стихотворения М. И. Цветаевой «Волк» в контексте русской культуры.

В процессе освоения раздела «Формирование умений и навыков в работе с художественным текстом» будущие педагоги обсуждают элементы исследовательской работы на занятиях по русской словесности и вопрос использования художественных текстов на уроках русского языка. Преподаватель предлагает описание фрагментов уроков, на которых формируются исследовательские навыки учащихся в работе с произведениями словесности разных эпох, обращает внимание на историко-лингвистическую подготовку, позволяющую грамотно анализировать художественные тексты XVIII–XIX веков в историко-культурном контексте. На практических занятиях рассматриваются вопросы использования текстов на занятиях по русскому языку с целью обобщения и систематизации теоретических знаний школьников, обогащения их словарного запаса, корректировки стилистических умений и орфографических и пунктуационных навыков. Студентам предлагается самостоятельно показать возможности количественного анализа языка стихотворных произведений русских поэтов XX века, включенных в программу по литературе для общеобразовательной средней школы, выполнить филологический анализ стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Голуби», учитывая жанровое своеобразие произведения, проанализировать речевую организацию рассказа М. М. Зощенко «Встреча». Студенты определяют, от чего зависит языковой состав произведений М. В. Ломоносова, сопоставляют язык стихотворных текстов А. С. Пушкина, созданных поэтом в разные периоды творчества на одну тему. В ходе филологического анализа произведений

М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова студенты называют приметы индивидуального стиля русских писателей XIX века.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум [Текст] / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие [Текст] / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
3. Климина, Л. В. Анализ текста: лингводидактический аспект: Учеб. пособие для студентов филологических специальностей педвуза [Текст] / Л. В. Климина. – Sterлитамак : Sterlitamakskaja gos.ped.akademija im. Zajnab Biishevoj, 2009. – 209 с.
4. Сенашенко, В. С. О компетенциях, квалификации и компетенции [Текст] / В. С. Сенашенко, В. А. Кузнецова, В. С. Кузнецов // Высшее образование в России. – 2010. – № 6. – С. 18–23.

List of literature

1. Babenko, L. G. Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika: Uchebnik; Praktikum [Tekst] / L. G. Babenko, Ju. V. Kazarin. – M. : Flinta: Nauka, 2003. – 496 s.
2. Bolotnova, N. S. Filologicheskij analiz teksta: Ucheb. posobie [Tekst] / N. S. Bolotnova. – M. : Flinta : Nauka, 2009. – 520 s.
3. Klimina, L. V. Analiz teksta: lingvodidakticheskij aspekt: Ucheb. posobie dlja studentov filologicheskikh special'nostej pedvuza [Tekst] / L. V. Klimina. – Sterlitamak : Sterlitamakskaja gos.ped.akademija im. Zajnab Biishevoj, 2009. – 209 s.
4. Senashenko, V. S. O kompetencijah, kvalifikacii i kompetencii [] / V. S. Senashenko, V. A. Kuznecova, V. S. Kuznecov // Vyshee obrazovanie v Rossii. – 2010. – № 6. – S. 18–23.

ИНТЕРТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ЭРДМАНА**Н. А. Пелипас**

Статья посвящена актуальной проблеме интертекстуального изучения художественного произведения. Каждому автору присущ сугубо индивидуальный способ использования интертекстуальности в произведении. Роль интертекстуальности в читательском восприятии произведений Н. Эрдмана практически не раскрыта. Для творчества Н. Эрдмана предпочтительным средством ввода интертекстуальности является референция.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальность, аллюзия, цитата, реминисценция, референция.

Интертекстуальность сегодня позиционируется как признак вербального творчества. Р. Барт считает, что всякий текст «соткан из цитат, отсылок, отзвуков».

Изучение обширной литературы по проблеме интертекстуальности позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на множественность ракурсов, в которых изучается феномен интертекстуальности, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что общим условием реализации принципа интертекстуальности является наличие «текста в тексте», мотивы, фрагменты, язык или сюжет которого транспонируется автором в собственный текст и используются им для порождения нового смысла.

Актуальность темы диктуется тем, что на данный момент творчество Н. Эрдмана является недостаточно изученным. В частности, роль интертекстуальности в читательском восприятии произведений этого автора практически совсем нераскрыта. Каждому автору присущ сугубо индивидуальный способ использования интертекстуальности в произведении. Создателем теории интертекстуальности принято считать М. М. Бахтина – именно его ранний труд «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» вдохновила Ю. Кристеву на создание термина «интертекстуальность» [Кристева, 2004]. В своей работе М. М. Бахтин приходит к выводу, что, создавая художественное произведение, автор имеет дело не с простой действительностью, а с действительностью оцененной и оформленной, что порождает

предпосылки для «размыкания» произведения и его вхождения в историю и культуру [Бахтин, 1975]. Российские лингвисты, изучающие работы М. М. Бахтина, позже объединили введенные им термины «полифоничность», «разноречие», «чужое слово» понятием «теория диалогизма» [Арнольд, 1997; Ильин, 1998; Лукин, 2005 и др.].

В целом, можно сказать, что интертекстуальность – это «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении как в явном виде (например, цитаты), так и в неявном (например, аллюзии) [Пьеге-Гро. С. 48]. Определенный образ читателя моделируют, как правило, цитаты и реминисценции. Восприятие читателя активизируется в результате сопоставления образов одного произведения с другим, т. е. с претекстом. Автор рассчитывает на объем знаний читателя и его историко-культурную память. В текстах Н. Эрдмана мы видим преобразование цитат, часто связанное не только со свободой передачи «чужого текста», но и с усилением обобщенности передаваемого смысла, изменением характера оценок или в некоторых случаях новой интерпретацией образа. В произведении «Самоубийца» Н. Эрдман аллюзивный пласт ориентирует в основном на русскую классическую литературу. Вспомним монолог Виктора Викторовича «Я не мыслю себя без советской республики» – пародия на знаменитое отступление из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, подпись Егорушки под доносом на Калабушкина «35 тысяч курьеров» напрямую отсылают нас к «Ревизору». Аллюзии пародийного характера приносят в тексты Н. Эрдмана постмодернистскую иронию.

Элементы «чужих» текстов в прозе Н. Эрдмана многофункциональны. Их использование очень редко ограничивается только орнаментальной функцией. Цитаты и реминисценции прежде всего выполняют главную для прозы Н. Эрдмана функцию **типизации**, усиливают типичность образов или описываемых явлений. Н. Эрдман использует как точные, так и модифицированные цитаты при этом часто выражают и авторские оценки:

Авторская оценка обычно выражается не прямо, а на основе образных параллелей и представлений, центром притяжения которых служит персонаж и связанные с ним реалии или явления. Цитаты и реминисценции могут выступать как завершающая смысловая интенция текста или его части. Образы, связанные с «чужими» текстами, порождают в произведениях Эрдмана новые смыслы,

выражая одновременно ироническую экспрессию. В одном и том же фрагменте текста часто объединяются образы, восходящие к разным источникам и обладающие разной стилистической окраской. Их сочетание обуславливает стилистическую разноплановость, **полифонию** и ритмическое разнообразие контекста.

Совмещение разных интертекстуальных элементов делает драму Эрдмана более **объемной** и передает авторскую экспрессию разным типам в их взаимодействии. Благодаря цитатам язык Н. Эрдмана оказывается и «смещающим», и «смешивающим времена» «Чужой» текст, как правило, служит знаком той или иной культуры. Интертекст в драме Н. Эрдмана определяется не только темой произведения или изображаемой в нем ситуацией, но и характером героя или образом рассказчика.

Таким образом, интертекст в драме Эрдмана выполняет **характерологическую** функцию и играет важную роль в развертывании основной мотивации. В некоторых случаях он выступает как **ключ к подтексту**. В этом смысле «Мандат» Н. Эрдмана несёт в себе один знак времени, объединенный одной цитатой интертекста. «Мандат» можно считать первым серьезным опытом в драматургии в попытке осмыслить мир во всем его многообразии на языке драмы как рода литературы. Писатель выбирает для своего произведения монтажный принцип построения действия. Действие «Мандата» построено как попытка человека с помощью текста организовать реальность. В «Мандате» существует две сюжетные линии, между которыми ослаблена причинно-следственная связь, каждая из них оказывается равноправной по отношению к другой, каждая вызвана собственными обстоятельствами. Первая сюжетная линия связана с замужеством Варвары Сергеевны Гулячкиной, вторая – интрига, разворачивающаяся вокруг выхода замуж Насти Пупкиной, кухарки Гулячкиных. Появление монтажного принципа построения сюжета в «Мандате» связано с общими тенденциями развития драмы как рода литературы в первой половине XX века. Монтаж ориентирует на фрагментарное освоение «сгустков» действительности с помощью интертекста, позволяет выявить типологическую близость эпизодов, реплик героев, дает различные варианты одной реальности. В «Мандате» Павел Гулячкин мечется между жизнью и смертью, «растреляют – не расстреляют», при этом он изначально безразличен новой власти, его жизнь – ноль, ничто. Для Гулячкина же, естественно, она является и высшей ценностью, которую он ставит на карту, играя роль коммуниста, чтобы выгоднее выдать замуж свою

сестру. Трагизм смешного у Эрдмана оттеняется юмористическим. Настя Пупкина собирается выйти замуж, не зная, что ее приняли за великую княжну. Одна и та же ситуация «непонимания-неузнавания-переодевания» воспроизводится одновременно в трагикомическом и юмористическом ключе. Сюжетная линия Насти Пупкиной в принципе носит откровенно водевильный характер, тогда как семантика ситуации «Гулячкин – коммунист» определяет основной содержательный пласт пьесы и генетически связана с жанром сатирической комедии, форму которой открыл Н. Гоголь, в новой эстетической ситуации трансформировавшейся в трагикомедию. В «Самоубийце» Н. Эрдмана также развиваются два параллельных сюжета. Во-первых, интрига вокруг будущего самоубийства Подсекальников. Самоубийство Феди Питунина – вторая интрига, выносится во внесценическое пространство, смерть персонажа, который ни разу не появляется на сцене, – закономерный итог в реализации обстоятельств, в которые поставлен максимально типизированный человек.

Перед нами предстает лишь след жанровой формы и возможно – трагедии, в пьесе трагическое невозможно реконструировать через формальные признаки. В «Мандате автором используется такой сюжетный ход как «Текст вместо человека». Гулячкин выписывает себе документ, как бы дающий ему право на достойное существование. Павел Сергеевич, находящийся на периферии жизни, выписывая себе мандат, стремится стать частью интертекста. Таким образом, человек в момент соприкосновения со смертью, стремится превратиться в текст, продвигаясь к ахронному существованию. В эстетическом пространстве трагикомедии идея культурного бессмертия подвергается деконструкции: после смерти человека остается «пустой» текст, который символизирует собой абсурд мироустройства (лишенная смысла записка Питунина: «Подсекальников прав. Действительно жить не стоит»), открыто профанирует форму официальных документов. Отказывается стреляться во имя кого-либо Подсекальников, отрекаясь от своей предсмертной записки. «Жизнь вне текста» становится для них формулой свободы в абсурдной действительности, способом сохранения себя как физической субстанции.

На основании проведенных анализов интертекстуальных вхождений можно сделать вывод о том, что для творчества Н. Эрдмана предпочтительным средством ввода интертекстуальности является референция, однако, стоит отметить, что остальные инструменты

интертекстуальности также используются достаточно широко. Причиной подобного предпочтения, на наш взгляд, является то, что референция, в сущности, представляет собой компромиссное решение в выборе между цитатой и аллюзией как инструментами интертекстуальности. Она не разрывает стиль авторского повествования как цитата, но является эксплицитной в отличие от аллюзии и поэтому распознается читателями гораздо чаще.

Список литературы

1. Эрдман, Н. Мандат [Текст] / Н. Эрдман // Пьесы. Стихи. Интермедии. Письма. Воспоминания современников. – М., 1990. – С. 79.
2. Узун, С. Почти книжка [Текст] / С. Узун. – М. : АСТ-Москва, 2008. – 320 с.
3. Арнольд, И. В. Интертекстуальность – поэтика чужого слова [Текст] / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб. : Образование, 1999. – С. 350–362.
4. Арнольд, И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения [Текст] / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–91.
5. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 615 с.
6. Бахтин, М. М. Человек в мире слова [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 1995. – 356 с.
7. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики [Текст] / Ю. Кристева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 352 с.

List of literature

1. Jerdman, N. Mandat [Tekst] / N. Jerdman // P'esy. Stihi. Intermedii. Pis'ma. Vospominanija sovremennikov. – M., 1990. – S. 79.
2. Uzun, S. Pochti knizhka [Tekst] / S. Uzun. – M. : AST-Moskva, 2008. – 320 s.
3. Arnol'd, I. V. Intertekstual'nost' – pojetika chuzhogo slova [Tekst] / I. V. Arnol'd // Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'. – SPb. : Obrazovanie, 1999. – S. 350–362.
4. Arnol'd, I. V. Implikacija kak priem postroenija teksta i predmet filologicheskogo izuchenija [Tekst] / I. V. Arnol'd // Voprosy jazykoznanija. – 1982. – № 4. – S. 83–91.
5. Bart, R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Tekst] / R. Bart. – M. : Progress, 1994. – 615 s.
6. Bahtin, M. M. Chelovek v mire slova [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Labirint, 1995. – 356 s.
7. Kristeva, Ju. Izbrannye trudy: Razrushenie pojetiki [Tekst] / Ju. Kristeva. – M. : ROSSPJeN, 2004. – 352 s.

-
8. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум [Текст] / В. А. Лукин. – М. : Ось-89, 2005. – 560с.
8. Lukin, V. A. Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoj teorii. Analiticheskij minimum [Tekst] / V. A. Lukin. – M. : Os'-89, 2005. – 560s.
9. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности [Текст] / Н. Пьеге-Гро. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
9. P'ege-Gro, N. Vvedenie v teoriju intertekstual'nosti [Tekst] / N. P'ege-Gro. – M. : LKI, 2008. – 240 s.

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ
ИОГАННА ПАУЛЯ ФРИДРИХА РИХТЕРА (ЖАН ПОЛЯ)
НА РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА**

Г. П. Радченко, Т. А. Розинкина

В данной статье рассматриваются основные вопросы творчества Ж. Поля, а также его литературная связь с немецкими романтиками.

Ключевые слова: романтизм, немецкая литература

Романтизм сам по себе не был явлением чисто немецким, это общеевропейское направление, но Германия стала той страной, где романтизм сложился в законченную школу. Это была страна, которая создала романтическую эстетику, романтическую философию, от которой так или иначе были зависимы взгляды романтиков других стран. Эпоха романтизма – один из интереснейших и самых насыщенных периодов истории человечества. Ускорение темпа жизни закономерно влекло за собой калейдоскопическую смену течений, взглядов, философских систем. Возникла волна новых течений, форм, экспериментальных попыток синтеза различных областей искусства. Литература каждой отдельной страны, отражая социальные процессы, в ней происходящие, сохраняла свое национальное своеобразие. Характерно, что романтики, много сделавшие для расширения международного обмена художественными ценностями, неизменно подчеркивали национальные корни каждой культуры, ее самобытность и неповторимый местный колорит. На первый план выдвигалась идея «характерного» искусства, то есть искусства, наделенного силой, энергией и национальной самобытностью, близкого природе, народного во всех своих проявлениях.

Для каждого литературного направления характерны типичные черты: тематические, образные, стилистические и другие, образующие собственно основу данного направления. Помимо этого каждое литературное направление отличается и своими хронологическими рамками.

Последняя четверть 18 столетия и первая четверть 19 века представлены многочисленными литературными течениями, которые существовали параллельно, пересекались или взаимоисключали друг

друга. Результатом этого явилось то, что три автора названного периода Ж. Пауль, Ф. Гельдерлин и Г. Клейст не были причислены ни к одному из течений.

Иоганн Пауль Фридрих Рихтер известен под псевдонимом Жан Пауль (традиционно ошибочно – Жан Поль), выбранным им в знак восхищения и поклонения перед французским писателем и философом Жан Жаком Руссо. Ж. Пауль родился 21 марта 1763 года в Вунзиделе в многодетной семье бедного органиста. Молодой И. Рихтер посещал латинскую школу, затем изучал теологию в Лейпцигском университете, интересовался многими другими дисциплинами, но больше всего литературой. По словам писателя, науки ему не были интересны, так как отвлекали от творчества. В 1783 году появилась его первая книга «Гринландские процессы».

Произведениям Ж. Пауля присущи злая сатира и сердечная теплота по отношению ко всему человеческому, с чем он был тесно связан. Его прозаические произведения напугали бы современного читателя не только объёмом, но и стилем автора. Последний не придерживался никаких литературных канонов, переходя от лирических пассажей к иронично-сатирическим наблюдениям и естественно-научным заключениям, отвлекая читателя от основного сюжета, за которым тот едва успевает следить. Излюбленная тема – трагикомический конфликт между неутолимостью души и мелочным прозябанием, стремление преодолеть действительность юмором – «смехом сквозь слезы».

Герои рассказов и романов Ж. Пауля – странные гротескные фигуры. Таковыми являются и герои произведения «Титан» (1800–1803 гг.) с его продолжением «Морская книга воздухоплователя Гианноццо». Это один из самых известных воспитательных романов немецкой литературы. В нём описывается процесс взросления юноши Альбано, протекающий на фоне кажущихся тривиальными интриг и противоречий с философией Фихте.

«Комета или Николаус Маркграф» (1820–1822 гг.) – последний незаконченный роман автора, абсурдно-комичная история франконского Дон Кихота обрывается на слове «ужас». Шедевром Ж. Пауля является произведение «Цветы, плоды и шипы или супружество, смерть и торжество бедного адвоката Ф. Ст. Зибенкеза». Этот необычный роман передаёт всё богатство настроений героев, многообразие раскрываемых тем и наблюдений, что позволяет отнести его к разряду лучших прозаических произведений того времени. Острая сатира, используемая автором в описании жизни общества, сменя-

ется разъяснением проблем индивидуальности. За сценами из жизни супружеских бюргерских пар следуют картины романтических идиллических сцен, не содержащих иронии, столь присущей автору.

«Такого писателя как Ж. Пауль я не встречал среди тех, чьи произведения читал до сих пор. Таким сочетанием остроумия, фантазии, сентиментальности может обладать писатель только с благословения неба», – писал Георг Кристоф Лихтенберг. Ж. Пауль занимает в немецкой литературе особое место. Его произведения воспринимались современниками неоднозначно. У одних они вызывали глубочайший интерес, у других удивление, третьих оставляли равнодушными. Романы Ж. Пауля присущи отсутствию своеобразной формы, характерной произведениям представителей романтизма. Август Вильгельм Шлегель назвал романы Ж. Пауля монологами, к участию в которых автор побуждает читателя. Произведения Ж. Пауля изобилуют остротами, метафорами, сложными, путанными сюжетами. В них смешались поэтические описания, одухотворённая ирония, острая сатира и мягкий юмор. Особенно нравились его романы женщинам за умение очень живо, интересно, необычно изображать женские образы. Никому из немецких писателей не удавалось до Ж. Пауля изображать женские характеры с такой психологической глубиной.

Как и романы писателя, характер Ж. Пауля был противоречив, изменчив. Жан Пауль был добродушным человеком, одухотворённой и в то же время чрезвычайно сентиментальной натурой, по-детски доверчивой и легко ранимой. Неудивительно, что отношение веймарских классиков И. В. Гёте и Ф. Шиллера к нему были неоднозначны. Гёте считал Ж. Пауля очень сложной личностью, которую современники не могли до конца понять и поэтому давали противоречивые оценки. Когда Ж. Пауль появился в Веймаре, Ф. Шиллер назвал его чужаком, свалившимся с небес. Современники насмеялись исподтишка над этим сентиментальным, ребячливым мечтателем. Но женские сердца были покорены идиллическими произведениями и личным шармом писателя. Гердер и Виланд его ценили и поддерживали, хотя Ж. Пауль соблюдал дистанцию по отношению к представителям классицизма, являясь одним из сторонников философии Артура Шопенгауэра.

Творчество Ж. Пауля отражает весь мировоззренческий спектр его времени. Во многом запоздалый представитель «Бури и натиска» и предтеча романтизма, Жан Пауль обладал бурной, порой некротимой фантазией, умел мастерски пользоваться реалистической

деталью, равно как и мечтательной выдумкой, озорной комедией и томной сентиментальностью, поднимаясь до подлинного трагизма. В его сатирических произведениях прослеживается влияние Л.Стерна, однако нравственная основательность юмора автора и прославление индивидуальности, даже эксцентричности, делают писателя подлинно немецким идеалистом и романтиком.

Список литературы

1. Берковский, Н. Я. Романтизм в Германии, его природа, замыслы и судьбы [Текст] / Н. Я. Берковский. – СПб. : Азбука – классика, 2001 – 512 с.
2. Ботникова, А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм [Текст] / А. Б. Ботникова. – Воронеж : Изд-во гос. ун-та, 2004. – 341с.
3. История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н. А. Соловьевой. [Электронный ресурс]. – Url : [http:// revolution. albest. ru/ literature/ 000009328](http://revolution.albest.ru/literature/000009328).
4. Рейман, П. Основные течения в немецкой литературе (1750–1848гг.) [Текст] / П. Рейман // Пер. с нем. – М., 1959.

List of literature

1. Berkovskij, N. Ja. Romantizm v Germanii, ego priroda, zamysly i sud'by [Tekst] / N. Ja. Berkovskij. – SPb. : Azbuka – klassika, 2001 – 512 s.
2. Botnikova, A. B. Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form [Tekst] / A. B. Botnikova. – Voronezh : Izd-vo gos. un-ta, 2004. – 341s.
3. Istorija zarubezhnoj literatury XIX veka / Pod red. N. A. Solov'evoj. [Jelektronnyj resurs]. – Url : [http:// revolution. albest. ru/ literature/ 000009328](http://revolution.albest.ru/literature/000009328).
4. Rejman, P. Osnovnye techenija v nemeckoj literature (1750–1848gg.) [Tekst] / P. Rejman // Per. s nem. – M., 1959.

**АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
КАК ПОПУЛЯРИЗОВАННЫЙ ЭЛЕМЕНТ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Л. М. Рыльщикова, К. В. Худяков

В статье описаны особенности использования терминов «альтернативная реальность» и «альтернативная история, относящихся к научно-фантастическому дискурсу, в литературе и кинематографе. Рассмотрена распространенность их в литературе и кинематографе.

Ключевые слова: дискурс, научная фантастика, альтернативная реальность.

Каждая область жизни и процесс создания объектов материальной и духовной культуры может характеризоваться своим дискурсом. Научно-фантастический дискурс — это особое явление, обладающее своей актуальностью и значимостью, в первую очередь имеет выражение в научно-фантастической литературе, периодических изданиях, новостях науки и техники и оказывает ненулевое влияние на состояние общества и научно-технический прогресс. Отдельная область научно-фантастического дискурса — кинематограф, главным образом фантастические фильмы и сериалы. Более подробно статус научно-фантастического дискурса рассмотрен авторами в работе [1].

Развитие массовой культуры привело к тому, что сейчас «фантастика» является слишком общим термином, под которым могут скрываться произведения, совершенно разные по характеру описываемых реалий материальной культуры, экономических и общественных отношений. От технократической утопии до «темного» фэнтези, от приключенческой «космической оперы» до серьезной «твердой» фантастики, ставящей во главу угла проблемы развития науки и ее отношения с обществом. Роднит их разве что базовое свойство фантастики: это литература о необычном, о том, чего нет в окружающей нас объективной реальности.

Одним из субжанров фантастики является альтернативная история, являющаяся изображением реальности, которая могла бы существовать, если бы история, в один из своих значимых моментов (точек бифуркации, или точек развилки) пошла по другому пути.

«История не знает сослагательного наклонения». Данное утверждение базируется на строгом материализме и на документированных фактах, на воспоминаниях и жизненном опыте людей. Каждый человек действительно знает, что прошлое невозможно изменить, что история отдельного индивидуума и целых государств уже состоялась. Однако нет явного запрета на то, что эта *история могла бы быть другой* под воздействием некоего события или иного стечения обстоятельств, «МНВ, минимально необходимого воздействия», по терминологии А. Азимова.

Эта посылка проистекает из базисного восприятия вселенной как мира, основанного на *вероятности*. Вероятно, многие задумывались над вопросами детерминированности и вероятности даже на примере простейших действий: поднять руку, переставить предмет, выпить стакан воды или стакан сока и т.п. Существует два подхода: детерминистский и вероятностный. Первый предполагает, что движение всех атомов в природе запрограммировано с начала времен (или с акта божественной воли) и он был популярен во времена расцвета классической механики, в которой действительно движение тел можно предсказать по известным законам. Однако детерминизм напрочь отвергает свободу воли.

На атомном уровне, тем не менее, известный людям мир проявляет совсем другие свойства, в которых понятие заранее известной траектории любого тела теряет смысл, зато приобретает огромное значение понятие вероятности, а также факт влияния наблюдателя на результаты наблюдений. Это квантовые свойства, предполагающие бесчисленное множество возможностей, *одна из которых фиксируется в момент наблюдения* [5].

Так как микро- и макромир описываются совершенно разными законами, существовали попытки применить квантовый подход к макрообъектам и, среди прочего, к фактам общественной жизни и личной судьбы отдельного человека. В настоящее время существует полуофициальная точка зрения физиков на то, что реальность фиксируется в момент, когда человек делает выбор или проявляет волю. Остальные вероятности существуют где-то, за пределами нашей вселенной, но они существуют, а не являются химерами сознания, как можно было бы считать в детерминистском подходе.

Таким образом, можно предполагать, что реальность *многовариантна* и что существующая объективная реальность – лишь один из множества вариантов, имеющий равные права на существование с прочими. А прочих – бесконечность. Творения писателей-фанта-

стов обретают если не твердую теоретическую базу, то некий ореол научности, выражаемый расхожими фразами, подобными «ученые доказали», «согласно последним исследованиям», «авторитетные физики говорят» и т.п.

Большинство населения, обладая в целом правильной научной картиной мира (например: Земля круглая, она вращается вокруг Солнца, Солнце – не планета, а звезда) воспринимает эту картину опосредованно: из учебников, из научно-популярной литературы, из передач канала Discovery и **проверить собственноручно не может**. Сродни этому идея о многовариантности вселенной проникает в широкие массы и воспринимается если не как истина в последней инстанции, то хотя бы как мнение, к которому можно прислушаться.

Доказательством этому служит появление продуктов массовой культуры, эксплуатирующих идею альтернативной истории или, как еще принято говорить, альтернативной реальности, причем ориентированных на массовую целевую аудиторию. Приведем несколько примеров.

Фильм «Хранители» (Watchmen, 2009) повествует об *альтернативной реальности* 1985 года. По данным Интернет-сайта «Кинопоиск»[2], бюджет фильма составляет 130 млн. долларов США, а кассовые сборы – 185 плюс 48 млн. составили продажи на DVD, т.е. фильм можно назвать успешным. Аннотация на «Кинопоиске» звучит так: *«Действие картины разворачивается в **параллельной реальности**, в Америке 1985 года. В этом мире супергерои стали частью повседневной жизни общества, а Часы Судного Дня, застыв в пяти минутах от полуночи, отсчитывают время до столкновения ведущих мировых держав...»*

Альтернативность заключается в наличии супергероев (сам факт наличия подобных эпатажных личностей уже сказочен для нас), сверхчеловеческих возможностях некоторых из них, необычных летательных аппаратах («Архимед» супергероя Филина, ведущий себя как антигравитационная машина), широком применении энергетического поля (визуализированного голубым цветом), неизвестного в нашей реальности. Точка развилки нашей и альтернативной реальности явным образом не указана, но по косвенным признакам приходится на 1930-е годы.

Анимационный фильм «Шрек навсегда» (Shrek Forever After, 2010). Бюджет фильма составляет 165 млн. долларов США, сборы – 752 млн., продажи на DVD – 59 млн. Аннотация с сайта «Кинопоиск» следующая: *Под грузом воспоминаний о днях, когда он чувствовал*

себя «настоящим огром», Шрэк поддается на уговоры сладкоголового Румпельштильцхена и заключает с ним договор. Сразу после этого Шрэк оказывается в **альтернативной реальности** Тридевятого королевства, где все поставлено с ног на голову: на огров здесь охотятся, Румпельштильцхен восседает на троне, а Шрэк и Фиона даже не знакомы. И теперь только сам Шрэк может исправить все, что он натворил, чтобы спасти друзей, восстановить привычный ему порядок вещей и вернуть себе свою единственную Истинную Любовь [3]. Помимо аннотации в один момент непосредственно Шрэк восклицает: «Что же это за альтернативная реальность такая?!» То есть рассматриваемый в статье термин оказался наиболее удачным и емким, чтобы описать происходящее на экране и чтобы это поняли *все* зрители, от дошкольника до академика.

Цикл телевизионных передач «Альтернативная история», показываемых каналом ТВ3 [4]. Каждый выпуск передачи рассматривает вероятное событие в точке развилки и, если бы оно произошло, возможный вариант дальнейшего развития событий. Также производится сопоставление реально произошедших событий с возможными.

Эти три продукта массовой культуры, по мнению автора, являются наиболее глубоким прорывом идей альтернативной реальности в российское общественное сознание.

На самом деле идея многовариантности реальности не нова и существует с античности (Тит Ливий «История Рима», Кн. IX, 17-19). И в настоящее время альтернативные реальности остаются предметом исследования историков, в т. ч. военных. Последний наиболее заметный труд в этой области: «Вторая мировая война между Реальностями» С. Переслегина [6]. Однако подобные творения не относятся к массовой культуре, предполагают читателя с неким образовательным цензом.

В литературе жанр альтернативной истории утвердился с известного произведения Л. Спрэг де Кампа «Да не опустится тьма», выпущенного в 1939 году. В англоязычной фантастике наибольшее распространение получила тема альтернативного развития событий Второй Мировой войны, а в России с начала 1990-х годов был создан ряд произведений, которые роднило неприятие существующей реальности и попытка смоделировать более благоприятную, интересную, красивую альтернативную историю, в которой России как государству и русским как нации уготована лучшая роль, чем в объективной реальности. В первую очередь это романы Василия Звягинцева и Вячеслава Рыбакова.

Тем не менее, фантастика – слишком узкий жанр литературы, специфический, не обладающий массовой популярностью. Сообщество фэнов – это далеко не вся читающая публика.

В кинематографе и на телевидении существуют продукты, полностью отвечающие критериям «альтернативной истории», но не получившие широкой известности. Следует упомянуть художественный фильм «Fatherland» [7], сериал «Скользящие» (Sliders) [8], псевдодокументальный «Конфедеративные Штаты Америки» [9]. Все продукты являлись англоязычными. Российскому телезрителю они доступны ограниченно, однако их возможно загрузить из Интернета при целенаправленном интересе к предмету альтернативной истории.

В настоящее время для массового зрителя термины «альтернативная история» и «альтернативная реальность» стали гораздо ближе благодаря использованию в широко известных фильмах («Хранители»), частично в развлекательной продукции, с фантастикой не связанных (любители анимации могли впервые услышать эти термины в «Шрэке навсегда») и, наконец, существует отечественный проект, посвященный теме многовариантности реальности, сделавший данный пласт культуры широко известным. Также следует отметить, что описание иных вариантов реальности не несет явно выраженной эмоциональной окраски, а альтернативно-исторические события (точнее, предположения о них) подаются как возможные, вероятные факты. Оценка же, что предпочтительнее: считать, что объективная реальность ущербна в сравнении с альтернативной (после чего опустить руки) или же благодарить провидение за жизнь в лучшей из возможных реальностей и прилагать свои усилия к ее улучшению – это предоставляется зрителю.

Список литературы

1. Рыльщикова, Л. М. К определению статуса научно-фантастического дискурса [Текст] / Л. М. Рыльщикова // *Lingua mobilis*. Научный журнал. – 2007. – №2. – С. 44–50.
2. Хранители [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/252641/>
3. Шрэк навсегда [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/271806/>

List of literature

1. Ryl'wikova, L. M. K opredeleniju statusa nauchno-fantasticheskogo diskursa [Tekst] / L. M. Ryl'wikova // *Lingua mobilis*. Nauchnyj zhurnal. – 2007. – №2. – S. 44–50.
2. Hraniteli [Jelektronnyj resurs]. – URL : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/252641/>
3. Shrjek navsegda [Jelektronnyj resurs]. – URL : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/271806/>

-
4. Альтернативная история [Электронный ресурс]. – URL : <http://tv3russia.ru/alternativhistory.html>
4. Al'ternativnaja istorija [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://tv3russia.ru/alternativhistory.html>
5. Каку, М. Физика невозможного; пер. с англ [Текст] / М. Каку. – 2-е изд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2010. – 456 с.
5. Kaku, M. Fizika nevozmozhnogo; per. s angl [Tekst] / M. Kaku. – 2-e izd. – M. : Al'pina non-fikshn, 2010. – 456 s.
6. Переслегин, С. Вторая мировая война между Реальностями [Текст] / С. Переслегин. – М. : Яуза, 2006. – 544 с.
6. Pereslegin, S. Vtoraja mirovaja vojna mezhdou Real'nostjami [Tekst] / S. Pereslegin. – M. : Jauza, 2006. – 544 s.
7. Fatherland (TV 1994) [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.imdb.com/title/tt0109779/> (на англ. языке)
7. Fatherland (TV 1994) [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.imdb.com/title/tt0109779/> (на англ. языке)
8. Sliders (TV Series 1995-2000) [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.imdb.com/title/tt0112167/> (на англ. языке)
8. Sliders (TV Series 1995-2000) [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.imdb.com/title/tt0112167/> (на англ. языке)
9. C.S.A.: Confederate States of America (2004) [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.imdb.com/title/tt0389828/> (на англ. языке)
9. C.S.A.: Confederate States of America (2004) [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.imdb.com/title/tt0389828/>

ЮЖНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДИАЛЕКТ В ПРОИЗВЕДЕНИИ МАРКА ТВЕНА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА»

Е. В. Холодковская

В статье рассмотрен современный подход к определению языковой нормы. Установлены соотношения структуры языка с ее нормативными реализациями, принятыми в определенный исторический момент и для определенного языкового коллектива. Рассмотрены языковые средства, которые являются типичными для южного американского диалекта английского языка.

Ключевые слова: определение языковой нормы, структура языка и ее нормативные реализации, южный американский диалект английского языка.

Современного человека, владеющего стандартным нормативным английским языком, несомненно, заинтересует факт столь большого количества «ошибок» при чтении в оригинале книги американского писателя XIX века Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», произведения, относящегося к новаторским и высокохудожественным шедеврам мировой литературы. Налицо отклонение от общепринятых норм литературного английского языка, то есть некоторой совокупности коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как правильные и образцовые.

В современном языкознании существует достаточно большое количество определений, что такое норма. По мнению В.А. Ицкович, «...норма - это существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления, причем эти обязательные единицы могут либо быть единственно возможными, либо выступать в виде сосуществующих в пределах литературного языка, вариантов» [6. С. 8].

Норма рассматривается учеными как некоторая совокупность реализаций и ее изучение должно тем самым основываться на установлении соотношения структуры языка с ее нормативными реализациями, принятыми в определенный исторический момент и для определенного языкового коллектива. Неумолимая творческая энер-

гия заставляла Твена-художника в поиске новых путей в литературе нарушить общепринятые нормы литературного языка.

В «Гекльберри Финне» налицо художественная эволюция писателя. Он создает полноформатный роман, начало и конец которого посвящены все тем же мальчишеским приключениям, что мы видим и в романе о Томе Сойере, но в основной части книги критически описывается американская глушь рабовладельческого Юга, где царит атмосфера жестокости и корысти. Его стиль, сформировавшийся в «Приключениях Тома Сойера» как один из лучших в американской словесности, легкий, острый и чуткий к диалектным нюансам, теперь перешел в новое качество. Марк Твен пишет от первого лица, от лица малограмотного мальчишки, находящегося в самом низу социальной лестницы, бездомного бродяжки, дитя народа, говорящего на юго-западном диалекте. Эта авторская находка имеет свой смысл, так как крепкий и колоритный народный язык, которым написана книга, придает картине американской жизни особую пластическую выразительность и создает впечатлительное разговора «без посредника» – как будто Америка заговорила о себе своим собственным голосом. «Вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется “Гекльберри Финн”» [2. С. 306], писал другой известный американский писатель Эрнст Хэмингуэй. Эти слова имеют в виду и смелое обновление литературного языка, включающего просторечие, сленг, негритянские диалектизмы.

Необходимо отметить, что английский язык не имеет центрального органа, координирующего его развитие, такого как, например, Французская академия во Франции, следовательно, не имеет официального «правильного» или «неправильного» употребления. Кроме того, он является государственным языком в целом ряде стран, поэтому трудно утверждать, что существует единый стандарт английского языка. Норма усредняется, вмещающая в себя яркую картину всех существующих вариантов.

Два «образованных» диалекта английского – один, основанный на южном британском, другой – на среднезападном американском – получили широкое распространение как «стандартные» диалекты по всему миру. Первый иногда называется английским Би-Би-Си (или королевским английским). Второй – «общий американский», распространившийся по большей части США и Канады, обычно является моделью для американских континентов и таких стран, как Филиппины, которые имеют исторические связи с США.

Помимо этих двух основных диалектов существует множество других вариантов английского, которые, в свою очередь, включают в себя многие под-диалекты, такие как кокни, скауз и джорди в британском английском; ньюфаундлендский английский в канадском английском, или афроамериканский английский и южный американский английский в американском английском.

Любой язык не может быть оторван от того окружения, в котором он употребляется. Люди поселяются в определенном месте и это место наносит свой отпечаток на язык, который используется для общения этих людей. Как пишут Н. Н. Болдырев и В. Г. Куликов, «средства языковой репрезентации являются важным компонентом любого диалекта. Именно они и составляют ту основу языкового знания, которая служит для формирования диалектных концептов, актуализируя диалектные различия» [5. С. 7].

Говоря о языковых средствах, которые являются типичными для южного американского диалекта английского языка, можно рассматривать фонологические, лексические, морфологические и стилистические особенности, мы же более подробно остановимся на морфологических, непосредственно касающихся глагольных форм, и стилистических, как наиболее ярко выраженных особенностях данного диалекта.

Как известно, морфология – это раздел науки о языке, изучающий слова естественных языков и их значимые части (морфемы). Морфологию делят на две области: «формальную» морфологию, или морфемику, в центре которой находятся понятия слова и морфемы, и грамматическую семантику, изучающую свойства грамматических морфологических значений и категорий. В американском варианте английского языка необходимо отметить тенденцию к употреблению имен существительных в функции глагола. Так, в тексте произведения мы находим, «... *I went fooling along in the deep woods till I judged I waren't far from the island*» («... *я продолжал блуждать в густом лесу, до тех пор, пока не понял, что нахожусь недалеко от острова*» (перевод наш)). *Fool* (глупец, шут) в основном значении является именем существительным, в данном же примере употреблена форма герундия *fooling*, то есть отглагольное формообразование. В главе 19 “*Alas!*” “*What are you alassing about?*” В первом случае *Alas!* – это восклицание, во втором предложении *alassing* – глагольная форма.

Проведенный анализ произведений показывает, что другими характерными чертами морфологии глагола в южном американском диалекте также являются:

1. Использование употребление окончания *-s* в 1 и 2 лице. Форма *I says* встречается практически на каждой странице произведения. Так, в главе 7 мы читаем: «...*so I says: 'Somebody tied to get in'*» («... я сказал: «Кто-то пытался проникнуть внутрь»);

2. Использование структуры *a+verb+ing*. В той же 7 главе мы читаем “*It kept a-coming*” («Он продолжал приходить к нам») (перевод наш) . “*Nobody else would come a-hunting after me*” («Никто другой не стал бы охотиться после меня» (перевод наш)) уже читаем в 8 главе. “*I’ll be a-shot’n for joy*”, “*I was a-listening*” (16 глава). Употребление префикса *a-* с глаголом не является нормой современного английского языка

3. Использование *is* вместо *are* и *am*. Как следует из нормативного употребления *is* согласуется с местоимениями 3-его лица единственного числа. В примерах, взятых из текста произведения “*Here I is, Huck*”(16 глава) обнаруживаем, что данный глагол употреблен в сочетании с местоимением 1-ого лица единственного числа *I* и с местоимением 2-ого лица единственного числа *you* “*Say- who is you? Whar is you?*” (1 глава).

4. Употребление форм глагола, считающихся в стандартном языке неправильными, с окончанием прошедшего времени как у правильного глагола. “*So I knowed, then, ...*”, “*I knowed mighty well...*” (1 глава). Глагол *know* является неправильным глаголом, соответственно формы *knowed* не имеет.

5. Наличие двух отрицаний в одном предложении противоречит современной норме. Рассмотрим предложения из 1 главы произведения. В первом “... *but I didn’t see nobody...*” слова *didn’t* и *nobody* оба имеют отрицательное значение, в соответствии с правилами английского языка одно из них необходимо заменить на положительный вариант. В другом примере “*Don’t you ask me no question about it*” находим два отрицания *Don’t* и *no question*. “*I didn’t take no stock in mathematics, anyway.*” *didn’t* и *no stock* данного предложения являются примерами двойного отрицания. Другими примерами наличия двойного отрицания являются “*but I couldn’t see no profit in it...*”, “*I don’t take no stock in mathematics, anyway...*”, “*but I didn’t see nobody...*”, “*and don’t ask me nothing...*”.

6. Употребление формы глагола **Past Participle** там, где необходимо употребить форму **Past Simple** и наоборот. Из предложения “*and I seen somebody’s track*” (4 глава) видно, что следовало употребить глагольную форму *saw*, соответствующую **Past Simple**, а в предложении “*which had been took...*” (4 глава) вместо формы *took*

необходимо употребить форму *taken*, что соответствует **Past Participle**. Смешивание форм **Past Participle** и **Past Simple** прослеживается и в других примерах текста произведения “*I took up the book and begun something...*” (5 глава), “*I had wore the ground...*” (6 глава).

Как пишет Н. Л. Шамне, «миграции, войны, путешествия сопровождают всю историю человечества, ведя к возникновению языковых контактов и накладывая свой отпечаток на развитие культур» [8. С. 72], и человек, поселившийся в той или иной среде, оказывает влияние на развитие и функционирование языка, являющегося частью культуры. Появляются языковые особенности, характерные для того или иного времени, для той или иной местности. Изучение таких особенностей языка помогает раскрыть колорит эпохи или территории. Изучение использования Марком Твенном особенностей южного американского диалекта дает нам сделать вывод о том, что в произведении происходит глубокое постижение Америки через провинцию, где в то время царит фальшь и сонное благополучие, и через смелое обновление литературного языка, включающего южно-американские диалектизмы. В обществе «обращение к языковому репертуару представляет собой не что иное, как акт идентификации, который указывает на желаемую социальную принадлежность говорящего. Таким образом, выбор языка играет центральную роль при конструировании социальной идентичности» [4. С. 19]. Таким образом, диалектизмы на страницах произведения Марка Твена являются «не только языковым феноменом, но и феноменом общественной жизни» [5. С. 2], поскольку они создают социальную картину американского общества XIX столетия.

Список литературы

1. Bagby Atwood, E. A Survey of Verb Forms in the Eastern United States [Текст] / E. Bagby Atwood. – University of Michigan Press, 1953.
2. Ludi, G. Mehrsprachigkeit [Текст] / G. Ludi // **Kontaktlinguistik** – Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Goebel H., Neide P. H., Sary Z., Wolck W. (Hrsg.). – Berlin ; N. Y., 1996.

List of literature

1. Bagby Atwood, E. A Survey of Verb Forms in the Eastern United States [Текст] / E. Bagby Atwood. – University of Michigan Press, 1953.
2. Ludi, G. Mehrsprachigkeit [Текст] / G. Ludi // **Kontaktlinguistik** – Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Goebel H., Neide P. H., Sary Z., Wolck W. (Hrsg.). – Berlin ; N. Y., 1996.

3. Болдырев, Н. Н. О диалектном концепте в когнитивной системе языка [Электронный ресурс] / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов. – URL : <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/171.pdf>
4. Ицкович, В. А. Очерки синтаксической нормы [Текст] / В.А. Ицкович. – М., 1982. – С. 8.
5. Филин, Ф. П. О нормах и стилях литературного языка [Текст] / Ф. П. Филин // Проблема нормы и социальная дифференциация языка: Тезисы докладов. – М., 1967.
6. Шамне, Н. Л. Теоретические основы изучения языковых контактов [Текст] / Н. Л. Шамне, А. Н. Шовгенин / Межкультурная коммуникация и сопоставительное изучение языков // Вестник ВолГУ. – Серия 2. – 2008. – № 1 (7).
3. Boldyrev, N. N. O dialektnom koncepte v kognitivnoj sisteme jazyka [Jelektronnyj resurs] / N. N. Boldyrev, V. G. Kulikov. – URL : <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/171.pdf>
4. Ickovich, V. A. Ocherki sintaksičeskoj normy [Tekst] / V.A Ickovich. – M., 1982. – S. 8.
5. Filin, F. P. O normah i stiljah literaturnogo jazyka [Tekst] / F. P. Filin // Problema normy i social'naja differenciacija jazyka: Tezisy dokladov. – M., 1967.
6. Shamne, N. L. Teoreticheskie osnovy izuchenija jazykovyh kontaktov [Tekst] / N. L. Shamne, A. N. Shovgenin / Mezhkul'turnaja komunikacija i sopostavitel'noe izuchenie jazykov // Vestnik VolGU. – Serija 2. – 2008. – № 1 (7).

Список источников

1. Twain, Mark. The adventures of Huckleberry Finn [Текст] / Mark Twain. – Penguin Popular Classics, 1994.
2. Хэмингуэй, Эрнст. Собр. соч. [Текст] / Эрнест Хэмингуэй. – Т. 2. – М., 1968. – С. 306.

References

1. Twain, Mark. The adventures of Huckleberry Finn [Текст] / Mark Twain. – Penguin Popular Classics, 1994.
2. Hjemingujej, Jernst. Sobr. soch. [Tekst] / Jernest Hjemingujej. – T. 2. – M., 1968. – S. 306.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СТАТУСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА¹

Л. А. Ахтаева

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с выделением средств и способов актуализации категории интертекстуальности в разных видах текста: приводятся различные классификации интертекстуальных включений, а также рассматривается статусная характеристика англоязычного научного дискурса.

Ключевые слова: интертекстуальность, научный текст, прецедентный феномен.

Наиболее известным определением интертекстуальности является определение Р. Барта, согласно которому «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [2. С. 78].

Автор термина Ю. Кристева понимает под интертекстуальностью «интер-акцию», происходящую внутри отдельного текста, с помощью которой текст «прочитывает» историю, и он тем самым вписывается в нее как в глобальный текстуральный континуум, элементы которого находятся в постоянном взаимодействии [4. С. 443].

Понятие интертекстуальности, несовместимое со структурной парадигмой, находит адекватное место в лингвистике дискурса. Интертекстуальность входит в онтологию дискурса и обеспечива-

¹ Статья подготовлена в рамках осуществления научного проекта «*Разработка принципов и механизмов портретирования языковой личности и моделирования структуры и элементов языковой картины мира*» (рег. № 1.1.08) по Тематическому плану научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» в рамках Задания Министерства образования и науки РФ и в рамках Комплексной инновационной программы ФГБОУ ВПО «ПГЛУ» «ПРОФИ – СОЦИ – ЛИНГВА» (руководитель – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «ПГЛУ» О. А. Алимурадов).

ет устойчивость и взаимопроницаемость дискурсивных формаций. Устойчивость, воспроизводимость и продвижение во времени дискурсивной формации создается благодаря собственно языковым интертекстам. Можно говорить о том, что все виды интертекстов (авторские и неавторские, собственно языковые, литературные и не-литературные) участвуют в дискурсивных процессах деривации и обоюдного заимствования. Дискурсивные формации различаются по степени проявления способности быть интертекстуальным донором либо приемником интертекстуального вложения [1; 6].

Бесспорно, при создании текста автор учитывает весь релевантный коммуникативному контексту прошлый опыт, полученный из освоенных им ранее текстов. Поэтому его сообщение звучит как ответная реакция, занимающая определенную позицию (согласие / несогласие, дополнение, аргументирование, полемика, обобщение и т. д.). Зачастую и сам текст обуславливает появление последующих сообщений-ответов. Таким образом, текст выступает как звено в непрерывной цепи текстовой деятельности.

Научный дискурс занимает особое место в общей системе типов дискурса, так как здесь различия между сокращенной и фиксированной дистанциями общения не являются определяющими. Каждый отдельный научный текст содержит в себе результаты исследований, мнения и взгляды других ученых; другими словами, научный текст *создается на основе общего ментально-концептуального пространства той науки, средством фиксации и развитием которой он является.*

Научный дискурс – это процесс выражения в целом тексте нового знания, а также его обоснования посредством взаимосвязанных рассуждений, то есть диалог между старым и новым знанием, в рамках которого происходит постепенное формирование нового, концептуального научного знания. Диалог старого и нового знания с неизбежностью предполагает интертекстуальное взаимодействие, вследствие чего мы вполне можем говорить о том, что *интертекстуальность является яркой онтологической характеристикой научного дискурса и в значительной мере определяет его коммуникативно-прагматический потенциал.* Большинство интертекстуальных включений по-разному отражают способы межтекстового взаимодействия. К интертекстуальным средствам относятся не только отношения между конкретными текстами, выраженные эксплицитно, но также отношения между собственно текстом литературного произведения и сопровождающими его заголовком, подза-

головком, предисловием, послесловием, ссылками, примечаниями, иллюстрациями (*паратекстуальность*). К формам межтекстового взаимодействия причисляют комментирующее и часто критическое указание текста на предтекст (*метатекстуальность*), а также типологическую соотнесенность текстов, принадлежащих одному типу текста или жанру (*архитекстуальность*). Понимание интертекстуальности обуславливает рассмотрение межтекстового взаимодействия как видимого присутствия одного текста в другом, которое реализуется посредством цитат, косвенной речи и аллюзии.

Понятие «интертекстуальность» объединяет различные типы интертекстуальных включений, которые в разной степени обладают интертекстуальной выраженностью. Все эти виды интеркстов образуют *поле интертекстуальности*, ядро которого составляют атрибутированные цитаты, поскольку они обладают графической маркировкой и наиболее полно воспроизводят форму и содержание текста-источника. Аллюзия и косвенная речь относятся к периферии этого функционально-дискурсивного поля. Последние не отражают однозначно и полно степень сближения или расхождения текстов, имеют минимальную интертекстуальную выраженность и актуализируются только при условии успешного декодирования реципиентом. Между тем, прагматический потенциал таких вкраплений зачастую значительно выше, чем у цитат, поэтому аллюзия и косвенная речь представляют собой весьма перспективный объект текстологического анализа.

Наиболее частотным способом реализации интертекстуальности в научном дискурсе является цитата (по нашим данным, доля цитации в общем корпусе проанализированных нами интертекстуальных включений составляет для англоязычного научного дискурса до 70%). Например,

(1) *I remember very well when President Reagan said, "America is the shining city on the hill." I also remember when he said, "To those who are faint-hearted and unsure, I have this message: if you are afraid of the future, then get out of the way. Step aside. The people of this country are ready to move again." He taught me something that is very special about this country: that the greatest power is not derived from privilege, it is derived from people* [governor.ca.gov, Jun. 7, 2004].

В данном примере А. Шварценеггер вспоминает великие достижения Рональда Рейгана на поприще государственной службы. Он проводит параллель между собой и Р. Рейганом и ссылается на слова этого авторитетного политика. Приводимые А. Шварценеггером

цитаты позволяют ему оказать максимальное воздействие на свою аудиторию.

Использование цитат помогает придать тексту убедительности, достоверности, а также обеспечить точность передаваемого сообщения: посредством цитаты передается индивидуальное оформление мысли говорящим. Одновременно благодаря оформлению интертекстуализма в виде цитаты повышается точность сообщения, а также его достоверность (за счёт сохранения в цитате исходной формы чужого высказывания). Прагматически такой метод включения цитат в текст-приемник имеет огромное значение, т. к. во многих случаях цитата может служить окончательным и бесповоротным аргументом, подтверждающим или опровергающим точку зрения говорящего или слушающего.

Вторым по частоте употребления способом актуализации интертекстуальности в исследуемом дискурсе является *косвенная речь* (18%). Косвенная речь позволяет передать большее по сравнению с цитатой количество информации, при этом сопутствующие глаголы говорения, при помощи которых интертекстуализм вводится в принимающий текст, могут быть нейтральными и эмоционально окрашенными.

В следующем отрывке приводим пример введения слов президента Буша в текст политической аналитической статьи в качестве доказательства мысли о значительной поддержке будущего губернатора Калифорнии на самом высоком уровне. При этом для обозначения заимствованного фрагмента используется нейтральный глагол *say* (*говорить, сказать*), эксплицитно маркирующий интертекстуальный фрагмент:

(2) *President Bush said Friday that Arnold would make a good governor he may be the GOP's best hope for winning in the Oct. 7* [suntimes.com, Aug. 10, 2003].

В противоположность косвенной речи или цитате, такое интертекстуальное средство, как *аллюзия* (12%) вводится в текст без метатекстуальных ремарок или каких-либо других ксенопоказателей, поскольку авторы принимающего текста рассчитывают на определенную интертекстуальную компетенцию реципиентов. Аллюзии не являются частотными средствами, однако по силе выразительности и образности эти интертекстуализмы превосходят косвенную речь и цитату, поскольку при включении их в текст могут актуализироваться связи с несколькими предтекстами.

Под аллюзией мы понимаем фигуру интертекста, состоящую в ассоциативной отсылке в виде скрытого или явного намека к из-

вестному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности [3. С. 187; 5. С. 27–28]. Этот вид межтекстового взаимодействия представляет собой преднамеренное использование определенного элемента предшествующего текста, упоминания с целью вызова соответствующих ассоциаций, направленных на выявление связи двух контекстов, которая ведет как к обогащению содержания нового текста, так и к изменению объема значения самой аллюзии. Мы выделили три структурных типа аллюзий:

- **собственно аллюзия** (вербальный метафорический перенос аллюзивного характера): заголовки *America the Sensible, All the Vice-President's Men, The Military Archipelago, We Shall Overcome...Liberals*;
- **распространённая аллюзия** (присутствие в отдельном тексте или его отрезке многочисленных вербальных аллюзий на одну и ту же точку сравнения), например:

(3) *At the height of hostilities between Rome and Carthage, Cato the Elder could not keep quiet. Every diatribe he delivered in the Senate ended with the words "Delenda est Carthago" – "Carthage must be destroyed". Cato's battle cry incited the Romans to invade northern Africa, burn Carthage to the ground and plough salt into the enemy soil. Although James Carville, Bill Clinton's devoted pit-bull and strategist, may not (yet) be advocating such extreme measures, his hatred of the Republican establishment is no less venomous. With Catonian zeal, Mr. Carville declared on September 27th that he would "roll into battle" against Newt Gingrich, the House speaker, a man he has characterised across the land as "a sanctioned, certified, adjudicated and confessed liar". It is all part of a larger White House strategy to villianise the president's foes. Evidently, Mr. Clinton's period of contrition is over* [The Economist, 1998];

- **неметафорическая аллюзия** (референция на схожие события и персонажи, проведение прямых параллелей с использованием фактического материала неметафорического характера, подтверждающего сходство настоящего с прошлым).

В связи с изучением аллюзии в дискурсе затрагивается понятие интертекстуальности и проблема присутствия прецедентных текстов. Различные виды таких текстовых реминисценций, фрагменты других текстов, включённые в принимающий текст, создают интертекстуальное поле.

Помимо перечисленных интертекстуальных средств, в научном и научно-популярном дискурсе присутствуют иные интертекстуальные включения, имеющие текстовую этимологию. Они предстают в научном тексте в форме 1) маркированного интертекстуального

включения, выраженного: а) цитатой: *This second observation helps explain why firms are usually eager for new customers prepared to buy additional output at the existing price. In Robert Bishop's phrase, it explains why we are a race of eager sellers and toy buyers* [Begg 1992, 162]; б) сноской: *In the UK football industry⁷ and the US baseball industry, it is currently being asserted that high player salaries are bankrupting the industry.*

7 *Football club pay transfer fees to another club from whom they wish to take over a player. This idea of transfer fees between clubs should not be confused with the economist's concept of transfer earnings of player, the amount necessary to keep them in the industry* [Begg, 1992: 188].

2) немаркированного интертекстуального включения: *Suppose the Phillips curve would normally intersect the horizontal axis at the level of unemployment when, by and large, no one expects inflation to be at a greater rate than it was in the previous year* [Hyman, 1999: 944].

Нельзя также не отметить **немаркированные интертекстуальные включения**, которые представлены в научных текстах в виде описания известных исторических и/или научных фактов:

(4) *During the late 1970s inflation was of a severely disrupting influence in the U.S. economy, rising to double-digit levels along with escalating interest rates* [Hyman, 1999: 17]; для обозначений отдельных представителей **различных организаций, объединений, групп, представителей научных школ**:

(5) *Keynesians believe that economy can deviate from full employment for quite a long time, certainly for a period of several years. Monetarists believe that the classical full-employment model is relevant much more quickly* [Begg, 1992: 488]; имен известных исторических лиц, общественных и политических деятелей, знаменитостей:

(6) *Similarly, people who like the cut or fabrics of Calvin Klein's clothes will pay more for them. Although each seller's product is unique, there's enough similarity among particular kinds of products to group sellers into broad categories* [Hyman, 1999: 346].

Наконец, в контексте научного дискурса к средствам интертекстуального взаимодействия мы склонны отнести и концептуальную метафору:

(7) *This concept of competition, which we now extend to firms, differs from everyday usage. Ford and Renault are fighting each other vigorously for the European car market, but an economist would not call them perfectly competitive* [Begg, 1992: 133].

В заключение нашего краткого анализа отметим, что типы интертекстуальных включений в научном дискурсе разнообразнее, чем в других популярных дискурсивных регистрах (имеются в виду художественный и публицистический виды дискурса), прежде всего, за счет эксплицитно маркированных цитат. Говоря об интертекстуальности в научном тексте, всегда следует помнить, что такой текст – это, прежде всего, полемика с предшественниками, попытка изменить структуру и/или содержание бытующей на момент создания этого текста научной картины мира. Достижение этих целей невозможно без опоры на более ранние научные труды, что и определяет богатство и разнообразие конститuentов поля интертекстуальности научного дискурса.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтике [Текст] / В. И. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте : межвуз. сб. науч. тр. – СПб. : Образование, 1999.
2. Барт, Р. Лингвистика текста [Текст] / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 449.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – С. 144.
4. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики [Текст] / Ю. Кристева. – М. : Росспэн, 2004. – 656 с.
5. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь [Текст] / В. П. Москвин. – Р/н-Д. : Феникс, 2007. – 940с.

List of literature

1. Arnol'd, I. V. Chitatel'skoe vosprijatie intertekstual'nosti i germenevtike [Tekst] / V. I. Arnol'd // Intertekstual'nye svjazi vхудожественном tekste : mezhvuz. sb. nauch. tr. – SPb. : Obrazovanie, 1999.
2. Bart, R. Lingvistika teksta [Tekst] / R. Bart // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta. – M. : Progress, 1978. – S. 449.
3. Gal'perin, I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija [Tekst] / I. R. Gal'perin. – M. : Nauka, 1981. – S. 144.
4. Kristeva, Ju. Izbrannye trudy: Razrushenie pojetiki [Tekst] / Ju. Kristeva. – M. : Rosspjen, 2004. – 656 s.
5. Moskvina, V. P. Vyrzitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar' [Tekst] / V. P. Moskvina. – R/n-D. : Feniks, 2007. – 940s.

-
6. Фатеева, Н. А. Типология ин-тертекстуальных элементов и связей в художественной речи [Текст] / Н. А. Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57. – № 5. – С. 25–38.
7. Begg, D. Economics [Текст] / D. Begg, S. Fisher, R. Dornbush. – London : Mc Graw Hill Book Company 1997.
8. Governor.ca.gov. [Электронный ресурс]. – [http:// www. Governor.ca.gov](http://www.Governor.ca.gov).
9. Hyman, D. N. Economics [Текст] / D. N. Hyman. – Boston MA : IRWIN, 1992.
10. Suntimes.com. [Электронный ресурс]. – [http:// www. Suntimes.com](http://www.Suntimes.com).
11. The Economist. [Электронный ресурс] – [http:// www. The Economist.com](http://www.TheEconomist.com).
6. Fateeva, N. A. Tipologija intertekstual'nyh jelementov i sv-jazej v hudozhestvennoj rechi [Tekst] / N. A. Fateeva // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. – 1998. – T. 57. – № 5. – S. 25–38.
7. Begg, D. Economics [Текст] / D. Begg, S. Fisher, R. Dornbush. – London : Mc Graw Hill Book Company 1997.
8. Governor.ca.gov. [Электронный ресурс]. – [http:// www. Governor.ca.gov](http://www.Governor.ca.gov).
9. Hyman, D. N. Economics [Текст] / D. N. Hyman. – Boston MA : IRWIN, 1992.
10. Suntimes.com. [Электронный ресурс]. – [http:// www. Suntimes.com](http://www.Suntimes.com).
11. The Economist. [Электронный ресурс] – [http:// www. The Economist.com](http://www.TheEconomist.com).

ХАРАКТЕР КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ КОНФЛИКТНОГО ТИПА

Н. А. Белоус

Статья посвящена описанию характеристик коммуникативной личности, которая является узнаваемой в процессе конфликтного дискурса.

Ключевые слова: коммуникативная личность, иллюкутивные намерения, тезаурус, лексикон, прагматикон, конфликтный дискурс.

Посредством реализации системного принципа исследования такой разновидности человеческой интеракции как конфликтный дискурс, мы видим своей задачей наметить основные пути функционирования системного анализа собственно личности, как центральной фигуры нашего объекта. Результаты анализа особенностей коммуникативной личности конфликтного типа, представленные в настоящей статье, теоретической основой обязаны Ю. Н. Караулову и Г. А. Китайгородской [1; 2], которые изучали языковую личность как таковую. В настоящее время в лингвистике развивается антропоцентрическое направление, что делает возможным изучать уровень вербальной агрессивности современного человека.

Кроме того, актуальность заявленной темы обусловлена обращением к речевому поведению оппонентов конфликтного дискурса в типовых моделях конфликтного дискурса как к объекту с позиций коммуникативно-прагматического подхода, позволяющего рассматривать диалогические отношения в конкретной обстановке речевого общения, в конкретном их проявлении. Выявление проблемы устойчивости конфликтной говорящей личности в условиях конфликтного взаимодействия актуально как для развития общей теории речевой деятельности, так и для практической реализации лингвистического знания в различных сферах и формах социально-институционального поведения личности в широком смысле.

В качестве конфликтного дискурса (далее КД) мы принимаем такое амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования, иллюкутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением прагматических знаний и

эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга.

Пример 1. (Hallstrom, 2003: х/ф “Chocolat”) Пресуппозиционная база: оппоненты – O1: Vianne, мать; O2: Anouk, дочь - подросток; O1>O2; очень раннее утро; спальня.

O1: Time to go.(1) (mother touched the shoulder of her daughter)

O2: I'm **not** going.(1a) (the girl doesn't open her eyes)

O1: Well, it's hard for me, too.(2)

O2: Pantoufle **hates** this.(2a) (the girl cries)

O1: **Stop that**. Please put it on.(3) (the woman turned pale)

O2: I **hate** you.(3a)

O1: You're entitled. **I said** - put it on. Well, then, **do** it yourself!(4) (the woman gives the pile of clothes to the girl)

O2: **I can't!**(4a) (ИД)(the girl cries)

O1: Get up.(5) (ИД) (the cheeks of the woman are getting blushed)

O2: I have a bad leg like Pantoufle.(5a)

O1: **Stop that. Get up.**(6) (the woman takes the toy away & throws it to the corner)

O2: Pantoufle can't walk. **I can't** walk.(6a)

O1: Walk. **Walk!**(7) (the woman cries, pushing the girl to the doorway)

O2: You're hurting me.(7a)

O1: Well, **stop** being...(8)

O2: Let me go! **It's not fair!**(8a)(the girl cries)

O1: **Stop** it!(9) (the woman shouts)

O2: I'm **not** going!(9a) (the girl sits on the step of a staircase)

O1: It's... **Stop** it!(10) (the girl stands up & drops the case (where a vase with granny's ash kept) down a staircase)

В ходе целого исследования принцип экспликации семантического и прагматического аспектов КД позволил выявить его типовые характеристики, без которых невозможно указать на характерные черты коммуникативной личности конфликтного типа (далее КЛКТ). Полагаем, что можем рассматривать конфликтный дискурс как гармоническую систему, в которой он воспринимается связным и гармоничным на основании правильно сформированной структуры. Кроме всех ранее рассмотренных условий, КД обусловлен ссорами в кооперативной деятельности между оппонентами. Роли оппонентов в ситуации КД предполагают наличие оппозиции субъектов интеракции, чьи социальные и полоролевые превосходства либо нивелируются, либо преувеличиваются благодаря деятельности механизма

КД. Ролевая позиция коммуникативной конфликтной личности как инициатора позволяет задавать и схему воздействия, и средство воздействия на оппонента по общению. Особенность названных ролевых проявлений оппонентов в КД заключается в относительной неконстантности исполняемых ролей в течение всего КД, в отличие от других ролевых проявлений, например статусности, инициативности и заинтересованности. В условиях КД каждый из ее оппонентов может обладать специфическим набором коммуникативных ролей. Среди когнитивных агентов конфликтного дискурса выделяется бинарная оппозиция по признаку «нападающий» – «защищающийся».

Структура КЛКТ имеет свои особенности. При их выявлении, мы использовали термины Г. А. Китайгородской, которая развивая идеи Ю.Н. Караулова, полагает, что «функциональная модель коммуникативной личности (т. е. ее речевой портрет)» должна включать уровни: лексикон, тезаурус и прагматикон коммуникативной личности [2. С. 4]. Лексикон КЛКТ определяется спецификой отражения явлений действительности и представляет собой основу тезауруса личности, в котором запечатлена система языковых знаний о мире. На когнитивном уровне характеристики коммуникативной конфликтной личности связаны с особенностями интерпретации языковых знаков, формирующих языковую картину мира коммуникативной конфликтной личности. Тезаурус коммуникативной конфликтной личности наполнен разного рода убеждениями, инвективами, обценной лексикой, словами с отрицательной коннотацией, табуированными элементами языка, которые складываются в эллиптические синтаксические конструкции, в неполные нераспространенные, чаще восклицательные и вопросительные по цели высказывания предложения. Высказывания произносятся с необоснованным синтаксическими требованиями повышением тона голоса, предложения в составе репликовых шагов могут не договариваться до конца или содержать плеоназматические повторы, произвольно членимые на синтагмы, не удерживающие в своем составе смысл высказывания. Для прагматикона КЛКТ характерна неадекватная реакция – мгновенно отрицательная, провоцирующая шантаж, реакция на инъюнктивы, при этом языковая конфликтная личность склонна сама употреблять инъюнктивы в чрезмерном количестве, и демонстрировать отсутствие доверия к собеседнику, демонстрируя вербальную агрессию и неподчинение требованиям и просьбам собеседника. КЛКТ нечаянно/нарочно представляет иллокутивное намерение саркастического/грубого содержания и сразу же оговаривается, чем выдает свою не-

искренность или враждебный настрой. КЛКТ присущ синдром спорщика, т. к. она постоянно подозревает угрозу и пытается укрепить свое положение, возражая собеседнику. КЛКТ часто отказывается от взаимодействия по конкретному направлению вообще, используя манеру игнорирования статуса собеседника или стремление возразить на каждую реплику собеседника. Лексикон КЛКТ эксплицирует ее неспособность общаться с оппонентом, не задевая его достоинств или недостатков. Речевое поведение коммуникативной конфликтной личности характеризуется наличием особого тезауруса с определенными грамматическими и фонетическими отклонениями от принятой коммуникативной нормы: возражений, вызванных нежеланием быть обманутым; фамильярного обращения; инвективов и лексики отрицательной коннотации; использования указаний местоимением третьего лица на присутствующего при разговоре; внезапный переход с «вы – общения» на «ты – общение»; грубого обрывания императивным глаголом инвективного характера попыток говорящего продолжить высказывание своей мысли. Невербальные характеристики КЛКТ отличаются явной/скрытой агрессией, особенностями голосового оформления сообщения. В процессе визуальной коммуникации происходит комплексное объединение топоном. Такое организованное объединение топоном (см. термин [3]) КЛКТ в виде комплексного знака, отражающего исходный период психологической направленности внимания с целью овладения личностью топонимическим пространством, является «гональным дискурсом» [3. С. 211] визуальной коммуникации КЛКТ. У собеседника коммуникативной конфликтной КЛКТ полагает возникновение защитной реакции, носящей отрицательный характер. Определенные топономы выступают связующими звеньями между КЛКТ как носителем конфликтного имиджа и окружающем обществом, которое анализирует этот имидж. Кроме номинативной функции имидж информирует и о содержательной стороне КЛКТ. В большинстве случаев можно определить роль инициатора на начальной стадии КД еще до непосредственного столкновения коммуникативных интенций оппонентов КД. К невербальным способам репрезентации имиджа КЛКТ можно отнести произвольное ее устремление вперед, громкость, резкое движение в сторону от говорящего, манера говорить нарочито медленно, периодическое повышение тона голоса во время разговора и некоторые другие. Активность КЛКТ проявляется в самом индивидуальном семиотическом тезаурусе используемых визуально-коммуникативных знаков, которые имеют содержание,

полноту, структуру. Любой визуальный знак в конкретном КД не/вольно воздействует на весь семиозис КД, включая его оппонентов и направление векторов развития КД. Однако отметим, что КЛКТ может изменять означаемое КД, т.е. меняться ролями с адресатом в зависимости от того, на каком отрезке модели КД оказываются оппоненты, решая свои коммуникативные задачи, которые могут возникать спонтанно на каждом из упомянутых отрезков. Семиотические характеристики КЛКТ могут усиливать/ослаблять процесс развития КД в зависимости от ситуации, личностных психологических характеристик коммуникативной конфликтной личности, от объема ее лингвистического и семиотического тезауруса.

Таковы общие черты языкового портрета усредненной КЛКТ. Однако каждый новый КД обогащает этот портрет новыми деталями в дополнение к существующим, и требует дальнейшего исследования и системного обобщения особенностей тезауруса, лексикона и прагматикона коммуникативной личности конфликтного типа.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – С. 36–40.
2. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М., 1995.
3. Романов, А. А. Лингвистическая мозаика / Алексей Аркадьевич Романов. – М. : ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, изд-во «Агросфера», 2006. – 436 с.

List of literature

1. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / Ju. N. Karaulov. – M., 1987. – S. 36–40.
2. Kitajgorodskaja, M. V. Russkij rechevoj portret. Fonohrestomatija / M. V. Kitajgorodskaja, N. N. Rozanova. – M., 1995.
3. Romanov, A. A. Lingvisticheskaja mozaika / Aleksej Arkad'evich Romanov. – M. : IJa RAN, TvGU, TGSNA, izd-vo «Agrosfera», 2006. – 436 s.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЦЕННОСТИ «КОМФОРТ» В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

А. И. Бойко

Отмечая важность апеллирования к ценности “комфорт” в рекламном дискурсе, нами были исследованы фонетические, лексические и грамматические средства англо- и русскоязычных рекламных сообщений, что позволило выявить сходства и различия в апеллировании к данной ценности в обоих рекламных корпусах.

Ключевые слова: апелляция, ценность, экспликация.

Реклама – это неотъемлемая часть культуры общества потребления, сложившегося в настоящее время в большинстве развивающихся стран. При помощи рекламного текста реализуется воздействие на адресата, формируется массовое сознание, распространяются идеалы, установки, знания. Но что именно заставляет нас покупать тот или иной продукт? Реклама в первую очередь апеллирует к нашим потребностям таким образом, что потребитель воспринимает не только функциональные качества товара, но и ценности, которые представлены в рекламном сообщении, в связи с этим одна из основных функций рекламы заключается в обещании потребителю качеств, отвечающих его ценностным ожиданиям. Американский лингвист Ричард Полей в своем исследовании значений ценностей в рекламе [1. С. 104–110] выделяет 3 основные ценности, которые встречаются во всех рекламных текстах, независимо от категории рекламируемого продукта и от страны, где проходит рекламная компания. Это такие ценности, как “эффективность”, “комфорт” и “эксклюзивность”. Причем апелляции к ценности “комфорт” встречаются в 45.10% из 1807 рекламных сообщений в 11 странах мира. Отмечая влияние культуры на использование тех или иных ценностей, он показывает, что ценность “комфорт” в Финских рекламных сообщениях зафиксирована в количестве 67.91% и только в 23.81% Бразильских.

В нашем исследовании были рассмотрены 100 русскоязычных и 100 англоязычных рекламных сообщений, содержащих апелляции к ценности комфорт и исследована разница в эксплицитном апеллировании к данной ценности. Нами была зафиксирована разница в ис-

пользовании фонетических, лексических и грамматических средств в обоих корпусах, апеллирующих к ценности “комфорт”.

Из зафиксированных нами фонетических средств в рассмотренных рекламных сообщениях преобладает эвфония. Она встречается в 24% англоязычных и 31% русскоязычных рекламных сообщений.

➤ *The joy of the game, the pleasure of a quality* (реклама аренды поля для гольфа);

➤ *Красота и мягкость ваших ног* (реклама крема «Венолайф»).

В значительно меньшем количестве и в англо-, и в русскоязычной рекламе наблюдается аллитерация (4% англоязычных и 3% русскоязычных рекламных сообщений).

➤ *The Seldon. This soft, supple genuine sandal is as close to barefoot as barefoot get* (реклама обуви);

➤ *Sholl. Когда ногам хорошо* (реклама спрея для ног).

Доминирование такого фонетического средства, как эвфония является ярким примером сходства в воздействии англо- и русскоязычных рекламных сообщений на слуховые образы потребителей рекламы. Данный прием оказывает наибольшее влияние, так как внушает положительные, приятные ощущения: радость, спокойствие, оптимизм. Использование открытых и светлых звуков помогает создать ассоциации с приятным голосом родных, детскими сказками, даже ласковыми наставлениями, которым люди безоговорочно подчинялись, когда были детьми.

В плане лексических средств и англо-, и русскоязычные рекламные сообщения богаты специфической лексикой, используемой для апеллирования к ценности “комфорт” и представленной существительными, прилагательными, причастиями, наречиями, глаголами, определенными выражениями и словосочетаниями. Нами были выявлены лексемы, которые встречаются в рекламных сообщениях чаще других. Например, в англоязычной рекламе это такие лексемы, как *comfort* (15%), *care* (8%), *safely* (7%), *comfortable* (6%), *great* (4%).

➤ *Get out and enjoy the fresh air, your apartment will remain safe and secure* (реклама гостиницы).

Русскоязычная реклама представлена, в основном, следующими единицами – *комфорт* (12%), *уютная* (9%), *уютно* (5%), *уникальное* (3%), *заботиться* (2%).

➤ *Создай уют и комфорт в Вашем доме* (реклама каталога «Velux»).

Необходимо отметить превалирование как в англо-, так и в русскоязычных рекламных сообщениях лексемы *комфорт*, являющей-

ся, по мнению рекламодателей, проверенным и успешным приемом введения потребителя в общество потребителей именно этой ценности – ценности “комфорт”. Видя слово *комфорт*, покупатель приобретает, как он думает, желаемое. Этот прием можно сравнить с образом мыши, которая видит сыр в мышеловке и без промедления хватается его.

В проанализированных рекламных корпусах достаточно разнообразно представлены лексические стилистические средства. Причем, с целью апелляции к ценности “комфорт” в англоязычных и русскоязычных рекламных сообщениях используются разные стилистические приемы. Из зафиксированных стилистических средств в англоязычных сообщениях преобладает метафора (12%).

➤ *Hotel points and airline miles, with no blackout dates. And enjoy true comfort, respect and a warm cookies* (реклама гостиницы).

В русскоязычной рекламе метафора встречается лишь в 3% сообщений.

➤ *Новый Renault Latitude. Безупречная внешность. Окунитесь в атмосферу абсолютного комфорта* (реклама автомобиля).

Отличительной чертой англоязычных рекламных сообщений является наличие в них таких стилистических приемов, как анафора (4%) и эпифора (2%), не зафиксированных нами в русскоязычной рекламе.

➤ *Feel great in your closes, feel fantastic without them* (реклама духов);

➤ *A business class bed that feels like home, an internet connection that feels like the office, an experience that feels like cloud nine* (реклама аипода).

Среди особенностей русскоязычных рекламных сообщений можно отметить случаи употребления олицетворения (4%), сравнения (4%) оксюморона (1%) и поговорок (1%), не зафиксированных в англоязычной рекламе.

➤ *Воплощение мужественности. Он нетребователен, но щедр во всем – в размерах, инновациях, грузоподъемности, безопасности, комфорте, экономичности. Volkswagen Anorak. Знает свою силу* (реклама автомобиля);

➤ *Нежная, как прикосновение цветка к твоей коже. Почувствуй заботу природы* (реклама продукции «Naturella»);

➤ *Ангельски и чертовски нежные и надежные* (реклама продукции «Bella»);

➤ *Хорошо там, где есть Радио Дача.*

Преобладание метафоры в англоязычной рекламе говорит о серьезном продвижении рекламной традиции, в которой потребитель доверяет рекламе и не боится ее творческого преподнесения. Это дает возможность рекламодателю внедриться в эмоциональную сферу потребителя, затронуть его глубоко скрытые чувства и желания, продать товар в том образе, в котором его видит покупатель. В русскоязычной рекламе стилистические средства представлены не в таком большом количестве. Это может говорить о реалистичности восприятия жизни русскоязычной публики, о неготовности доверять чувствам и людям, говорящим образами и абстрактными понятиями.

Общим для англо- и русскоязычных рекламных сообщений является наличие в них таких грамматических средств, как предложения в настоящем времени (92% англо- и 10% русскоязычных сообщений), местоимения (80% англо- и 28% русскоязычной рекламы), слова в сравнительной степени (в 20% англоязычных и 7% русскоязычных сообщений), побудительные предложения (16% англоязычной и 10% русскоязычной рекламы), предложения в будущем времени (11% англоязычных и 2% русскоязычных сообщений), модальные глаголы (4% англоязычной и 8% русскоязычной рекламы) и односоставные номинативные предложения (5% англоязычных и 16% русскоязычных сообщений).

Различия в рассмотренных рекламных сообщениях зафиксированы в употреблении вопросительных предложений, которые встречаются только в англоязычных текстах (6%), а также в употреблении глаголов *хотеть*, *желать*, зафиксированных в 4% англоязычных сообщений и не встречающихся в русскоязычных текстах.

➤ *Lunesta. Who knew you could wake up so refreshed?* (реклама матраса);

➤ *Sometimes you wish you were a little closer* (реклама широких сидений в самолете).

В плане синтаксических стилистических средств общим для англоязычных и русскоязычных рекламных сообщений является употребление параллелизма (7% англоязычной и 1% русскоязычной рекламы) и парцелляции (3% англоязычной и 4% русскоязычной рекламы).

➤ *A touch of class, a taste of Spain* (реклама гостиницы);

➤ *Smooth. Silky. And utterly gorgeous* (реклама средства гигиены «Veet»);

➤ *Высокий фактор защиты – всегда, высокий фактор удовольствия – впервые* (реклама солнцезащитного спрея «Garnier»);

➤ *Мой. Твой. Дом. Забота о белье как искусство* (реклама стиральной машины Gorenje).

Таким образом, фонетическое, лексическое и грамматическое оформление англо- и русскоязычных рекламных сообщений, апеллирующих к ценности “комфорт”, обнаруживает определенные сходства и отличия, объясняемые особенностями восприятия, мировоззрения, принадлежностью потенциального читателя рекламных текстов к той или иной культуре и т. д. **Успешная рекламная коммуникация** и положительное восприятие рекламного сообщения потребителем возможны только при учете рекламодателем специфики национальной культуры, фоновых знаний членов общества и т.п. В противном случае рекламный текст не окажет запланированного воздействия и будет обречен на провал.

Список литературы

1. Pollay, R. W. 51 On the value of Reflections on the values in “The Distorted Mirror” [Текст] / Pollay, R. W. // Journal of Marketing. – 1987. – № 51. – С. 104–110.

List of literature

1. Pollay, R. W. 51 On the value of Reflections on the values in “The Distorted Mirror” [Текст] / Pollay, R. W. // Journal of Marketing. – 1987. – № 51. – С. 104–110.

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Э. Никифорова, Ю. Надобко

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии в текстах юридического дискурса, причём авторы обращают особое внимание на реализацию таких основных коммуникативных стратегий, как стратегии убеждения, деконструкции и интерпретации.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, стратегии убеждения, деконструкции, интерпретации, дискредитация, ссылка на авторитеты.

В общем смысле стратегия представляет собой общий принцип поведения человека в условиях конфликтной ситуации, причём стратегическое поведение противопоставляется нестратегическому, или обыденному.

Стратегия всегда направлена на достижение определённой цели. Поскольку многие цели, которые ставит перед собой человек, связаны с языковым аспектом, имеет смысл говорить о коммуникативных или речевых стратегиях.

Термин «коммуникативная (речевая) стратегия» получил в лингвистике широкое распространение и широкое толкование. Под стратегией, в частности, понимают: принцип построения процессно-ориентированной модели интерпретации текста; выполнение некоторого речевого действия (Lehnert 1982); средство достижения высокой степени успешности высказывания (Haverkate 1984); принцип построения любой осмысленной коммуникации (Sanders 1987); глобальную модель организации межкультурного делового общения; принцип управления конфликтом в политической коммуникации; «насилие» над адресатом, направленное на изменение его модели мира, на трансформацию его концептуального сознания; образ взаимодействия наблюдателя со средой (Кравченко 2001: 187) и т. д. Кроме того, можно выделить, как минимум пять различных аспектов рассмотрения коммуникативной стратегии: текстовый подход (стратегия как «элемент текста, сложный языковой знак»), риторический подход (стратегия – «творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения... в речевом событии»;

«план (инициация) и реализация текста»), психологический подход (стратегия – «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия»); когнитивный подход (стратегия – «совокупность процедур над моделями мира участников ситуации общения»); прагмалингвистический подход (стратегия – «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств»).

Определяющим для понимания стратегии является признак целенаправленности. Конечной целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата. Определенная коммуникативная стратегия предполагает разные коммуникативные тактики. Например, при выборе стратегии компрометации в качестве тактик могут использоваться такие виды высказываний, как обвинение, инсинуация, насмешка; при выборе стратегии подчинения – требование, увещевание, доказательство [2. С. 52].

С функциональной точки зрения выделяются **основные** (семантические или **когнитивные**) и **вспомогательные** стратегии.

В современной юридической теории существует тенденция к осознанию значения коммуникативной природы права. Рассмотрение права под коммуникативным углом зрения представлено в научных исследованиях как лингвистов (Н. Д. Голев, Е. И. Горошко, О. П. Сологуб и др.), так и правоведов (Н. А. Любимов, А. В. Поляков, У. Проберт, Е. Ф. Усманова и др.).

Судебная речевая коммуникация – это совокупность актов речевого общения в судах в процессе осуществления судебной власти, речевое воздействие сторон, диалог в рамках того или иного вида судебной юрисдикции (А. С. Александров, Т. В. Губаева, Е. Ф. Усманова)

В судебном дискурсе используются семантические и прагматические стратегии, причём к семантическим стратегиям относятся **стратегия убеждения, стратегия деструкции и стратегия интерпретации действительности.**

Стратегия убеждения доминирует в судебных прениях, поскольку само судебное доказывание построено главным образом на рациональной аргументации. Наиболее ярко эта стратегия проявляет себя в обвинительных речах и речах защитников. Она реализуется с помощью тактик экспликации причинных и временных связей, тактики апелляции к авторитетам.

Адвокат Елена Львова: «Выступая, мы постоянно говорим, что у Александяна диагностированы три заболевания, освобождающих от наказания в виде лишения свободы. И приводим доводы

Конституционного суда о том, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу должно соизмеряться» (экспликация причинно-следственных связей заболевания – освобождение от содержания под стражей, ссылка на авторитеты – Конституционный суд).

Адвокат Юрий Терёхин: «Все доказательства по делу собраны, государственное обвинение сформировало обвинение, направлено 119 томов в суд <...> Как он (Алексян) на что-то может на что-то повлиять?» (приводятся неопровержимые факты, на основе которых приходим к определенному, единственно возможному выводу).

Стратегия деконструкции направлена на то, чтобы вызвать сомнения в аргументации своего процессуального оппонента. Основной в рамках этой стратегии является тактика дискредитации. Дискредитации могут подвергаться достоверность показаний подсудимых, свидетелей потерпевших, их репутация; действия следователей, адвокатов, судей, экспертов; уровень их квалификации, их незаинтересованность и объективность. Приведем ряд примеров:

Адвокат Елена Львова: «Когда приводишь ещё, и следующие, и следующие доводы, видишь их совокупность, – думаешь: ну почему суд так демонстративно несправедлив к Алексянну? Ну почему нужно доказывать очевидные вещи и говорить сейчас уже в который раз о вещах, которые, наверное, понятны всем, и по-человечески, и юристам, и не юристам...».

«И так называемая социальная опасность личности; суд упомянул об этом, не удосужившись даже объяснить, в чём же повышенная социальная опасность Алексянна?..» (дискредитация суда, цель – заронить сомнения в беспристрастности суда).

Адвокат Елена Львова: «Все доказательства, которые собраны по делу, собраны не уполномоченным лицом...» (сомнение в законности собранных по делу доказательств).

Стратегия интерпретации действительности представлена тактикой интенсификации и преуменьшения. Тактика интенсификации предполагает преувеличение значимости некоторой информации в ущерб общей объективной картины дела. Тактика преуменьшения заключается в сокрытии или затушевывании информации. Преуменьшается нанесенный ущерб, степень угрозы, наличие преступного умысла, значимость показаний свидетеля. Например:

Адвокат Елена Львова: «В чём социальная опасность Алексянна? Он что, какой-нибудь разбойник с большой дороги, совершил убийство, насильственные действия?» (умышленное преуменьшение социальной опасности подзащитного).

Список литературы

1. Иссерс, О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий [Текст] / О. С. Иссерс. – Омск, 1998. – С. 7.
2. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования [Текст] / Е. В. Шелестюк : дис. ... докт. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 309 с.

List of literature

1. Issers, O. S. Rechevoe vozdejstvie v aspekte kognitivnyh kategorij [Tekst] / O. S. Issers. – Omsk, 1998. – S. 7.
2. Shelestjuk, E. V. Rechevoe vozdejstvie: ontologija i metodologija issledovanija [Tekst] / E. V. Shelestjuk : dis. ... dokt. filol. nauk. – Cheljabinsk, 2009. – 309 s.

АЛФАВИТ КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Д. Ю. Полиниченко

В статье рассматриваются работы современных отечественных авторов, работающих в русле любительской лингвистики. Анализируются представления о различных видах алфавита, их происхождении и интерпретации.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, любительская лингвистика, алфавит, руны.

В современной лингвистике исследовательский интерес перемещается с объекта на субъект речевой деятельности. Отсюда закономерно обращение исследователей к изучению взглядов и мнений обычных («наивных») пользователей языка на язык и языковую деятельность. Объектом изучения в металингвистических исследованиях становятся представления человека о языке – о его природе, устройстве и использовании. Наивную лингвистику, называемую также обыденной, можно определить как комплекс метаязыковых представлений рядовых пользователей языка.

Если «каждый пользователь языка имеет определённые представления о языке, его единицах, процессах его использования и изучения, своеобразную “личную теорию” языка» [6. С. 4–5], то в случае осмысления собственной металингвистической деятельности, при котором рядовой пользователь языка предпринимает попытки самостоятельного исследования языковых фактов, их обобщения и логической аргументации полученных выводов, мы сталкиваемся с феноменом, который, как представляется, необходимо отграничить от родственных, но не тождественных ему проявлений метаязыковой рефлексии.

Обыденное теоретизирование высшего порядка, при котором рядовой пользователь языка поднимается до теоретических обобщений, которые вполне можно назвать лингвистическими концепциями, получало различные наименования – «любительская лингвистика» [3], «криптолингвистика» [1], «фол(ь)к-лингвистика» (по аналогии с фол(ь)к-истори) [9] и др. Концепции подобного рода, бесспорно, представляют интерес для исследователя, однако на дан-

ный момент, на наш взгляд, изучены недостаточно.

Представляется, что современные российские любительские лингвистические концепции по их содержанию можно разделить на следующие группы: 1) **интерпретация знаков алфавита и любительская фоносемантика**; 2) дешифровка и прочтение древних надписей (любительская эпиграфика); 3) **этимологические и лингвоисторические** штудии.

Согласно нашим исследованиям, концепции первого направления предоставляют возможность «расшифровки» любого слова, транскрибированного буквами современного русского алфавита. Таким образом, нетождественность фонем разных языков полагается несущественной, если осознаётся вообще, а русский язык и его алфавит тем самым становятся своего рода семиотическим эталоном – знаковой системой, при помощи которой раскрывается «истинный» смысл знаков всех естественных языков. К данному направлению относится деятельность таких авторов, как А. Д. Плешанов, М. Ю. Черненко, Г. Ф. Шайхиев и др.

В этом контексте интерес представляют и построения Г. Г. Дячина. Автор, изучая закономерности в распределении звуков и букв (прежде всего русского алфавита), пришёл к выводу о наличии единого «праалфавита» человеческой цивилизации – источника и прообраза всех алфавитов мира. Его структура, известная в древности, является «сущностью всех азбук человечества» [2. С. 7].

Необходимо отметить, что при построении своей системы Г. Г. Дячин свёл количество букв к 22. Применительно к русскому алфавиту это число было получено путём следующих манипуляций: автор объединил буквы Е и Ё, И и Й, Ч, Ш и Щ, а также Ъ, Ы и Ь [2. С. 21]. Согласно автору, число 22 является константой – количеством букв «истинного общечеловеческого алфавита» [2. С. 23], от которого якобы произошли все алфавитные системы мира.

Данная алфавитная система соотносится автором с также открытой им системой аминокислот белка – «первой в истории химии подлинной естественной системой молекул» [2. С. 8]. Главный вывод исследования звучит следующим образом: создатели алфавита в качестве его кода использовали изоморфность «внутренней структуры звуков» человеческой речи и аминокислот белка [2. С. 120].

Согласно Ю. П. Минину, существует «ключ азбуки русского языка», который знали и использовали наши предки. Каждая буква несёт в себе некоторый смысл, познать который автор пытается, опираясь на её название в церковнославянской азбуке. При этом ав-

тор поместил буквы в таблицу из 28 знакомест, условно исключив буквы, «дающие информационную избыточность»: Е, Ё, Ю, Я [7].

Познакомившись с вышеописанной концепцией Г. Г. Дячина, автор делает вывод, что «особенностью современного русского языка является наиболее тесное взаимосоответствие изображения, звучания и семантики (смысла) каждой буквы алфавита по сравнению с другими человеческими языками. Азбука приблизилась к оптимальной форме, обеспечивающей биологическое выживание нации, состоящей из многих национальностей. Совпадение этой азбуки с генетической азбукой аминокислот живых организмов не может быть случайностью. Оно облегчает работу подсознания, перерабатывающего информацию и генетическую, и сознания. Поэтому русскоязычный при равных условиях важнейшие жизненные задачи способен решать и точнее, и быстрее, чем иноязычный, особенно в большом социуме» [там же].

Согласно Ю. П. Минину, «порядок букв в азбуке не случаен, а церковнославянские названия букв явно имеют смысл» [там же]. Автор расшифровывает последовательность букв согласно строкам составленной им таблицы. Согласно автору, первая строка русского алфавита «недвусмысленно даёт формулу (алгоритм) выживания», её можно отнести к детскому периоду жизни человека: от первого крика до способности к саморазвитию уже на человеческом, социальном уровне. Для второй строки характерна «опасная неустойчивость жизненного процесса». Третья строка «собирает те буквы-понятия, которые стимулируют человека выполнять свои взрослые функции». Четвёртая строка – это «последовательность понятий, необходимых творцу-созидателю, созидателю, прежде всего людей, способных созидать» [там же].

К первому же направлению имеет смысл отнести построения следующего рода. Как отмечает Ю. С. Степанов, «алфавит – своеобразное явление, одновременно и “код” для всякого текста на данном языке, и “текст”» [14. С. 546]. Некоторые авторы-любители полагают, что этот текст, применительно к кириллице, представляет собой некоторое зашифрованное послание. При этом не вызывает удивления, что разные авторы предлагают разное прочтение этого «послания». Любителя поражает наличие у букв кириллицы собственных названий, что роднит их с древнегерманскими рунами. Совершенно справедливо, на наш взгляд, утверждение Н. А. Сперанской: «Современный читатель, познакомившись со старославянской азбукой, заново открывает для себя магию букв, ищет в них мистический смысл» [13].

Иногда подобные попытки интерпретации предпринимали и академические авторы. Так, Ю. С. Степановым предложена интерпретация первой синтагмы славянской азбуки как «[Некий] Азь буквы познал» [14. С. 500]. Л. В. Савельева интерпретирует первые 27 букв кириллицы в качестве первого целостного славянского поэтического текста, написанного в жанре краткой проповеди первоучителя к новообращённым христианам: «Я грамоту познаю. Говори: Добро существует! Живи(те) совершенно, земля! Но как? Люди, размышляйте! У нас потусторонний покой. Проповедуй Слово истинное. Учение избирательно: Херувим, – отрешением земной п[е]ч[али?], – или червь» [12]. Отметим, что подобные построения вызвали критику [4].

Рассмотренные нами попытки дешифровки кириллического «послания» в современной отечественной любительской лингвистике демонстрируют, что само наличие самостоятельных названий у букв кириллицы является мощным стимулом для попыток интерпретации славянского азбучного именника в качестве текста. Большинство исследователей, предпринимающие подобные попытки, интерпретируют этот гипотетический текст в качестве послания авторов азбуки – либо Кирилла и Мефодия, либо далёких предков – древних славян. При этом по различным причинам (в том числе, видимо, из-за объективных трудностей дешифровки некоторых букв) далеко не все авторы учитывают всю совокупность букв кириллицы, а варианты дешифровок демонстрируют значительное разнообразие. Наиболее известным вариантом текстовой интерпретации кириллицы является, по-видимому, вариант А. Я. Кеслера, однако в этом же направлении работают А. В. Зиновьев и другие [10].

Однако интерпретации данного рода не ограничиваются интерпретациями названий кириллических букв как элементов текста. Так, по мысли Ю. А. Хлесткова, кириллица представляет собой упрощённый алфавит, последовательность букв которого была составлена согласно последовательности начальных букв некоторого обучающего текста, начало которого реконструируется автором следующим образом: «Новь Земли (через) Буквы Поведаете. Говорим (вам) – Добро Есть Жизнь Земли. Ибо Солнечные Люди – Мыслящие (и являются) Детьми Отца. Помните РА – Слово...» [15].

Здесь же стоит упомянуть и об интересном случае интерпретации «влесицы» – реконструированного автором-неоязычником под псевдонимом Креслав Рысь гипотетического славянского рунического алфавита, состоящего из 24-х букв. Именник «влесицы», по мнению автора, представляет собой текст [11].

Это единственный известный нам случай интерпретации гипотетического славянского рунического алфавита как текста, хотя попытки реконструкции самого алфавита предпринимаются несколькими авторами.

Что касается реального, а не гипотетического рунического алфавита – германского футарка, то можно отметить попытку его текстовой интерпретации В. Д. Осиповым. Примечательно в данном случае то, что руны берутся в своем фонетическом значении, а к их названиям (ни реально засвидетельствованным, ни реконструированным общегерманским) автор не обращается [8].

Если говорить о реконструированном алфавите древнейших времен, то в работах В. М. Кандыбы и П. А. Золина описывается палеолитический «алфавит русов» и его дальнейшие изменения во времени (что примечательно, без каких-либо обоснований вообще) [5. С. 18–38].

Таким образом, в поле зрения авторов, интерпретирующих алфавитные тексты, попадает не только кириллица, но и древнегерманский, и гипотетический реконструированный славянский рунический, и даже палеолитический алфавит.

Список литературы

1. Базылев, В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий...» [Текст] / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 3. – С. 9–39.
2. Длjasин, Г. Г. Азбука Гермеса Трисмегиста или молекулярная тайнопись мышления [Текст] / Г. Г. Длjasин. – М. : Белые альвы, 1998. – 144 с.
3. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике [Текст] / А. А. Зализняк. – М. : Русский Миръ: Московские учеб., 2009. – 240 с.
4. Иванова, Т. А. О новой интерпретации славянского азбучного именика как текста [Текст] / Т. А. Иванова // Избранные труды /

List of literature

1. Bazylev, V. N. Politika i lingvistika: «velikij i moguchij...» [Tekst] / V. N. Bazylev // Politicheskaja lingvistika. – 2009. – Vyp. 3. – S. 9–39.
2. Dljasin, G. G. Azbuka Germe-sa Trismegista ili molekularnaja tajnopis' myshlenija [Tekst] / G. G. Dljasin. – M. : Belye al'vy, 1998. – 144 s.
3. Zaliznjak, A. A. Iz zametok o ljubitel'skoj lingvistike [Tekst] / A. A. Zaliznjak. – M. : Russkij Mir#: Moskovskie ucheb., 2009. – 240 s.
4. Ivanova, T. A. O novoj interpretacii slavjanskogo azbuchnogo imennika kak teksta [Tekst] / T. A. Ivanova // Izbrannye trudy / Pod

- Под ред. С. А. Авериной. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С. 72–82.
5. Кандыба, В. М. История и идеология русского народа [Текст] / В. М. Кандыба, П. А. Золин. – Т.1. – СПб. : Издательство Лань, 1997. – 512 с.
6. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты [Текст] / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 4–34.
7. Минин, Ю. П. Разгадка русской азбуки – смысл жизни [Текст] / Ю. П. Минин. – М., 2001. – 144 с.
8. Осипов, В. Д. Русские в зеркале своего языка. Очерки о происхождении русских слов. Выпуск первый [Текст] / В. Д. Осипов. – М. : Издательство «АГАР», 1999. – 62 с.
9. Полиниченко, Д. Ю. Лингвистика и фолк-лингвистика: концепция А. Н. Драгункина [Текст] / Д. Ю. Полиниченко // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография. – Кемерово, 2010. – С. 384–394.
10. Полиниченко, Д. Ю. Интерпретация славянского азбучного именика в отечественной любительской лингвистике [Текст] / Д. Ю. Полиниченко // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2011. – № 7–8. С. 181–187.
- red. S. A. Averinoy. – SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004. – S. 72–82.
5. Kandyba, V. M. Istorija i ideologija russkogo naroda [Tekst] / V. M. Kandyba, P. A. Zolin. – T.1. – SPb. : Izdatel'stvo Lan', 1997. – 512 s.
6. Kashkin, V. B. Bytovaja filosofija jazyka i jazykovye kontrasty [Tekst] / V. B. Kashkin // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – Vyp. 3: Aspekty meta-kommunikativnoj dejatel'nosti. – Voronezh, 2002. – S. 4–34.
7. Minin, Ju. P. Razgadka russkoj azbuki – smysl zhizni [Tekst] / Ju. P. Minin. – M., 2001. – 144 s.
8. Osipov, V. D. Russkie v zerkale svoego jazyka. Oчерki o proishozhdenii russkih slov. Vypusk pervyj [Tekst] / V. D. Osipov. – M. : Izdatel'stvo «AGAR», 1999. – 62 s.
9. Polinichenko, D. Ju. Lingvistika i folk-lingvistika: koncepcija A. N. Dragunkina [Tekst] / D. Ju. Polinichenko // Obydennoe metajazykovoe soznanie: ontologicheskije i gnoseologicheskije aspekty. Ch. 3: kollektivnaja monografija. – Kemerovo, 2010. – S. 384–394.
10. Polinichenko, D. Ju. Interpretacija slavjanskogo azbuchnogo imennika v otechestvennoj ljubitel'skoj lingvistike [Tekst] / D. Ju. Polinichenko // Social'no-gumanitarnyj vestnik Juga Rossii. – 2011. – № 7–8. S. 181–187.

11. Рысь, К. Руны восточных славян [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://slavs.org.ua/kreslav-rys-runy-vostochnykh-slavyan>.
12. Савельева, Л. В. Церковнославянская азбучная традиция в Карелии [Текст] / Л. В. Савельева // Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г) / Отв. ред. В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – С. 5–12.
13. Сперанская, А. Н. Русская азбука: история и современность [Электронный ресурс] // Интернет-конференция «Кириллица-латиница-гражданица». 15 марта – 15 апреля 2009 года. – URL: <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/Speranskaia.pdf>
14. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
15. Хлестков, Ю. А. Ура. Часть I. Смысловый словарь базовых слов русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://urabook.narod.ru/part1/index.html>
11. Rys', K. Runy vostochnykh slavyan [Jelektronnyj resurs]. 2005. URL: <http://slavs.org.ua/kreslav-rys-runy-vostochnykh-slavyan>.
12. Savel'eva, L. V. Cerkovnoslavjanskaja azbuchnaja tradicija v Karelii [Tekst] / L. V. Savel'eva // Pravoslavie v Karelii: Materialy respublikanskoj nauchnoj konferencii (24–25 oktjabrja 2000 g) / Otv. red. V. M. Pivoev. – Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2000. – S. 5–12.
13. Speranskaja, A. N. Russkaja azbuka: istorija i sovremennost' [Jelektronnyj resurs] // Internet-konferencija «Kirillica-latinica-grazhdanica». 15 marta – 15 aprlja 2009 goda. – URL: <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/Speranskaia.pdf>
14. Stepanov, Ju. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – M. : Akademicheskij Proekt, 2001. – 990 s.
15. Hlestkov, Ju. A. Ura. Chast' I. Smyslovoj slovar' bazovyh slov russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://urabook.narod.ru/part1/index.html>

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК ЕДИНИЦА
СИСТЕМНОГО ДИНАМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ)**

Н. В. Пятаева

В статье затронуты проблемы диахронического описания лексико-семантической системы русского языка от праславянского до современного состояния на основе исследования генетически близкой лексики, объединяемой в словообразовательные, корневые и этимологические гнезда. Автор доказывает возможность и необходимость выделения новой комплексной лексической единицы – генетической парадигмы, в составе которой объединяются несколько этимологических гнезд на основе генетической общности и семантической пересекаемости их компонентов.

Ключевые слова: лексико-семантическая система, диахроническая лексикология, лексическое, словообразовательное, корневое и этимологическое гнезда, генетическая парадигма

Лексическое гнездо (ЛГ) – сложная комплексная единица системы словообразования. Однако эта единица языка тесно связана с различными его уровнями – лексико-семантическим, морфемно-словообразовательным, морфологическим и синтаксическим. В ЛГ тесно переплетены и постоянно взаимодействуют разноуровневые явления, в результате которых происходят важные для их судеб семантические и структурные преобразования, способные привести к расщеплению и разрушению некогда единого гнезда. Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, функционирование и распад лексических гнезд – важнейшая задача диахронической дериватологии, признающей наиболее результативными и обнадеживающими исследования лексических гнезд на всем протяжении истории данного языка. Такой подход позволит выявить особенности формирования и функционирования ЛГ, специфику взаимоотношений между словами в пределах гнезда, установить статику и динамику в изучаемых гнездах, увидеть перспективу движения исследуемых фактов к современному состоянию. Исследование семантических изменений слов гнез-

да в их историческом развитии поможет выяснить условия разрыва словообразовательных связей и превращения словообразовательного (СГ) или корневого гнезда (КГ) в этимологическое (ЭГ).

Диахроническое изучение лексических гнёзд осуществляется в отечественном языкознании с 60-х гг. XX в. К настоящему времени существует ряд значительных работ по историческому описанию лексического материала, объединённого общностью корня. Среди них можно особо отметить исследования Ж. Ж. Варбот [4, 6, 7, 9, 10], в которых впервые в отечественной лингвистике разрабатываются теоретические проблемы реконструкции состава этимологических гнёзд на материале русского и славянских языков.

В трактовке современных этимологов ЭГ включает «все генетически связанные слова, независимо от степени прозрачности этих связей на современном уровне» [5. С. 24]. Следовательно, этимологическое гнездо – это иерархически организованная по принципу словообразовательного гнезда группа слов родственных языков (в широком понимании) или одного языка (в узком понимании), включающая все когда-либо существовавшие на протяжении истории данных языков (или данного языка) рефлексy определённого реконструированного для праязыка-основы корня, по отношению к которым возможно предположение о генетической общности. Иначе говоря, слова, утратившие смысловую общность, образуют разные словообразовательные гнёзда на определённом уровне развития языка и входят в одно ЭГ. Например, выход из употребления в древнерусском языке слова *имати* ‘братъ, хватать’ повлѣк за собой образование в современном русском литературном языке множества самостоятельных СГ, возглавляемых некогда производными от этого глагола – *внимать*, *вынимать*, *занимать*, *изымать*, *нанимать*, *отнимать*, *поднимать*, *понимать*, *принимать*, *приятный*, *снимать*, *унимать* и др., которые образуют одно КГ вокруг связанного корня *-им-*. Учтывая, что древнерусские глаголы *имати* и *имѣти* (совр. *иметь*) являлись дериватами праславянского корнеслова **ĉti*/**jьmati* (*имати* ‘братъ, хватать’, *имѣти* ‘обладать тем, что взято, схвачено’), словообразовательные производные от этих глаголов образуют одно ЭГ, ведущее своё начало от индоевропейского корня **jьm-*.

Реконструкция ЭГ, таким образом, всегда предполагает реконструкцию теми или иными средствами (объяснением семантических различий, фонологическим отождествлением и т.п.) утраченных словообразовательных связей слов или групп слов, ср. такие дезтимологизированные пары, как принадлежавшие упомянутому выше

ЭГ лексемы *иметь, изящный, паук, приятель, необъятный*, ведущие своё начало от праславянского корня *em-, описанные автором статьи в кандидатской диссертации и последующих публикациях [15–18].

Наблюдения за развитием синонимичных ЛГ *em- ‘брать, иметь’ и *ber- ‘брать, взять’ в истории русского языка позволили разработать на конкретном материале методику реконструкции состава ЭГ. Она включает следующие операции:

➤ выборку данных об исследуемых корнях из этимологических словарей русского языка, определение их семантики, фонетических вариантов и соответствий в родственных славянских языках;

➤ анализ словообразовательных гнёзд, представленных в современных словообразовательных и морфемных словарях, на предмет выявления наиболее продуктивных для них способов деривации и наиболее частотных фонетических вариантов;

➤ обращение к толковым словарям современного русского литературного языка с целью семантического описания компонентов словообразовательных гнёзд;

➤ выборку из фразеологических и диалектных словарей с целью дополнения состава этимологических гнёзд словами разговорно-обиходными и устаревшими, ибо известно, что в народных говорах «старинные явления и особые черты определённого языка, восходящие к более ранним периодам его развития, часто более точно отражены или даже лучше сохранены, чем в современной литературной разновидности данного языка» [2. С. 46];

➤ выборку из исторических словарей русского языка и этимологических словарей славянских языков с целью реконструкции состава ЭГ для более ранних периодов развития русского языка: праславянского, древнерусского, русского языка конца XIV – XVII вв., XVIII – начала XIX вв.;

➤ восстановление словообразовательных гнёзд с исследуемыми корнями применительно к древнерусскому и праславянскому состоянию в соответствии с отношениями словообразовательной производности и семантической мотивированности входящих в гнёзда слов;

➤ обращение к данным толковых, исторических и этимологических словарей родственных славянских языков для пополнения ЭГ словами, претерпевшими существенные изменения в своей фонетической, словообразовательной и семантической структуре и не вошедшими в состав анализируемых СГ на современном уровне;

➤ реконструкцию методом заполнения «пустых клеток» незафиксированных историческими словарями лексем на основе сопоставления тождественных по структуре элементов словообразовательного гнезда (словообразовательных пар или цепочек), принадлежащих исследуемым корневым группам, так как, в соответствии с основным правилом этимологического анализа, объясняемое слово обязательно должно быть рассмотрено как член определённого словообразовательного ряда, образующего ту или иную регулярную модель, тем самым при этимологизировании необходимо учитывать, что слово в качестве определённого структурного целого является членом словообразовательной системы языка в целом и всегда возникает в языке (если не заимствовано извне) как единица конкретного словообразовательного типа, относящегося к определённому лингвохронологическому уровню.

Анализ ЭГ в целом, во всём многообразии образующих его словообразовательных связей слов, очень актуален также с точки зрения изучения типологии разрывов словообразовательных связей, превращающих СГ в этимологическое. Причины этих разрывов и их отражение в словообразовательной структуре разошедшихся частей одного и того же СГ очень многообразны. Многими этимологами [3, 8, 14, 20] было отмечено, что при распаде единого СГ на несколько обособленных групп слов вследствие процесса дэтимологизации (т.е. фонетического расподобления и/или семантических изменений) этот разрыв почти никогда не бывает полным – былое единство не исчезает бесследно. О наличии былых словообразовательных связей с некоторого времени самостоятельных групп слов свидетельствуют производные образования, внешняя форма которых повторяет фонетический облик одной группы, а значение «заимствует» у другой отделившейся группы слов. Например: по происхождению слово *изящный* связано с общеславянским глаголом *jъzęti (ср. ст.-слав. *изъати* ‘извлечь, изъять, вынуть’, русск. *изъять*), который, в свою очередь, является префиксальным производным от праславянского корнеслова индоевропейского происхождения *jęti (*jъmo), обозначающего действие приобщения объекта ‘брать, хватать’. Основа *jъz-ę-t-j-ъn- с необычным сочетанием -tj- вместо -t- образовалась под влиянием форм причастий настоящего времени на -ę-t-j- : -o-t-j-. Таким образом, модель развития семантики слова *изящный* в истории русского языка можно представить в следующем виде: ‘брать, хватать’ → ‘брать изнутри чего-либо, вынимать, выбирать’ → ‘выбранный; избранный’ → ‘составляющий исключение, необычно-

венный, т.е. такой, которого можно выбрать, выделить из ряда подобных по особым, исключительным признакам' → 'отличающийся утончённой соразмерностью форм, отвечающий требованиям тонкого художественного вкуса' → 'то, что соответствует представлению об утончённой красоте, что воплощает красоту'. Причём эту семантическую модель можно считать языковой универсалией, по крайней мере, для ряда индоевропейских языков, ср. латин. *eximius* 'превосходный; составляющий исключение', образованное от *eximō* < *ex-em-ō* 'вынимаю', отсюда же *exemplum* 'образец'; франц. *elegant* 'элегантный' от латин. *ēligō* < *e(x) + legō* 'вырываю, выбираю'.

Подобные образования хронологически предшествуют разобщению этимологически связанных лексических групп. Это ещё раз подводит к заключению о необходимости динамического исследования семантики всего массива генетически близкой лексики, составляющей ЭГ, тем более что сама постановка и рассмотрение вопроса деэтимологизации – доказательство теснейшей связи диахронического и синхронического аспектов в изучении лексических гнёзд. В результате деэтимологизации гнёзда, объединявшие лексические единицы на основе словообразовательных связей, претерпевают изменения, которые приводят, с одной стороны, к полному распаду СГ и превращению его в корневое гнездо или, с другой стороны, к выпадению из состава СГ отдельных членов, продолжающих в дальнейшем самостоятельное развитие или отходящих в пассивный словарный запас языка.

Динамический (синхронно-диахронический) подход к изучению семантической структуры всего ЛГ даёт возможность проследить его функционирование в истории языка и объяснить многие факты его современного состояния. В этой связи нельзя не процитировать статью Л. А. Сергеевой: «В рамках когнитивного подхода семантические поля оказываются недостаточно исчерпывающими для описания ментального лексикона, нужны более крупные объединения слов, отражающие, помимо общности различных типов сем, и тезаурусные связи слов, свидетельствующие о различных закономерностях когнитивной обработки данных о реальной действительности и психическом мире человека» [19. С. 150].

Действительно, в историческом развитии лексического состава языка можно обнаружить ещё более крупные системные образования, чем ЭГ. Так, в процессе исследования праславянской и древнерусской семантики лексических гнёзд **em-* и **ber-* 'брать, взять' была обнаружена генетическая связь их значений с семантикой лек-

сических гнёзд *dǫ- (*давать, дать*) и *nesti (*нести*). Семантический ряд, образуемый вершинами этих лексических гнёзд, мы назвали *генетической парадигмой*. Опорные слова этого ряда (*давать* → *дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: ‘приобщаемый объект’ и ‘действие субъекта, направленное на приобщаемый объект’. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *dǫ- имел значения ‘дать//давать’, ‘брать’, ‘нести’ (ср. проявление связи значений ‘давать’ и ‘брать//взять’ в болгарском идиоматическом сочетании *има́м взема́не – даване* ‘иметь общие дела с кем-либо’); и.-е. *bher- ‘нести’ (отсюда более поздние *бремя, беремья, беременная*) в праславянском развивает значение ‘брать’, становясь синонимичным и.-е. *em- ‘брать//взять’, который позднее приобретает значение ‘иметь’, существующее параллельно с изначальным на всём протяжении истории русского и родственных славянских языков. Связь между понятиями ‘хватать’ и ‘иметь’ прослеживается во множестве языков при самых разных исходных корнях: нем. *haben* ‘иметь’ родственно латин. *capere* ‘хватать’; русск. *иметь* и русск. диалектн. *имать* ‘брать, хватать, ловить’; литов. *turėti* ‘иметь’ и *tvėrti* ‘хватать’, да и в самой латыни глагол, обозначающий ‘хватать’ точно так же связан с глаголом ‘иметь’. Иными словами ‘иметь’ есть результат ‘хватания’.

*Подобный семантический синкретизм можно объяснить тем, что «язык родился не из потребности давать вещам названия, а из потребности относить вещи к своему коллективу, накладывая на них своё «тавро». Первые слова обозначали не предметы, а их отношение, действительное или воображаемое, к коллективу. Наречение было актом своего рода «присвоения». «Присваивались» не только орудия и продукты, но и такие далекие и недоступные вещи, как небо и солнце. Ср., например, в языке зулу *i-zulu* ‘зулус’ и *i-zulu* ‘небо’» [1. С. 235]. В лексике, таким образом, выступает на первый план познавательный аспект языка, лексика – это бытие, прошедшее через общественное сознание. Как социальные отношения, отношения людей друг к другу накладывают определённый отпечаток на формирование и всю работу сознания. Субъектом сознания выступает не индивид, а коллектив, и всё вокруг осознаётся и оценивается с точки зрения интересов коллектива. Этим можно объяснить возникновение нашей парадигмы, ключевые глаголы которой обозначают действия, воспринимающиеся не сами по себе,*

а в кругу людей: один передаёт что-то другому в собственность, этот другой, в свою очередь, присваивает полученный предмет в собственность или несёт его и отдаёт еще кому-либо и т. д.

Пересечение значений в рефлексах опорных слов этой генетической парадигмы можно наблюдать в современных славянских языках. Так, наличие дополнительной семы 'нести' отмечено и в значениях глаголов корневой группы *em-: *сняться* 'покинуть какое-либо место, отправляясь в путь', разг. 'поехать, пойти в каком-либо направлении', т.е. «нести себя в каком-либо направлении»; *донять* 'дойти, доехать, добраться до кого-либо', а также в семантике глаголов, принадлежащих лексическим гнездам *em- и *ber- в родственных славянских языках: болг. *добера се* 'добраться, дойти, доехать', *емна, поема* 'отправиться куда-либо'; польск. *dobracz się* 'добраться', *przebrać się* 'пробраться', *zabrać się* 'собраться, уйти, отправиться, убраться'. Ср. также проявление семантики 'перемещение в пространстве' в современном СГ с вершиной *нести: вознестись* 'высок. 'подняться вверх, ввысь', *донестись* разг. 'быстро доехать, домчаться', *нестись* 'очень быстро двигаться, перемещаться, мчаться', *перенестись* разг. 'стремительно перебежать, переехать, перелететь через что-либо, куда-либо; примчаться'; *пронестись* 'быстро пройти', *унестись* 'быстро удалиться, умчаться', а также в невозвратных формах *донести* 'быстро донести, доставить, домчать', *нести* 'стремительно передвигать, мчать'.

Кроме семантического синкретизма, существование подобной генетической парадигмы обусловлено хорошо известным в сравнительной грамматике славянских и других индоевропейских языков явлением парадигматического супплетивизма, описанным О. Н. Трубачевым [21]: и.-е. *bher- 'нести' выступало в дуративно-презентной функции, тогда как в функциях других глагольных времён оно восполнялось этимологически совершенно особыми основами – и.-е. *(e)nek-, *(e)l-, включая этимологически неясные случаи: греч. φέρω 'несу, ношу', τήνει, ταλάσσει, лат. ferō 'несу, ношу', форма перфекта tulī < др.-лат. tulō, tulere 'носить, приносить' (первоначально 'поднимать, выдерживать тяжесть'). Равным образом письменная история наблюдает факты разрушения, нивелировки супплетивности, когда лексическая самостоятельность основ получает преобладание над их грамматическими связями. Так, и.-е. *bher- и *(e)nek- в славянских языках являются совершенно самостоятельными лексемами с особыми значениями *berQ, *bьrati 'брат' и *nesti 'нести', и только старые отглагольные именные

производные вроде *bermę ‘бремя, ноша’ показывают, что и славянские языки сохраняют память о старых супплетивных отношениях, ср. с.-х. nésti, nésem ‘нести, несу’ и zànijeti ‘понести, забеременеть’. Именно в последних формах наблюдается самобытное сохранение языкового факта большой древности.

Таким образом, семантическое соотношение компонентов нашей генетической парадигмы можно представить в виде схемы (схема № 1).

С учётом современных когнитивных подходов к семантике [12, 13, 22], можно констатировать, что эта генетическая парадигма представляет собой образ-схему *передачи – получения – обладания*, являющуюся семантической уни-версалией, а её конкретное лексико-грамматическое воплощение в том или ином языке – показатель национальной языковой картины мира.

Схема № 1.

Рассмотрение изменений, которые происходят в процессе развития лексической системы языка, делает генетическую парадигму важным объектом исторической лексикологии. Именно в крупных лексических объединениях могут быть выявлены и прослежены связи и взаимодействия между словами, их активизация или ослабление, изменения соотношений сфер употребления слов, их функциональная стратификация, то есть все те изменения, которые происходят в лексической системе языка. Одним из путей решения проблемы создания полного и систематического очерка русской исторической лексикологии может стать рассмотрение динамики развития целого комплекса лексических гнезд на всём протяжении их существования в составе генетической парадигмы, ибо лингвистами давно отмечено, что слова со сходными значениями проходят сходную семантическую историю.

Из этого следует, что исследование лексических гнезд и более крупных их объединений (генетических парадигм) актуально и в

синхронном, и в диахроническом планах. В синхронном аспекте лексическая система может изучаться с целью описания её применительно к какому-либо определённом периоду исторического развития языка, в диахронии – с целью воссоздания процесса развития этой системы от древнейших эпох до современного состояния.

В свете сказанного необходимо подчеркнуть, что история словарного состава языка в целом, история ЛГ и каждого отдельного слова связаны не только с внешней историей народа, но и с историей его мышления. С другой стороны, своей организацией лексические гнёзда демонстрируют один из фрагментов языковой картины мира, так как лежащее в основе деривации и семантического развития того или иного ЛГ прямое (денотативное) значение слова-вершины, принимает на себя функцию языкового представления некоторого фрагмента предметно-понятийной области действительности, которая в целом оказывается своеобразно расчленённой с помощью определённой совокупности лексических единиц и их словообразовательных связей в структуре ЛГ.

Итак, словообразование является одним из средств языковой концептуализации картины мира, а СГ – это не только классификационная единица, но единица языкового сознания и коммуникации. Так мы подходим к пониманию языковой картины мира не как отдельного, удобного для анализа фрагмента лексики, а как всеобъемлющей синергетической картины, как целостного изображения языком всего того, что существует в нас и вокруг нас. К такому пониманию обязывает сам термин, за которым стоит мысль о способности языка своими собственными средствами представить всё сущее как нечто целое, вмещаемое в единое изобразительное пространство и этим пространством объединяемое. Учитывая мнение В. Б. Касевича [11] о том, что язык эволюционирует медленно, и естественно ожидать, что его семантика в большей мере отражает пережиточно те представления и знания, ту картину мира, которые были свойственны данному этносу на достаточно ранних стадиях его развития, следует признать диахронический подход к изучению лексико-семантической системы языка более рациональным и продуктивным, а комплексное исследование генетически близких сверхсложных лексических объединений на оси сменяющих друг друга лингвохронологических уровней отвечающим духу динамического понимания картины мира. Изучая и описывая лексические гнёзда в диахронии, можно преодолеть барьер «страха» перед неустойчивыми мобильными зонами, возникающими в языковой системе в процессе её

развития и изменения, так как в гнезде с его строгой организацией в соответствии с принципами семантической мотивированности и словообразовательной производности находят своё строго определённое место не только уже устоявшиеся («постоянные») лексемы, но и вновь образующиеся и уходящие в пассивный запас слова («мобильные зоны»). Более того, в исследовании этимологических гнезд и генетических парадигм «примиряются», находят свое одинаково важное и взаимодополняющее применение две парадигмы лингвистики – системцентрическая и антропоцентрическая.

Список литературы

1. Абаев, В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка [Текст] / В. И. Абаев // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М. : Наука, 1970. – С. 232–262.
2. Бирнбаум, Г. О степени доказательности диалектизмов-«архаизмов» (на материале славянских языков) [Текст] // Русское и славянское языкознание. – М. : Наука, 1972. – С. 43–48.
3. Булаховский, Л. А. Типы деэтимологизации в русском языке [Текст] / Л. А. Булаховский // Избранные труды: В 3-х т. – Т. 3. – Киев : Наукова думка, 1978. – С. 356–367.
4. Варбот, Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика [Текст] / Ж. Ж. Варбот. – М. : Наука, 1969. – 231 с.
5. Варбот, Ж. Ж. История славянского этимологического гнезда в праславянском языке [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов : докла-

List of literature

1. Abaev, V. I. Otrazhenie raboty soznaniya v leksiko-semanticheskoy sisteme jazyka [Tekst] / V. I. Abaev // Leninizm i teoreticheskie problemy jazykoznanija. – M. : Nauka, 1970. – S. 232–262.
2. Birnbaum, G. O stepeni dokazatel'nosti dialektizmov-«arhaizmov» (na materiale slavjanskih jazykov) [Tekst] // Russkoe i slavjanskoe jazykoznanie. – M. : Nauka, 1972. – S. 43–48.
3. Bulahovskij, L. A. Tipy dejetimologizacii v russkom jazyke [Tekst] / L. A. Bulahovskij // Izbrannye trudy: V 3-h t. – T. 3. – Kiev : Naukova dumka, 1978. – S. 356–367.
4. Varbot, Zh. Zh. Drevnerusskoe imennoe slovoobrazovanie. Retrospektivnaja formal'naja harakteristika [Tekst] / Zh. Zh. Varbot. – M. : Nauka, 1969. – 231 s.
5. Varbot, Zh. Zh. Istorija slavjanskogo jetimologičeskogo gnezda v praslavjanskom jazyke [Tekst] / Zh. Zh. Varbot // Slavjanskoe jazykoznanie. XI Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov : doklady rossijskoj

- ды российской делегации. – М. : Наука, 1993. – С. 23–35.
6. Варбот, Ж. Ж. К типологии взаимодействия этимологических гнезд [Текст] / Ж. Ж. Варбот // *Studia etymologica Brunensia*. 2. – Praha, 2003. – S. 45–58.
7. Варбот, Ж. Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях [Текст] / Ж. Ж. Варбот // *Этимология*. 1984. – М. : Наука, 1986. – С. 33–40.
8. Варбот, Ж. Ж. О словообразовательной структуре этимологических гнезд [Текст] / Ж. Ж. Варбот // *Вопросы языкознания*. – 1967. – № 4. – С. 67–74.
9. Варбот, Ж. Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // *Этимология*. 1963. М.: Наука, 1963. С. 194 – 212.
10. Варбот, Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология [Текст] / Ж. Ж. Варбот. – М. : Наука, 1984. – 255 с.
11. Касевич, В. Б. Язык и знание [Текст] / В. Б. Касевич // *Язык и структура знания*. – М. : Наука, 1990. – С. 100–121.
12. Лакофф, Дж. О порождающей семантике [Текст] / Дж. Лакофф // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 10: Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс, 1981. – С. 302–349.
13. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. delegacii. – М. : Nauka, 1993. – S. 23–35.
6. Varbot, Zh. Zh. K tipologii vzaimodejstviya jetimologicheskikh gnjozd [Tekst] / Zh. Zh. Varbot // *Studia etymologica Brunensia*. 2. – Praha, 2003. – S. 45–58.
7. Varbot, Zh. Zh. O vozmozhnostjakh rekonstrukcii jetimologicheskogo gnezda na semanticheskikh osnovanijah [Tekst] / Zh. Zh. Varbot // *Jetimologija*. 1984. – M. : Nauka, 1986. – S. 33–40.
8. Varbot, Zh. Zh. O slovoobrazovatel'noj strukture jetimologicheskikh gnjozd [Tekst] / Zh. Zh. Varbot // *Voprosy jazykoznanija*. – 1967. – № 4. – S. 67–74.
9. Varbot, Zh. Zh. O slovoobrazovatel'nom analize v jetimologicheskikh issledovanijah // *Jetimologija*. 1963. M.: Nauka, 1963. S. 194 – 212.
10. Varbot, Zh. Zh. Praslavjanskaja morfonologija, slovoobrazovanie i jetimologija [Tekst] / Zh. Zh. Varbot. – M. : Nauka, 1984. – 255 s.
11. Kasevich, V. B. Jazyk i znanie [Tekst] / V. B. Kasevich // *Jazyk i struktura znaniya*. – M. : Nauka, 1990. – S. 100–121.
12. Lakoff, Dzh. O porozhdajuwej semantike [Tekst] / Dzh. Lakoff // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. 10: *Lingvisticheskaja semantika*. – M. : Progress, 1981. – S. 302–349.
13. Lakoff, Dzh. Metafory, kotorymi my zhivjom [Tekst] / Dzh. La-

- Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
14. Мельничук, А. С. Об одном из важных видов этимологических исследований [Текст] / А. С. Мельничук // Этимология. 1967. – М. : Наука, 1969. – С. 57–67.
15. Пятаева, Н. В. История синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- ‘брать, взять’ в русском языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. В. Пятаева. – Уфа, 1995. – 258 с.
16. Пятаева, Н. В. Лингвосинергетика как продолжение системного принципа и проблемы динамического исследования сложных лексических систем [Текст] / Н. В. Пятаева // Мир русского слова: Научно-методический иллюстрированный журнал РОПРЯЛ. – СПб. : ЗАО «Златоуст», 2004. – № 3 (20). – С. 98–104.
17. Пятаева, Н. В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- ‘брать, взять’ в истории русского языка [Текст] / Н. В. Пятаева // Этимология. 1994–1996. – М. : Наука, 1997. – С. 140–147.
18. Пятаева, Н. В. От извлечь//вынуть к изящной словесности (история термина в истории этимологического гнезда) [Текст] / Н. В. Пятаева // Русская словесность (научно-теоретический и методический журнал). – М., 2006. – № 6. – С. 74–78.
19. Сергеева, Л. А. Теория поля и когнитивная научная парадигма
- koff, M. Dzhonson. – M. : Editorial URSS, 2004. – 256 s.
14. Mel'nichuk, A. S. Ob odnom iz vazhnyh vidov jetimologicheskikh issledovanij [Tekst] / A. S. Mel'nichuk // Jetimologija. 1967. – M. : Nauka, 1969. – S. 57–67.
15. Pjataeva, N. V. Istorija sinonimichnyh jetimologicheskikh gnjzod *em- i *ber- ‘brat’, vzjat’ v russkom jazyke : dis. ... kand. filol. nauk [Tekst] / N. V. Pjataeva. – Ufa, 1995. – 258 s.
16. Pjataeva, N. V. Lingvosinergetika kak prodolzhenie sistemnogo principa i problemy dinamičeskogo issledovanija slozhnyh leksicheskikh sistem [Tekst] / N. V. Pjataeva // Mir russkogo slova: Nauchno-metodicheskij illjustrirovannyj zhurnal ROPRJaL. – SPb. : ZAO «Zlatoust», 2004. – № 3 (20). – S. 98–104.
17. Pjataeva, N. V. Opyt dinamičeskogo opisanija sinonimichnyh jetimologicheskikh gnjzod *em- i *ber- ‘brat’, vzjat’ v istorii russkogo jazyka [Tekst] / N. V. Pjataeva // Jetimologija. 1994–1996. – M. : Nauka, 1997. – S. 140–147.
18. Pjataeva, N. V. Ot izvlečh//vynut' k izjawnnoj slovesnosti (istorija termina v istorii jetimologičeskogo gnezda) [Tekst] / N. V. Pjataeva // Russkaja slovesnost' (nauchno-teore-tičeskij i metodicheskij zhurnal). – M., 2006. – № 6. – S. 74 – 78.
19. Sergeeva, L. A. Teorija polja i kognitivnaja nauchnaja paradigma

- [Текст] / Л. А. Сергеева // Теория поля в современном языкознании : межвуз. науч. сб. – Уфа : БашГУ, 2001. – С. 145–153.
20. Топоров, В. Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии [Текст] / В. Н. Топоров // Этимология. 1984. – М. : Наука, 1986. – С. 205–211.
21. Трубачёв, О. Н. Об одном случае глагольного супплетивизма: праслав. *-něti ‘нести, приносить’ [Текст] / О. Н. Трубачёв // Труды по этимологии: Слово. История. Культура: В 2-х т. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – С. 320–322.
22. Чёнки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях [Текст] / А. Чёнки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
- [Tekst] / L. A. Sergeeva // Teorija polja v sovremennom jazykoznanii : mezhvuz. nauch. sb. – Ufa : BashGU, 2001. – S. 145–153.
20. Toporov, V. N. O nekotoryh teoreticheskikh aspektah jetimologii [Tekst] / V. N. Toporov // Jetimologija. 1984. – M. : Nauka, 1986. – S. 205–211.
21. Trubachjov, O. N. Ob odnom sluchae glagol'nogo suppletivizma: praslav. *-něti ‘nesti, prinosit’ [Tekst] / O. N. Trubachjov // Trudy po jetimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura: V 2-h t. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – T. 2. – S. 320–322.
22. Chjonki, A. Sovremennye kognitivnye podhody k semantike: shodstva i razlichija v teorijah i celjah [Tekst] / A. Chjonki // Voprosy jazykoznanija. – 1996. – № 2. – S. 68–78.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

ФУНКЦИИ МЕТАФОР ИЗ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «ТЕХНИКА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. В. Наумов, И. А. Наумова

В статье рассматриваются особенности реализации основных функций метафоры из сферы-источника «Техника» в политическом дискурсе Великобритании на материале газет Гардиан и Индепендент.

Ключевые слова: политический дискурс, функции метафоры, метафоризация.

Феномен метафоры является одним из уникальных культурно и социально значимых явлений художественной, публицистической и научной речи. Метафора - универсальный способ познания и оценки окружающего мира и явлений общественной жизни. Метафора – это сочетание настоящего и прошлого, известного и неизвестного, внешнего и внутреннего смыслов. Метафора – один из актуальных и распространенных речевых приемов, придающих – высказыванию меткость, образность и выразительность [1. С. 496].

Функции метафоры варьируются в зависимости от речевой разновидности, в которой этот прием используется.

В политическом дискурсе метафора выполняет эвристическую функцию и служит средством осмысления постоянно меняющейся политической реальности и формулирования новых политических программ и аргументирующую функцию и является средством убеждения аудитории в правильности политических взглядов. Близкой к этим функциям является номинативно-оценочная функция метафоры в политическом контексте –одновременное название и оценка какого-либо политического явления или процесса. Политическая метафора благодаря своей фигуральности, небуквальности, выполняет прагматическую функцию, сглаживает наиболее опасные политические высказывания, затрагивающие спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом. Данная функция метафоры особенно актуальна в современное время – время свободы

мыслей и «разгулявшейся» гласности. Кроме того, поскольку метафора в политическом дискурсе (в отличие от поэтического) всегда апеллирует к фонду общих знаний, она тем самым создает у партнеров по коммуникации общую основу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения [1. С. 228].

Предметом нашего анализа являются отрывки политических статей периодических изданий Великобритании, в которых используются метафоры со сферой-источником «Техника». Мы проанализируем эти тексты с точки зрения основы «метафоризации», смысловой нагрузки метафоризированного слова или словосочетания, его стилистической и художественной функций.

Обратимся непосредственно к анализу.

*«Совет безопасности, который успешно **тормозит** этот конфликт, не должен быть податкой для нестойкого общественного сознания. Единогласие получено потому, что Франция желает военной добычи, Россию можно купить, а воздержавшиеся китайцы не предлагают никакого морального одобрения»* (The Guardian).

В данном контексте метафоризирован глагол тормозит. Переносное значение этого слова основано на сходстве с автомобильным тормозом, с помощью которого можно замедлить или остановить движение транспорта. Использование данного глагола в метафоризированном виде позволяет усилить ощущение значимости действий Совета безопасности – тормозить в данном случае приобретает значение «уберечь, спасти от возможных неприятных последствий». Таким образом, глагол-метафора тормозить в анализируемом тексте выполняет познавательную, причем с усиливающим значением называемого действия эффектом, активизационную и аргументирующую функции.

*««Вперед, а не назад!» таков лозунг блестящей компании лейбористов. Сколько старых солдат понадобилось, чтобы **включить эту лампочку гениальности?**»* (The Guardian).

В этом контексте метафоризировано словосочетание *включить лампочку гениальности*.

Метафоричность данного словосочетания основана на сходстве действия включающейся лампы и действий солдат. В данном контексте *включить лампочку гениальности* – значит зажечь, активизировать. Но при этом чувствуется авторская ирония в отношении лейбористов: это подчеркивает бессмысленный и вызывающий улыбку лозунг «вперед, а не назад» и эпитет *блестящей* со значени-

ем, противоположным словарному. Таким образом, в данном тексте основная функция словосочетания-метафоры номинативно-оценочная, с акцентированием иронического отношения.

*«Если финансово-бюджетная и кредитно-денежная политика не будут соответствовать требованиям устойчивости, то скоро начнет процветать параллельный рынок, с фактически **плавающим** валютным курсом. Как правило, растет параллельная премиальная выплата, **затормаживается** регулирование капитала, а сам официальный курс вынужден изменяться»* (The Observer).

Данный отрывок носит явный финансовый характер, и поэтому использование в нем слов-метафор *плавающий* и *затормаживать* «смягчает» официальность высказываемых мыслей. Функционально данные метафоры использованы как художественный прием, придающий тексту дополнительную образность и выразительность. Метафора в данном случае более точно и метко выражает суть содержания – так реализуется аргументирующая функция метафоры. Интересна здесь грамматическая форма глагола *затормаживается* именно с точки зрения «технического» происхождения: в разговорном обиходе не употребляется глагольная форма *затормаживать* – есть только *притормозить*, где приставка *при-* имеет значение «замедлить движение». В форме *затормаживать* же приставка *за-* вносит дополнительный смысловой оттенок «замедляется процесс регулирования капитала, что имеет негативные последствия для всей экономики».

*«Если военные инспекторы докладывают о существенном нарушении со стороны Саддама, то **пусковой механизм**, запускающий серьезные последствия, приведен в действие»* (The Independent).

*«Давно, во времена обоедных разрушений, казалось, что мир в любую минуту может взорваться **при нажатии кнопки**»* (The Independent).

В этих двух обособленных отрывках налицо сходство характера метафоризации, поэтому проанализируем их вместе.

«Техническое» происхождение данных метафор актуализировано и именно ассоциация с некой машиной, от одного нажатия кнопки которой может начаться война и разрушения на земле, с максимальной силой передает значимость и серьезность возможных последствий политической деятельности оппозиционных государств. Таким образом, эти метафоры имеют подчеркнуто прагматический характер, апеллируя к человеческому чувству самосохранения и предостерегая от возможных страшных последствий. И именно ис-

точник происхождения рассматриваемых метафор помогает передать всю значимость авторского высказывания. Кроме того, данные метафоры помогают «сгладить», обойти острые политические углы.

Таким образом, метафора в политическом дискурсе выполняет номинативно-оценочную, эвристическую, аргументирующую, прагматическую функцию.

«Техническое» происхождение метафор усиливает убедительность высказывания, помогает наиболее полно и метко передать мысль и придает речи большую образность и символичность [2. С. 61].

Список литературы

1. Стилистика и литературное редактирование [Текст] / под ред. проф. В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2004. С. 228–496.
2. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. С. 59–67.

List of literature

1. Stilistika i literaturnoe redaktirovanie [Tekst] / pod red. prof. V. I. Maksimova. – M. : Gardariki, 2004. S. 228–496.
2. Chudinov, A. P. Metaforicheskaia mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii [Tekst] / A. P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2003. S. 59–67.

ЯЗЫК СМИ

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНИМАНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Т. Я. Котлярова

Статья посвящена исследованию особенностей понимания инокультурного публицистического текста, обусловленных экстралингвистическими факторами: отсутствием необходимых фоновых знаний у реципиента и несовпадением структурных характеристик концептов в русскоязычной и франкоязычной картинах мира.

Ключевые слова: инокультурный текст, процесс понимания, языковая картина мира, лингвокультура, фоновые знания, presupпозиция.

Как показывает опыт многочисленных исследований, для построения читательской проекции текста, в том числе и публицистического, необходимо привлечение множества нелингвистических понятий и самых разнообразных сведений, то есть, необходим учет индивидуальной языковой картины мира реципиента. Е. С. Кубрякова определяет языковую картину мира как «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это – своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, совокупность обозначений, влияющая на членение опыта и виденье ситуаций и событий и т. п.» [1. С. 65].

На особенности индивидуальной картины мира реципиента, а следовательно, на индивидуальность интерпретации текста могут влиять различные факторы, как пространственные, так и временные. Таким образом, социально-культурный аспект понимания может рассматриваться как в синхронии (национальные, географические, социальные особенности), так и в диахронии (изменения в общественном сознании, обусловленные историческим процессом). На современном этапе развития науки изучение текста выходит за рамки лингвистики, текст находится на пересечении интересов многих наук, поскольку «текст – это механизм, который управляет процессом понимания» [2. С. 145].

При чтении текста на иностранном языке реципиент как бы заранее предупрежден о возможных трудностях понимания, связанных с

наличием культурем, не входящих в его тезаурус. Конечно, читатель может восполнить недостаток фоновых знаний, обратившись к дополнительной справочной литературе, но иногда отыскать необходимые сведения довольно трудно.

Синонимичным понятию «фоновые знания» можно считать понятие пресуппозиции, которое традиционно также связано с обозначением подразумеваемых, универсальных, общих знаний о мире: «пресуппозиция – это те условия, при которых достигается адекватное понимание смысла предложения» [3. С. 44]. Долгое время язык и культура рассматривались как автономные семиотические системы, но сейчас активно изучается их взаимодействие, обусловленное соотносительностью с когнитивной и коммуникативной деятельностью. Л. Н. Мурзин следующим образом объясняет данный факт: «Культурологи и лингвисты до самого последнего времени обнаруживали мало точек соприкосновения в своих науках: культурологи видели в культуре феномен, достаточно независимый от языка, а лингвисты считали, что изучая язык, можно игнорировать его культурологическую сторону как малосущественную. Лишь с развитием антропологии ... появилась возможность сблизить данные науки, поскольку человек и есть важнейшее связующее звено между языком и культурой» [4. С. 160].

Рассмотрим случаи возникновения трудностей понимания в связи с отсутствием культурологической информации у инокультурного читателя.

В статье, сообщающей о награждении Нобелевской премией в области медицины, читаем: «**Le président Nicolas Sarkozy et le ministre français de l'Enseignement supérieur et de la Recherche, Laurent Wauquiez ont aussitôt réagi par voie de communiqué à la désignation de Jules Hoffmann. « Ce prix honore l'université de Strasbourg, le CNRS, la communauté scientifique française et notre pays tout entier »** indique le texte de l'Élysée» [5].

Подчеркнутые лексические единицы, не вызывающие никаких трудностей семантизации у франкоязычного читателя, поскольку аббревиатура le CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique) и l'Élysée как метонимическое употребление в значении «президент Франции» являются общеизвестными во французском лингвокультурном сообществе, могут вызвать затруднение понимания данного отрывка у русскоязычных студентов, изучающих французский язык. Впрочем, данные трудности могут быть легко преодолены путем обращения к словарю. Более сложная ситуация с пониманием возникает, если необходимая лингвокультурологическая информация

требует углубленного анализа расхождений в концептуальных и языковых картинах мира автора и читателя. Воспользуемся примером из статьи, посвященной предвыборной кампании в местные органы власти (блог журналистов газеты «Le Monde»): «Lundi 8 mars, la direction du Parti socialiste fera d'une pierre deux coups. Elle célébrera la Journée de la femme et en fera une journée anti-Frêche. Martine Aubry a finalement choisi cette date pour se rendre à Montpellier afin de soutenir Hélène Mandroux. La première secrétaire ne sera pas seule. ... En tout, la délégation devrait compter une quinzaine de «pétroleuses» comme dit en souriant l'une des participantes» [6].

Лексическая единица «la Journée de la femme» на первый взгляд не представляет трудности для понимания, поскольку концепт «Женский день» присутствует и в русскоязычной картине мира, причем дата 8 марта совпадает в обеих культурах. Но у русскоязычного читателя возникает недоумение по поводу того, что именно на этот день (выходной, праздничный) назначено серьезное политическое мероприятие. Для правильной интерпретации описываемых событий необходимо знать о том, что, в отличие от России и Казахстана, во Франции этот день не является выходным, и поэтому встреча кандидаток с избирателями 8 марта вполне уместна и символична. Окказионализм une journée anti-Frêche также требует привлечения экстралингвистической информации: Frêche – это имя известного политика, скандально прославившегося своими антифеминистскими высказываниями. И, наконец, следует выяснить, почему одна из участниц мероприятия, улыбаясь, называет себя и своих коллег «pétroleuses». Дело в том, что во франкоязычной картине мира это слово связано с прецедентным феноменом – участием женщин в уличных боях во время Парижской коммуны: «Après l'épisode de la Commune de Paris en 1871 et particulièrement l'incendie de l'Hôtel de ville de Paris (24 mai 1871), on désigna par pétroleuses les femmes qui avaient pris part aux combats armés, faisant d'elles les boucs émissaires du vandalisme survenu pendant la Semaine sanglante. Pour mieux comprendre la raison d'être de ce terme, il faut se replacer dans le contexte de l'époque et se rappeler que, tandis qu'à l'époque la femme n'était pas considérée comme un membre à part entière de la société, la Commune avait instauré la parité» [7]. Так же назывался феминистский журнал и фильм с участием К. Кардинале. Следовательно, во французском языке эта лексическая единица метафорически обозначает женщину, активно участвующую в жизни общества наравне с мужчинами. Если же остановиться на буквальном значении слова («поджигательница»), смысл «самоирония» будет недоступен читателю.

Приведенные примеры подтверждают, что семиотическое родство языка и культуры дает возможность рассматривать их во взаимосвязи, используя общий инструментарий, позволяет исследовать функционирование текстов в национальном языке, национальной культуре, в общественной жизни.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика [Текст] / А. А. Брудный. – М. : Лабиринт, 1998. – 336 с.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
4. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие [Текст] / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1991. – 172 с.
5. Trois généticiens récompensés par le Nobel pour leurs travaux sur le système immunitaire. – URL: <http://www.rfi.fr/science/5min/20111003-trois-geneticiciens-recompenses-leurs-travaux-le-systeme-immunitaire-prix-nobel>
6. Aubry organise un happening féministe contre Frêche. – URL: <http://partisocialiste.blog.lemonde.fr/2010/03/01/aubry-organise-un-happening-feministe-contre-freche/>
7. Pétroleuse. – URL: <http://fr.wikipedia.org/wiki/P%C3%A9troleuse>

List of literature

1. Kubrjakova, E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira [Tekst] / E. S. Kubrjakova. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 560 s.
2. Brudnyj, A. A. Psihologičeskaja germenevtika [Tekst] / A. A. Brudnyj. – M. : Labirint, 1998. – 336 s.
3. Gal'perin, I. R. Tekst kak ob#ekt lingvističeskogo issledovanija [Tekst] / I. R. Gal'perin. – M. : Nauka, 1981. – 139 s.
4. Murzin, L. N. Tekst i ego vospriatije [Tekst] / L. N. Murzin, A. S. Shtern. – Sverdlovsk : Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1991. – 172 s.
5. Trois généticiens récompensés par le Nobel pour leurs travaux sur le système immunitaire. – URL: <http://www.rfi.fr/science/5min/20111003-trois-geneticiciens-recompenses-leurs-travaux-le-systeme-immunitaire-prix-nobel>
6. Aubry organise un happening féministe contre Frêche. – URL: <http://partisocialiste.blog.lemonde.fr/2010/03/01/aubry-organise-un-happening-feministe-contre-freche/>
7. Pétroleuse. – URL: <http://fr.wikipedia.org/wiki/P%C3%A9troleuse>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СМИ

В. Е. Максимова

Статья посвящена исследованию лингвистических средств выражения гендерных стереотипов в средствах массовой информации. В статье проводится анализ лингвистических средств, использованных в журналах, нацеленных на молодого читателя. Предпринята попытка сравнение языковых средств, используемых в «женских» и «мужских» журналах. Проводится анализ понятий стереотип и гендерный стереотип, его свойства и функции.

Ключевые слова: стереотип, гендерный стереотип, гендер, средства массовой информации, лингвистические средства.

В последнее время среди психологов и лингвистов становятся популярными исследования ретрансляционной функции полоролевой стереотипизации. В современном обществе каждый индивид постоянно находится под воздействием потока информации, транслируемой СМИ. Это влияние, безусловно, сказывается на том, как воспринимаются и оцениваются «фрагменты реальности в соответствии с эталонами женственности или мужественности, принятыми в социуме» [3. С. 155]. СМИ являются одним из «базовых элементов социализации, которые служат для человека источником знаний о мире, позволяют оценить свое положение в социуме» [2. С. 171].

В данной статье анализируются лингвистические средства выражения гендерных стереотипов в средствах массовой информации, прежде всего в изданиях, нацеленных на молодежную читательскую аудиторию.

Каждому из полов в той или иной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение, что находит свое отражение в языке. Примером тому могут служить устойчивые словосочетания, существующие в языке: «Все мужики одинаковы; Мужчина – глава семьи; Женщина – хранительница семейного очага; Волос длинный, ум короткий». Подобные примеры встречаются в любом языке. Можно сделать вывод о том, что язык «является одним из важнейших источников знания о гендерной стереотипизации и ее изменении во времени, так как гендерные стереотипы могут быть «исчислены» на основании анализа структур языка» [6. С. 67].

Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. [4. С. 5]. Во-первых, гендерные стереотипы – нормативны. Реальные мужчины и женщины не могут с ними не считаться, так как данные представления являются социально разделяемыми. Кроме того, гендерные стереотипы носят эмоционально- оценочный характер.

Гендерные стереотипы относительно устойчивы и стабильны. Тем не менее, «подобно всем социальным стереотипам, гендерные стереотипы претерпевают изменения по мере того, как изменяются прочие социальные представления и нормы, а также реальный статус групп субъектов и объектов стереотипизации» [5. С. 136]. Например, женщина уже не рассматривается только как домохозяйка. Но следует отметить, что изменения гендерных стереотипов происходит медленнее, чем изменение социальных реалий.

Часто стереотип преувеличивает гендерные различия, которые на самом деле не является устойчивой характеристикой отдельных личностей. В современном обществе много женщин, которые успешно занимаются бизнесом, и мужчин, которые обретают себя в творчестве и в традиционно «женских» занятиях.

Необходимо учитывать, что «гендер находится под постоянным влиянием как культурных норм, устанавливающих, что должны делать мужчины, а что – женщины, так и социальной информации, внушающей людям, насколько велика разница между мужчинами и женщинами» [1. С. 27].

Несомненно, каждая культура обладает своими ценностями, уже сложившимися правилами и нормами ведения коммуникации, незнание или игнорирование которых может привести к возникновению коммуникативных барьеров на уровне отношений, что может привести к конфликту культур [7. С.4–8; 8. С. 392–398]. Каждая культура формирует свои стереотипы сознания и поведения, опирающиеся на собственное видение мира. То, что значимо в одной культуре, может не иметь никакого значения в другой [9].

Можно предположить, что у молодых людей, находящихся под сильным влиянием различных внешних факторов, среди которых не последнее место занимают СМИ, складываются свои стереотипы.

Нами были проанализированы следующие журналы: 1) «Караван Историй», «Yes», «OOhps», «Stat Hit», «Cosmopolitan»; 2) «Total Football», «Maxim», «Men's Health».

Данные журналы были выбраны нами для анализа на основании результатов проведенного анкетирования среди 14–17 мальчиков и

девочек. При этом журналы, указанные в первой группе были указаны девочками, а журналы из второй группы – мальчиками.

Рассмотрим лингвистические средства, использованные в журналах, указанных девушками: «Караван Историй», «Yes», «OOhps», «Stat Hit», «Cosmopolitan»;

Таблица 1.

Лингвистические средства, использованные в «женских» журналах

Лингвистическое средство	Количество	Примеры
Стилеобразующие средства		
Эмоционально-окрашенная лексика	35 %	Девушка неловко кивнула и с дурацкой полуулыбкой...; Вот дура! Все испортила
Разговорная лексика	25 %	Можно...собрать забавные фразы и оговорки <i>преподов</i> .
Обращение к читателю на ты	25 %	Как ты думаешь, как бы отреагировали твои родители на заявление, что ты едешь с друзьями в Эфиопию
Иновации, которые становятся неологизмом	5%	...Те, что собственным хребтом, жертвуя подчас своей жизнью и личным счастьем, становились богатыми самостоятельно <i>self made women (SMW)</i>
Англо-американизмы	10%	пока ты делишься планами о субботней прогулке....., твой <i>бойфренд</i> ...; ...душещипательные <i>love-stories</i> про то..., пока однажды судьба не свела их в <i>чате</i>реально ли найти любовь в <i>он-лайне</i>
Тропы		
Устойчивые выражения; фразеологизмы	40 %	Еще один норвежец...Точнее, белорус...В общем, <i>наш в доску парень</i> Саша Рыбак...; <i>скалят зубы</i> ...; Они так старались скрыть свой роман, но <i>шла в мешке не утаишь</i> .

метафоры	30 %	<i>Вспышка света на темных волосах; Смерть Майкла Джексона перевернула судьбы людей</i>
Сравнение	30 %	<i>А какая у нее улыбка... она, словно луч солнца, освещала темноту кинозала; она живет словно на вулкане или на пороховой бочке.</i>
Организация материала в статье		
Диалогические статьи	50 %	
Монологические статьи	50%	

Как видно из таблицы, статьи монологического и диалогического характера (интервью) представлены в женских журналах равномерно. Издатели, с одной стороны, информируют, образуют читательниц, с другой, вовлекают их в диалог со знаменитостями. Интервью дают девушкам своего рода возможность личного общения, душевного разговора с любимыми актерами, музыкантами, телеведущими. Журналисты очень часто используют обращение на «ты». Данный прием способствует созданию атмосферы дружеского, практически интимного общения. Девушки не просто читают журнал, они принимают участие в «девичьих посиделках». Использование разговорной и эмоционально-окрашенной лексики создает атмосферу непринужденности. Авторы статей дают понять своей аудитории: «Мы свои, нам можно доверять». Современная девушка разговаривает на молодежном языке, она может и крепкое слово вставить, если это необходимо. «что это у тебя за *хрень?*; ну да этот парень... вообще *шизик законченный*». Необходимо отметить достаточно широкое использование авторами статей метафор, устойчивых словосочетаний, англо-американизмов и всевозможных сравнений. Эти приемы помогают создать образ нежной, но сильной женщины, которой многое под силу. Современная девушка/ женщина, предстающая перед нами, идет в ногу со временем, она на равных с мужчинами решает все проблемы.

Обратимся к анализу лингвистических средств, характерных для журналов, направленных преимущественно на мужскую аудиторию: «Total Football», «Maxim», «Men's Health».

Таблица 2.

Лингвистические средства, использованные в «мужских» журналах

Лингвистическое средство	Количество	Примеры
Стилеобразующие средства		
Англо-американизмы	10 %	...победив во втором дивизионе, «Хаддерсфилд» провел очередной <i>рестайлинг</i> , этому престарелому <i>плейбою</i> и <i>шоумену</i> ...
Разговорная лексика	20 %	...накупил всевозможных инструментов и приборов и <i>притащил</i> к себе в подвал; ...он был классическим. ...накупил всевозможных инструментов и приборов и <i>притащил</i> к себе в подвал; ...он был классическим « <i>ботаником</i> ».
Эмоционально-окрашенная лексика	20 %	...узнаешь, чем твои представления...отличаются от соответствующей картинки в <i>глупой, лохматой</i> женской голове.
Обращение к читателю на ты	20 %	Если <i>ты</i> был в армии, то знаешь, что меньше всего она похожа...
Употребление местоимения <i>мы</i>	30 %	Когда <i>мы</i> усаживаемся за монитор..., в <i>нас</i> просыпается...; если кому-то из <i>нас</i> верится, что...
Тропы		
Устойчивые выражения; фразеологизмы	40 %	Азия с ее растущим населением и отсутствием конкуренции на рынке большого футбола является <i>лакомым кусочком</i> для клубов АПЛ.
метафоры	60 %	<i>Volvo</i> ... – это <i>изысканная оправка</i> для яркой индивидуальности.
Организация материала в статье		
Диалогические статьи	30 %	
Монологические статьи	70 %	

Результаты, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что в «мужских» журналах преобладают статьи монологического характера. Издатели не слишком часто пытаются вовлечь свою аудиторию в диалог, в душевный разговор. Складывается мнение, что это не мужское занятие. При этом авторы реже употребляют обращение на «ты», чем в «женских» изданиях. Однако характерной чертой данных изданий является частотное употребление местоимения *мы* и всех его производных. Для мужчин очень важно принадлежать к группе, быть частью команды, и «мужские» журналы дают им такую возможность. Метафоры позволяют журналистам нарисовать яркие образы наших современников и современниц, емко и образно охарактеризовать события. Употребление англо-американизмов, разговорной и эмоционально-окрашенной лексики дополняет образ современного мужчины: сильного, умного, самостоятельного, самодостаточного, способного понимать прекрасное и с отличным чувством юмора.

Таким образом, проведенное нами исследование молодежных журналов показывает, что и «мужские» и «женские» используют примерно одинаковые лингвистические средства для выражения гендерных стереотипов. Однако в «женских» изданиях чаще, чем в «мужских» используются эмоционально-окрашенная лексика и обращение на ты. При этом в данных журналах одинаковое количество статей диалогического и монологического характера. В изданиях, нацеленных на мужскую аудиторию, статьи преимущественно монологического характера. Кроме того для «мужских» изданий характерным является использование местоимения *мы* и его производных.

Список литературы

1. Берн, Ш. Гендерная психология [Текст] / Ш. Берн – СПб. : Олма-Пресс Инвест, 2004.
2. Малышева, Н. Г. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации, ориентированных на аудиторию разных возрастов [Текст] / Н. Г. Малышева // Мир психологии. – 2004. – № 3.
3. Рогозина, И. В. Роль СМИ в формировании гендерных когнитивных эталонов [Текст] / И. В. Рогозина, М. А. Пицун // Филология и человек. – 2008. – № 2.

List of literature

1. Bern, Sh. Gendernaja psihologija [Tekst] / Sh. Bern – SPb. : Olma-Press Invest, 2004.
2. Malysheva, N. G. Gendernye stereotipy v sredstvakh massovoj kommunikacii, orientirovannyh na auditoriju raznyh vozrastov [Tekst] / N. G. Malysheva // Mir psihologii. – 2004. – № 3.
3. Rogozina, I. V. Rol' SMI v formirovanii gendernyh kognitivnyh jetalonov [Tekst] / I. V. Rogozina, M. A. Picun // Filologija i chelovek. – 2008. – № 2.

4. Рябова, Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: к постановке проблемы [Текст] / Т. Б. Рябова // *Женщина в Российском обществе*. – 2001. – № 3, 4.
5. Рябова, Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Текст] / Т. Б. Рябова // *Личность. Культура. Общество*. – 2003. – Т. V. Вып. 1–2. – С. 120–138.
6. Словарь гендерных терминов [Текст] / под ред. А. А. Денисовой. – М. : Информация-XXI век, 2002. – 255 с.
7. Шамне, Н. Л. Коммуникативные барьеры в межкультурной коммуникации [Текст] / Н. Л. Шамне // *Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы регион. науч. конф. Поволжья и Сев.-Кавказ. региона, г. Волгоград. 19–21 апр. 2004*. – С. 4–8.
8. Шамне, Н. Л. Особенности адаптации студентов в инокультурной среде [Текст] / Н. Л. Шамне, М. В. Милованова // *Americana: материалы междунар. науч. конф. «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия»*, г. Волгоград, 24–26 сент. 1997г. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – Вып. 2. – С. 392–39.
9. Шамне, Н. Л. Невербальные аспекты межкультурной коммуникации. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www//its-journalist.ru/Articles/neverbal>
4. Rjabova, T. B. *Gendernye stereotipy i gendernaja stereotipizacija: k postanovke problemy* [Tekst] / T. B. Rjabova // *Zhenwina v Rossijskom obwestve*. – 2001. – № 3, 4.
5. Rjabova, T. B. *Stereotipy i stereotipizacija kak problema gendernyh issledovanij* [Tekst] / T. B. Rjabova // *Lichnost'. Kul'tura. Obwestvo*. – 2003. – T. V. Vyp. 1–2. – S. 120–138.
6. *Slovar' gendernyh terminov* [Tekst] / pod red. A. A. Denisovoj. – M. : Informacija-XXI vek, 2002. – 255 s.
7. Shamne, N. L. *Kommunikativnyk bar'ery v mezhkul'turnoj kommunikacii* [Tekst] / N. L. Shamne // *Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija: materialy region. nauch. konf. Povolzh'ja i Sev.-Kavkaz. regiona, g. Volgograd. 19–21 apr. 2004*. – S. 4–8.
8. Shamne, N. L. *Osobennosti adaptacii studentov v inokul'turnoj srede* [Tekst] / N. L. Shamne, M. V. Milovanova // *Americana: materialy mezhdunar. nauch. konf. «Rossija i strany Ameriki: opyt istoricheskogo vzaimodejstvija»*, g. Volgograd, 24–26 sent. 1997g. – Volgograd : Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 1998. – Vyp. 2. – S. 392–39.
9. Shamne, N. L. *Neverbal'nye aspekty mezhkul'turnoj kommunikacii*. [Jelektronnyj resurs]. – URL : <http://www//its-journalist.ru/Articles/neverbal>

**ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ
С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ИМЕНАМИ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

А. И. Снина

В статье рассматриваются особенности номинации перифрастического типа с прецедентными именами, выявляются ее коммуникативно-прагматические функции в британской публицистике.

Ключевые слова: перифраза, публицистика, номинация, прецедентные имена.

Интерес к перифразе в лингвистике возник, в первую очередь, с развитием стилистики и лингвосемиотики, которые неоднократно предпринимали попытки объяснить характер отношений между обычными словами и их перифрастическими вариантами, а также мотивированность первичного и вторичного значений слов в подобных конструкциях [см. работы Ю. С. Степанова, В. П. Москвина, И. Б. Голуб, Т. И. Бытевой, Л. В. Грехневой, А. Г. Гурочкиной, Т. А. Прокудиной, Л. Н. Синельниковой]. Под перифразой традиционно понимают «стилистический прием, заключающийся в описательном обозначении предметов и явлений действительности, при котором на первый план выдвигается какое-либо качество, сторона описываемого понятия, существенные для конкретного контекста или ситуации» [2. С. 371].

Ю. С. Степанов понимает под перифразой такие отношения между двумя единицами, «когда сохраняется тождество денотата – обозначаемого предмета или ситуации, но меняется смысл, или сигнификат. Говорящие, один или несколько – в диалоге, как бы описывают один и тот же предмет с разных точек зрения» [3. С. 201]. В качестве описательного оборота перифразу трактует В. П. Москвин, отмечая, что это «оборот, который может быть и словосочетанием, и предложением, и некоторым числом предложений, описывающих предмет или явление» [4. С. 74]. Несмотря на многовековую историю существования данного понятия к настоящему моменту лингвистам не удалось прийти к единому представлению о сути механизма перифразирования, однако явление перифразы, несомненно, представляет собой сложный когнитивный процесс, в ходе которого факты действительности получают особое вербальное воплощение.

Под перифразированием в данной статье мы понимаем особую разновидность речемыслительной деятельности, связанную с процессом вторичного именованья перифрастического типа, она основана на когнитивно-семантическом механизме установления ассоциаций по сходству и смежности двух понятий – понятия, обозначающего референт, подлежащий перифразированию, и понятия, с помощью которого этот референт иносказательно описывается. Следует отметить, что этот референт на вербальном уровне получает двойное выражение – прямое именование (чаще всего слово или словосочетание) и высказывание-перифразу (чаще словосочетание или предложение), они должны быть тождественными по референту (корреферентными, т. е. отражать одну ситуацию), но не тождественны с точки зрения приема языкового обозначения.

Проведенный анализ англоязычных публицистических текстов показывает, что перифразированию подвергаются различные объекты и явления действительности, а также в них используются различные приемы перифразирования. Одним из приемов перифразирования в публицистике является использование *прецедентных имен* (индивидуальных имен, ассоциативно связанных с известными событиями в сфере истории, идеологии и политики, экономики, культуры и т. п.).

Они представляют собой сложные знаки, при употреблении которых «происходит обращение к набору дифференциальных признаков данного имени, а не к собственно денотату» [1. С. 172]). Так, например, в следующем предложении перифразируется имя собственное известного актера и бывшего губернатора штата Калифорния А. Шварценейгера: ***Former California governor and Terminator star had confessed fathering a lovechild with housekeeper Mildred Baena*** [The Guardian, 02.07.2011, Электронный ресурс]. В данном примере перифрастическое субстантивное поликомпонентное сочетание *Former California governor and Terminator star* указывает на деятельность лица, а именно должности, которые он занимал, что позволяет читателю безошибочно восстановить отсутствующий в тексте компонент перифразы – имя человека. Отметим, что раскодирование перифразы данного типа требует обращения к знаниям по истории и культуре. Так, включение имени известного британского политика Дэвида Камерона в следующем примере помогает читателю уточнить понятийную сферу, на которую ориентировано перифразирование, - британское правительство и споры в Парламенте о направлении реформы системы социальной поддержки населения: ***David Cameron's plans to reform welfare are not radical enough as they***

do not punish the work-shy or reward those who have contributed to the benefits system, the Government's poverty tsar has said [The Telegraph, 19.06.2011, Электронный ресурс]. Именно это облегчает читателю процесс распознавания перифрастического сочетания *the Governemet's poverty tsar*, которое косвенно ассоциируется с именем еще одного политика – Фрэнка Филда, члена Палаты представителей Британии от лейбористской партии (Frank Field, an MP for Birkenhead, U.K. – [http://www.frankfield.com]), данный политик критикует планы правительства Дэвида Камерона в сфере социальных программ, а эмоционально-оценочная перифраза, иронично характеризует этого политика, подчеркивая, что он защищает низшие слои общества.

Имена собственные не только сами становятся объектом перифразирования, но и широко используются для создания перифразы. Так, например, имя бывшего президента США Дж. Буша используется в следующем предложении для указания на некоторые характеристики другого политика: *Obama holds a Bush-style townhall meeting* [The Guardian, 09.06.2009, Электронный ресурс]. Перифрастическое трехкомпонентное субстантивное сочетание *a Bush-style townhall meeting* указывает на особенности проведения встречи с избирателями Барака Обамы – в ближайшем контексте содержится намек на то, каким образом это было организовано: *how does it differ from the dog-and-pony shows the Bush political team...* [The Gardian, 09.06.2009, Электронный ресурс]. Устойчивое словосочетание *the dog-and-pony shows* исторически связано с давней традицией бродячих цирков, в которых показывались цирковые номера с дрессированными собаками и пони (*Dog and pony show was a colloquial term used in the United States in the late-19th and early-20th centuries to refer to small traveling circuses that toured through small towns and rural areas. The name derives from the typical use of performing dogs and ponies as the main attractions of the events. The term has come to mean an elaborately staged performance, presentation, or event designed to sway or convince people* [Thefreedictionary, 21.06.2011, Электронный ресурс]). В современной политической жизни США данное словосочетание обозначает особую форму проведения встречи политика с избирателями: *“a highly promoted, often over-staged performance, presentation, or event designed to sway or convince opinion for political, or less often, commercial ends; typically, the term is used to connote disdain, jocular lack of appreciation, or distrust of the message being presented or the efforts undertaken to present it”* [http://en.wikipedia.org/wiki/Dog_and_pony_show]. Данное словосочетание не только об-

разно описывает «сценарий» проведения встречи, но косвенно указывает на ироничное отношение автора к нему.

В следующем предложении *However, last week other European leaders lined up to warn that coercion would lead to a full-scale default – and unleash a “Lehman-like” shock on the global financial system* [The Telegraph, 18.06.2011, Электронный ресурс] перифрастическое сочетание “Lehman-like” shock включает имена личностей, ставших прецедентными для современной эпохи глобального кризиса – *Lehman Brothers* – основатели крупнейшей в Америке финансовой фирмы (“*Lehman Brothers Holdings Inc. was a global financial services firm which, until declaring bankruptcy in 2008, participated in business in investment banking, equity and fixed-income sales, research and trading, investment management, private equity, and private banking. On September 15, 2008, the firm filed for Chapter 11 bankruptcy protection following the massive exodus of most of its clients, drastic losses in its stock, and devaluation of its assets by credit rating agencies. The filing marked the largest bankruptcy in U.S. history* [Thefreedictionary, 21.06.2011, Электронный ресурс]). В основе данной перифрастической номинации лежит ассоциативная связь по сходству явлений, а именно по сходству воздействия или производимого эффекта. Так, принуждение к выплате долга может повлечь за собой развитие событий в мировой экономике по сценарию краха *Lehman Brothers Holdings Inc.* В основе данной перифразы содержится указание на то, что данная фирма некогда была лидером, символизировала экономическую стабильность США и пользовалась большим доверием клиентов, но объявление о ее банкротстве дестабилизировало не только экономику США, но всю мировую экономическую систему.

Использование в перифразах прецедентных имен из мифов и легенд иллюстрирует следующий пример: *This looks like a Sisyphian task since the deficit was still 8.7 pc in the first quarter, and further austerity will have the side-effect of shocking tax revenue* [The Telegraph, 18.07.2011, Электронный ресурс]. В данном предложении перифрастическая номинация представлена устойчивым словосочетанием *a Sisyphian task*, которое косвенно отражает мнение пишущего – «любые действия в данном случае не дадут положительного результата». В основе данного прецедентного выражения лежит сюжет из греческой мифологии. Так, греческий герой Сизиф был наказан Зевсом за обман, и в качестве наказания должен был перекачивать тяжелый камень в гору, который, достигнув вершины, тут же скатывался вниз. И действие повторялось снова и снова. В толковых словарях находим

следующее определение: *Sisyphus - (Greek legend) a king in ancient Greece who offended Zeus and whose punishment was to roll a huge boulder to the top of a steep hill; each time the boulder neared the top it rolled back down and Sisyphus was forced to start again* The word “sisyphean” means “endless and unavailing, as labor or a task [Thefreedictionary, 21.06.2011, Электронный ресурс]. Таким образом, данное выражение трактуется как *напрасно производимые и бесконечные действия*.

В следующем контексте *A cyclist was «very lucky» to be alive after being rescued by a Good Samaritan following a fall down a cliff in what was described as a «Tom and Jerry»-style tumble* [Times, 12.01.2010, Электронный ресурс] автор использует перифрастическую номинацию дважды. Во-первых, это *a Good Samaritan*, что основано на библейском сюжете – *добросердечный человек, готовый прийти на помощь (this phrase comes from a story in the Bible where a Samaritan man helped someone who was injured even though others would not help him* [Thefreedictionary, 18.06.2011, Электронный ресурс]). Во-вторых, здесь упоминается известный мультипликационный сериал *Tom and Jerry*, который характеризует описываемую ситуацию как крайне опасное падение, поскольку, как известно, персонажи этого сериала находятся в постоянном конфликте, подвергают свою жизнь опасности. Объединение столь разных в идеологическом плане ассоциаций создает комический эффект. Перифразы *a Good Samaritan* и «*Tom and Jerry*»-*style tumble* в гиперболизированном виде уточняют представленную ранее в тексте характеристику «*very lucky*».

Апелляцию к именам мультипликационных героев наблюдаем и в следующем примере: *Why the Barbie suite has made me a nervous Shrek* [The Independent, 15.05.2011, Электронный ресурс]. Словосочетание *Barbie suite* указывает на дизайн и цветовое оформление, в котором доминирует розовый цвет, а имя персонажа *Shrek* организует перифрастическую субстантивную номинацию. Ассоциативная связь в данной перифразе реализуется по сходству личностных характеристик: мультипликационный герой *Shrek* – *добродушный людоед, в случае необходимости проявляющий агрессию – a green ogre that has always enjoyed living in peaceful solitude in his swamp, finds his life disrupted when numerous fairytale beings* [Thefreedictionary, 18.06.2011, Электронный ресурс]. В данном случае автор пытается передать раздражение от ситуации, в которую попал взрослый человек, не разделяющий чрезмерного увлечения облагораживанием окружающего пространства.

Национальный мультипликационный герой Америки *Mickey Mouse* также встречается в перифрастических номинациях. Мышо-

нок *Mickey Mouse* был создан для того, чтобы смешить и развлекать, в основном, детей, и его образ ассоциируется со смешной панамой, которая стала его символом и часто предлагается детям в качестве награды. Перифрастическое сочетание *a Mickey Mouse Cup* в предложении “*People may say that this is a Mickey Mouse Cup, but we want to win trophies,*” *Walcott said* [The Telegraph, 28.10.2010, Электронный ресурс] передает особое мнение публики, которое вербализует журналист – публику не устраивают незначительные подачки, которые символизирует выражение *a Mickey Mouse Cup*, противопоставленное фразе *to win trophies (a prize or memento, such as a cup or plaque, received as a symbol of victory)*.

Следует отметить, что имена героев художественных фильмов также востребованы для образования перифрастических номинаций: *A fantasist has been jailed for two years after conning police into thinking he was a James Bond-style agent* [The Guardian, 31.10.2008, Электронный ресурс]. Субстантивная перифраза *a James Bond-style agent* с прецедентным именем *James Bond (the British secret agent character created by Ian Fleming in 1953* [Thefreedictionary, 18.06.2011, Электронный ресурс]) явно соотносит деятельность человека с работой в фильме специального агента. Ассоциирование по функциям происходит крайне легко, поскольку текст этого предложения будет понятен носителям любой культуры, он активизирует в сознании читателя определенный набор типичных для данной номинации характеристик.

Безусловно, прецедентные имена в перифрастических выражениях порождают большое разнообразие ассоциативных рядов, а также позволяют журналисту «в красках» описать события. Как показало исследование, 18% единиц анализа можно отнести к приему использованию прецедентных имен при перефразировании (252 единицы из 1400). Связано это, в значительной степени, с тем фактом, публицистические тексты рассчитаны на массового читателя и должны характеризоваться доступностью информации, именно поэтому журналист часто апеллирует к общекультурным и фоновым знаниям среднестатистического читателя.

Список литературы

1. Красных, В. В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М., 2003. С. 172.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / АН СССР,

List of literature

1. Krasnyh, V. V. “Svoj” sredi “chuzhikh”: mif ili real'nost'? [Tekst] / V. V. Krasnyh. – M., 2003. S. 172.
2. Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar' / AN SSSR, In-t

Ин-т языкознания / Гл. ред. В.Н. Ярцева [Текст]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

3. Степанов, Ю. С. Номинация, семантика, семасиология (виды семантических определений в современной лексикологии) [Текст] / Ю. С. Степанов // Языковая номинация (Общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 73–98.

4. Москвин, В. П. О разновидностях перифразы [Текст] / В. П. Москвин // Русский язык в школе. – 2001. – № 1. – С. 72–78.

jazykoznanija / Gl. red. V.N. Jarceva [Tekst]. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – 685 s.

3. Stepanov, Ju. S. Nominacija, semantika, semasiologija (vidy semanticheskijh opredelenij v sovremennoj leksikologii) [Tekst] / Ju. S. Stepanov // Jazykovaja nominacija (Obwie voprosy). – M. : Nauka, 1977. – S. 73–98.

4. Moskvina, V. P. O raznovidnostjah perifrazy [Tekst] / V. P. Moskvina // Russkij jazyk v shkole. – 2001. – № 1. – S. 72–78.

Список источников

1. Thefreedictionary – Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus – The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 2009-2011).

2. Boston Globe [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.boston.com> (дата обращения 2009-2011).

3. Los Angelice Times [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.latimes.com/> (дата обращения 2009-2011).

4. The telegraph [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/> (дата обращения 2009-2011).

5. Times [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.timesonline.co.uk> (дата обращения 2009-2011).

6. Washington Post [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.washingtonpost.com/> (дата обращения 2009-2011).

References

1. Thefreedictionary – Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus – The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 2009-2011).

2. Boston Globe [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.boston.com> (дата обращения 2009-2011).

3. Los Angelice Times [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.latimes.com/> (дата обращения 2009-2011).

4. The telegraph [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/> (дата обращения 2009-2011).

5. Times [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.timesonline.co.uk> (дата обращения 2009-2011).

6. Washington Post [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.washingtonpost.com/> (дата обращения 2009-2011).

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СХОДСТВА РЕАЛИЙ ЯЗЫКА АЗЕРБАЙДЖАНА И ИРАНА

А. К. Голандам

В данной статье рассматривается принцип отбора реалией языка сходных в азербайджанском и персидском языках. Рассматривается словарь сходных реалий языка Азербайджана и Ирана. Дается обзор реалий на каждом языке.

Ключевые слова: реалия, словарь, язык.

При сопоставлении языков и культур выделяются элементы совпадающие и не совпадающие. Будучи компонентом культуры, язык в целом относится к элементам не совпадающим. Чем самобытнее сравниваемые языки, чем меньше в их истории было культурных контактов, тем меньше у них точек соприкосновения, тем более разнятся они в целом и поэлементно. К не совпадающим элементам относятся прежде всего предметы, обозначаемые без эквивалентной лексикой, и коннотации, присущие словам в одном языке и отсутствующие или отличающиеся в словах другого языка. Но существуют и слова, которые имеют одинаковое употребление в разных языках.

Реалии – это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п. При сопоставлении языков обозначающие эти явления слова относят к безэквивалентной лексике.

Без эквивалентными являются слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре и, как правило, не переводятся на другой язык одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат. Переводчикам, как правило, приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы типа. Безэквивалентная лексика сравнительно легко опознается при сопоставлении языков, ибо в ней нагляднее всего проявляется специфика расчленения действительности данным языком и специфика его культуры. Если к безэквивалентной лексике относить обозначения реалий не только по-

вседневного быта, но и названия особенностей государственно-политического строя, различных сфер производственной и культурной жизни народа, то число реалий в языке каждого народа довольно велико. [1. С. 15]

С другой стороны реалия могут иметь общую сферу употребления в разных странах и обществах. Если эти общества связывают сходные исторические и культурные сходства, то можно предполагать, что в этих обществах можно встретить реалия, которые употребляются одинаково в обеих странах или обществах.

Иран и Азербайджан имеют много общих исторических, географических, а так же культурно-религиозных черт. Эти общие черты во многом объединяют и сближают Иран и Азербайджан. Многие слова реалия в двух странах понимаются одинаково. Очень много примеров реалий можно привести из литературы, народного быта, музыки. Существуют праздники и горячи по существу носящий религиозный характер из которых можно указать на Гурбан байрам и Мухаррам.

В седую древность уходит история Азербайджана и Ирана. В быту, в образе жизни азербайджанцев и иранцев представлены, так же, как и в его истории, многие обычаи и обряды, связанные с идеологией различных эпох. Одной из интересных народных традиций обеих стран является праздник Новруз (в переводе - «новый день») - праздник весны, радости, веселья, обновления природы. С праздником Новрузом связано много традиций и обычаев, которые понимаются под реалией «Новруз».

Для более полного обзора и ознакомления сходных реалий между азербайджанским и персидским языками, можно воспользоваться разрабатываемым автором русско-персидского-азербайджанского «словаря сходных реалий Азербайджана и Ирана». Статьи словаря озаглавлены словами, словосочетаниями, фразами, которые входят число сходных реалий азербайджанского и персидского языков как общеизвестные названия, предметы, явления, обычаи, события, личности, литературные произведения. Это в основном сходные реалия азербайджанского языка и персидского языков, которые понимаются в основном только азербайджанским и иранским народами. Дается толкование реалий на азербайджанском, персидском и русском языках. Для более полного пояснения используются рисунки и картинки. После пояснения каждой реалии на азербайджанском, русском и персидском языках приводятся примеры из сферы употребления данной реалии в современном азербайджанском и персидском язы-

ках. Слова такого рода не как не возможно понять без лингвострановедческих и лингвокультурных знаний азербайджанского и персидского языков и их культур.

Важность и значимость таких слов подтверждается и самим языком: они могут образовывать фразеологизмы, метафоры и сравнения; входить в пословицы и поговорки; давать названия новым предметам и событиям. Такие слова и выражения также могут служить для азербайджанцам и иранцам знаками или символами важных событий и явлений истории и культуры. Обо всем этом и рассказывают статьи словаря.

Пример

Новруз Байрам

Азербайджанцы и иранцы перед празднованием самого Новруза, обычно отмечают ряд предыдущих дней, являющихся как бы подготовкой перед проведением больших торжеств по случаю

окончания Старого и наступления Нового года. Одним из этапов в подготовке к празднику является день «чершенбе». Это последний вторник последней недели года. В этот вечер разжигаются костры. Все, от мала до велика, должны перепрыгнуть через горящий костер, произнося при этом следующие слова: «Все мои невзгоды тебе, а твою радость мне». (Буквально: «Мою желтизну тебе, твой багрянец мне»).

Наступает и сам праздник – Новруз. К нему все, от мала до велика, готовятся очень тщательно. Как правило, все должны иметь новую одежду. С древнейших времен в Новруз шесть дней не работали, даже крестьяне не проводили никаких полевых работ. Они были посвящены только встречам и веселью, и эта традиция, установившаяся в Иране, в основном не нарушается и сегодня.

Празднование Нового года завершается днем на 13-й день Новруза. Все должны выйти из дому или выехать за город, или на окраину села и провести весь день на лоне природы и этим освободиться от невзгод числа «13», которое в обоих странах считают «невезучим». Люди как бы стараются оставить в поле всевозможные невзгоды, которые могут случиться за год, а к вечеру возвращаются домой.

праздник весны – Новруз байрамы – является Общенародным, знаменательным и самым красивым праздником двух стран.

Словари такого типа можно широко использовать в процессе при усвоении культуры и реалий языка.

Сопоставив функции обучения иностранного языка и культуры того языка, можно увидеть, что они тесно взаимосвязаны. Методологический смысл этого единства в том, что иностранным языком функциями нельзя овладеть в отрыве от функций культуры и наоборот. Использование лингвострановедческих словарей такого типа приводит к успешному усвоению реалий языка. Студенты с усвоением запаса слов могут ознакомиться и лингвострановедческими и лингвокультурными аспектами реалий языка, так как слова не только выражают соответствующие понятия, но и через обозначаемые ими понятия отражают какие-то стороны реальной жизни говорящих на данном языке.

Итак, одним из путей для усвоения реалий надо создавать лингвострановедческие словари. Словари, которые могли бы в свою очередь передать культурный колорит азербайджанского и персидского языков. Полный перечень культурных и лингвострановедческих сведений – это именно то, что должно быть представлено в словарях. Подобный подход делает усвоение и перевод реалий языка управляемым и дает возможность овладеть иноязычной культурой. В свою очередь помогает переводчику наиболее эффективно проводить процесс перевода с одного языка на другой.

Объектом сопоставительного лингвострановедения являются прежде всего реалии национальной культуры, как денотативные, так и коннотативные, выраженные как нарицательной, так и ономастической лексикой. Денотативные реалии наиболее наглядно демонстрируют национальное своеобразие культур. Их можно считать элементарными единицами сопоставительного лингвострановедения, и в учебном процессе работа над безэквивалентной лексикой должна быть представлена на всех этапах обучения.

Значительную трудность в сопоставительном лингвострановедении представляет выделение слов с национально-культурными коннотациями. Самые обычные слова, совпадающие в своем предметном значении, могут обладать дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами. Они связаны с традициями, фольклором, другими культурными традициями народа – носителя языка.

Для лингвострановедения интерес представляют именно эти дополнительные смысловые оттенки, являющиеся результатом наци-

онального «видения мира» или культурноисторического развития народа – носителя языка.

В конечном счете, объектом сопоставления, как мы видим, выступает вся культура изучаемого языка, противопоставленная культуре родного. Казалось бы, задача сопоставительного лингвострановедения облегчается тем, что известна национальная принадлежность адресата. Однако тут же возникает масса нерешенных проблем: отсутствуют описания культур, удовлетворяющие запросам лингвострановедения, фоновые знания носителей сопоставляемых культур не определены и не описаны, сопоставительная лингвистика пока еще слабо обеспечивает потребности сопоставительного лингвострановедения, единицы языка – носители страноведческой информации, за редким исключением, в общем массиве сопоставляемых языков не выделены, остро ощущается необходимость в лингвострановедческих словарях особенно сопоставительного характера. Поскольку сопоставительное лингвострановедение базируется на сопоставлении языковых единиц и, прежде всего, на сопоставительной семасиологии, для его развития необходим широкий фронт исследований, прежде всего контрастивной семасиологии.

Список литературы

1. Томахин, Г. Д. Реалии – американизмы (пособие по страноведению) : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988.
2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980.
3. Овчинникова, И. К. Русско-персидский словарь [Текст] / И. К. Овчинникова. – М. : Советская энциклопедия, 1965.
4. Томахин, Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения [Текст] / Г. Д. Томахин. – М. : Ин. яз. в шк., 1980.
5. Брагина, А. А. Лексика языка и культура страны в лингвостра-

List of literature

1. Tomahin, G. D. Realii – amerikanizmy (posobie po stranovedeniju) : ucheb. posobie dlja in-tov i fak. inostr. jaz. [Tekst] / G. D. Tomahin. – M. : Vyssh. shk., 1988.
2. Verewagin, E. M. Lingvostранovedcheskaja teorija slova [Tekst] / E. M. Verewagin, V. G. Kostomarov. – M. : Rus. jaz., 1980.
3. Ovchinnikova, I. K. Russko-persidskij slovar' [Tekst] / I. K. Ovchinnikova. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1965.
4. Tomahin, G. D. Fonovyje znanija kak osnovnoj predmet lingvostранovedenija [Tekst] / G. D. Tomahin. – M. : In. jaz. v shk., 1980.
5. Bragina, A. A. Leksika jazyka i kul'tura strany v lingvostра-

-
- новедческом аспекте [Текст] / А. А. Брагина. – М. : Рус. яз., 1981.
6. Прохоров Ю. Е. Россия большой лингвострановедческий словарь [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М. : АСТ- ПРЕС, 2007.
- novedcheskom aspekte [Tekst] / A. A. Bragina. – M. : Rus. jaz., 1981.
6. Prohorov Ju. E. Rossija bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar' [Tekst] / Ju. E. Prohorov. – M. :AST- PRES, 2007.

RÉFLEXIONS SUR LE MÉTIER DU PROFESSEUR DE FLE

И. Р. Абзалова

L'enseignement d'une langue, et notamment du français, est non seulement l'enseignement d'un moyen de communication, c'est aussi l'apprentissage d'une langue belle et agréable à entendre et à parler. C'est une langue des dizaines de millions de personnes sur la planète, qui considèrent le français comme la langue de la liberté et de la culture. Cette dimension culturelle fait la force de la francophonie. C'est au professeur de FLE (Français Langue Etrangère) de valoriser l'image de la langue, de faire comprendre à ses apprenants que le choix de parler français, de penser et d'écrire en français, c'est faire acte de la liberté et de pluralisme culturel.

Mot clé: enseignement, langue, usage.

Un professeur est quelqu'un qui guide et accompagne les jeunes ou les adultes dans leur découverte du monde, dans leurs acquisitions de savoir, de savoir-faire de divers ordres et de valeurs morales et culturelles dans l'esprit d'ouverture, de respect et de tolérance.

La tâche du professeur de FLE, tout comme tout professeur de langue étrangère, est plus concrète, car il a une mission de faciliter l'acquisition par ses apprenants de savoir-faire fonctionnels et communicatifs leur permettant:

- de s'ouvrir au monde extérieur, de créer et d'entretenir des contacts directs avec des allophones,
- de réaliser des objectifs d'études et de recherche dans leurs études supérieures et au cours de leur carrière professionnelle,
- d'atteindre des objectifs professionnels et d'accroître leurs compétences socioculturelles,
- de remettre en question leur vision du monde en se frottant à d'autres cultures, tout en prenant ainsi mieux conscience de leur propre héritage culturel, et de développer, par ce fait, un esprit de tolérance, de respect de l'autre et une compétence interculturelle¹.

Et c'est cette dimension interculturelle qui est à la base de l'enseignement du FLE: «La valeur fondamentale du français, de tout langage

¹ Raymond Gevaert, L'enseignement du FLE en Europe : enjeux et stratégies, 19 Octobre 2008: <http://www.ceo-fifp.org/index.php>.

humain, est sociale, et plus précisément communicative. Instrument des consciences collectives, chaque langue module les universaux des sociétés humaines. Chacune personnalise la pensée, les savoirs, les sentiments et les réactions, chacune découpe l'expérience à sa manière, chacune incarne cette valeur suprême, l'humanisme. Le français, comme toute langue à diffusion importante, est un mode de vie, un style, lui-même modulable à l'infini par des spécificités de chaque communauté qui l'a reçu en partage...»²

Depuis toujours on considère que la maîtrise de la langue étrangère, et plus particulièrement du français, consiste à manipuler une «bonne» langue, un «bon usage». Dans des pays d'origine de beaucoup d'apprenants, on enseigne une langue littéraire, on apprend à traduire et à analyser des textes des auteurs et des époques différents, à comprendre des chansons et à tenir des conversations sur des sujets divers. Mais la réalité est toute autre. Arrivé en France, c'était mon cas comme de beaucoup de mes connaissances ayant un bon niveau en français, on a l'impression que l'on ne parle pas la même langue et surtout que l'on ne comprend rien. On a plus de facilités de parler avec des gens d'un certain âge, qu'avec des jeunes. On se sent plus à l'aise dans des conversations universitaires, que lors des apéritifs avec des copains de son âge. On découvre que la langue française est loin d'être un ensemble homogène. Elle apparaît comme un lieu de variations géographiques, historiques, sociales et situationnelles. Dans ces dernières on n'utilise pas les mêmes mots, ni la même syntaxe, à l'orale et à l'écrit, par exemple, en langue scientifique et dans la vie quotidienne. Des formules argotiques ou grossières peuvent apparaître non seulement chez des gens peu cultivés, mais également chez des autres ayant une certaine situation sociale.

L'objectif général pour lequel l'enseignant de FLE travaille est de donner des outils nécessaires à ses apprenants afin qu'ils puissent être autonomes en français dans les situations les plus diverses. Un très bon apprenant de français à qui on aurait voulu épargner l'apprentissage du registre familier à l'écrit se retrouverait dans l'incapacité de comprendre la lecture d'une bande dessinée, d'un blog, de certains articles de journaux, d'affiches publicitaires ou d'un grand nombre de discussions sur les forums internet. De même pour l'oral, quand on fait écouter une conversation amicale entre adolescents ou jeunes adultes lors de l'utilisation des supports authentiques, c'est rare que l'on distingue l'inversion du sujet et du prédicat dans les phrases interrogatives. On entend plus souvent les

² Alain Rey, Colloque pour le Dixième anniversaire de l'Année Francophone, Paris, le 17 mai 2001.

questions suivantes: *Tu t'appelles comment? Tu vas où? Tu fais quoi?* Et les exemples sont nombreux. C'est également le cas de la concordance des temps que les natifs ignorent assez souvent dans le langage courant. Ainsi les apprenants qui, d'abord, ont du mal à comprendre et à apprendre ce phénomène grammatical, et ensuite, à l'utiliser, considèrent que son apprentissage est inutile.

En effet, l'exploitation de documents authentiques en FLE est aujourd'hui unanimement adoptée. Si certains textes ne relèvent que d'un registre bien identifiable, un grand nombre des écrits contemporains jonglent avec plusieurs registres à la fois, comportant même les éléments du registre familier.

Pour être cohérent avec une méthodologie basée sur l'utilisation de documents authentiques en cours de FLE et pour permettre aux apprenants d'avoir accès au français utilisé aujourd'hui dans des situations de la vie quotidienne, il est important que les enseignants de la langue puissent élargir l'éventail du français qu'ils proposent à leurs apprenants aussi bien à l'oral qu'à l'écrit. Il est nécessaire d'aborder ainsi l'existence de plusieurs registres tant au niveau lexical que grammatical.

Le professeur de FLE doit aider les apprenants à analyser les causes de variations de la langue, quelles peuvent être objectives et extérieures liées à la géographie, l'histoire ou encore les conditions sociales. Elles peuvent également être internes à la situation de communication et dépendre de ses enjeux, de l'effet qu'on veut produire sur ceux à qui on s'adresse.

Ainsi, la notion de «la norme» doit être réexaminée par des professionnels du FLE en relation avec ce qu'on appelle aujourd'hui la conception interactionnelle de la communication. Car le schéma classique de la communication – avec un récepteur recevant passivement et un locuteur envoyant, avec un minimum de bruits et des contenus clairs – ne peut plus être valable. La communication n'a pas uniquement pour but de *dire*, mais d'*agir* sur le ou les partenaires, lesquels de leur côté, ont aussi des projets d'action sur le locuteur. Le discours produit n'est donc pas le *but*, mais un *moyen d'action*, dont on n'a à juger que la pertinence et l'efficacité. Ainsi, il n'y a pas de bon ou mauvais langage, mais des choix langagiers adaptés ou non au projet de la communication. On ne peut pas non plus parler de la langue «correcte» ou «incorrecte», car la langue est définie par l'usage qui peut être accepté ou refusé par tel ou tel groupe de la société.

Par conséquent, la véritable maîtrise de la langue ne réside pas uniquement dans l'utilisation d'une belle langue, mais dans la maîtrise du choix, c'est-à-dire dans la possession de toutes les formulations possibles avec

la connaissances des jugements sociaux sur chacune d'elles, et donc de leur pouvoir d'efficacité dans une situation déterminée.

En conclusion, il est au professeur de FLE de favoriser la plus grande diversité possible de formulations, qu'on appelle aussi les «codages». C'est la quantité de lectures et de situations de communication qui sera la source essentielle d'enrichissement des codages et de constitution d'un «réservoir langagier» le plus complet possible.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНЕНИЯ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

С. Ф. Булычева

Темой этой статьи является лексико-грамматический анализ немецких пословиц, содержащих элементы сравнения и противопоставления. В пословицах отражаются картина мира и менталитет народа, поэтому они всегда будут объектом исследования лингвистов, психологов и культурологов.

Ключевые слова: семантико-синтаксическая структура, пословица, картина мира, коллективный опыт.

Для успеха в межкультурном общении важно умение интерпретировать поведение партнера не в рамках своей собственной, а в рамках его культуры. Основная ошибка при общении с партнерами – представителями другой культуры – это неадекватная интерпретация культурного поведения партнера в рамках своей собственной культуры. Поэтому основная цель изучения культуры другой страны и поведения ее носителей – это понять и осознать основополагающие элементы мировосприятия носителей другого языка и другой культуры, которые формируют определенный тип коммуникативного поведения и эмоциональные реакции людей на события повседневной жизни. В рамках антропологической лингвистики необходимо изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью.

В настоящее время появилось множество лингвокультурологических исследований, где авторы стремятся выявить для отдельных универсальных понятий любой культуры таких, как свобода, мысль, судьба, любовь и пр., их национальный образ, зафиксированный в картине мира данного народа.

Большое количество исследований направлено на то, чтобы выявить особенности национального членения языковой картины мира и особенностей функционирования национального менталитета как лингвокреативного мышления. Особый интерес в этом плане представляют пословицы.

Пословица – краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа – обладает способностью к многозначному употреблению по принципу аналогии. Суждение «Лес рубят – щепки летят» интересно не прямым смыслом, а тем, что может быть применено к др. аналогичным ситуациям. Предмет высказывания рассматривается в свете общепризнанной истины, выраженной пословицей. Отсюда её идейно-эмоциональная характерность. Композиционное членение суждения в пословице, часто подкрепляемое ритмом, рифмой, ассонансами, аллитерациями, совпадает с синтаксическим.

Пословицы демонстрируют не столько народную мудрость, сколько народное остроумие. Однако сулить об остром уме человека по сказанной им пословице было бы все же неосмотрительно. Пословицы отнюдь не свидетельствуют о силе индивидуального ума – они хранят коллективный опыт.

Следует отметить, что пословицы всех народов мира имеют много общего, это обусловлено человеческой природой сознания: в каждом народе существуют такие понятия, как добро и зло, правда и ложь, ум и глупость и т. д. Но пословицы некоторого народа отражают специфический колорит самобытной культуры, его историю и даже географическое положение страны или местности, где появилась та или иная пословица и закрепилась в языке.

В пословицах заключен глубинный смысл и народная мудрость, уходящая своими корнями в далекое прошлое. Применяясь по конкретному поводу, пословицы чаще всего дают моральную оценку (часто с иронией) возникающих ситуаций. Потому и воспринимаются они как некий моральный кодекс. Разобраться в море пословиц помогает их классификация. Было предложено несколько классификационных принципов, но ни один из них не является безупречным.

В данной работе мы делаем попытку рассмотреть пословицы, содержащие элементы сравнения и противопоставления. Сравнения не существуют вне связи понятий. В пословице можно увидеть два плана: в одном из них отражается связь предложения с объективным миром, в другом – связь его с процессом мышления. Сравнение, как известно, не является собственно лингвистической категорией. Сравнение – предмет изучения логики, так как это логический прием, посредством которого мыслящий субъект познает окружающий мир.

Нами проанализировано 400 пословиц немецкого языка, из них было выбрано 194, построенных на основе сравнения и противопоставления. Пословицы с элементами сравнения составляют 74,2% от 400. К конструкциям сравнения мы относим:

1. Wie..., so.... Их доля - 14%: *Wie die Mache, so die Sache*. Какова работа, такова и вещь Ср.: Каков мастер, такова работа. Дело мастера боится. *Wie der Hall, so die Stall*. Каково эхо, такова конюшня (хлев). Ср.: Как аукнется, так и откликнется. *Wie der baum, so der Birn', wie die Frau, so die Dirn'*. Какое дерево, такая и груша. Какая жена, такая и дочь. Ср.: Яблоко от яблони недалеко падает. Каков батька, таковы и детки;

2. Besser (billiger usw.)..., als – 6,7%: *Besser geleiert als gefeiert*. Лучше играть на шарманке, чем ничего не делать. Ср.: Маленькое дело лучше большого безделья. Плохо жить без работы да заботы. *Besser ein kleiner Fisch als gar nichts auf dem Tisch*. Маленькая рыбка на столе лучше, чем ничего. Ср.: Лучше синица в руке, чем журавль в небе. *Besser nackt und bloss als mit Schande gross*. Ср.: Лучше быть честным бедняком, чем богатым подлецом;

3. Je..., desto... - 2%: *Je langer Junggessell, desto langer in der Holl*. Чем дольше холостяк, тем больше в аду. Ср.: Холостой – полчеловека. *Je mehr der Geizige hat, je weniger wird er satt*. Чем больше скупой имеет, тем ненасытнее он. Ср.: Скупой, что бездонная бочка: никогда не наполнишь. Скупой сытым не бывает. *Je mehr Ehr, je mehr Beschwer*. Чем больше чести, тем больше трудностей. Ср.: Больше почет, больше хлопот;

4. Конструкции с бессоюзными придаточными предложениями – 6,7%: *Eintracht das Kleine mehrt, Zweitracht das Grosse verheert*. Единодушие увеличивает малое, несогласие разрушает большое. Ср.: Дружба созидает, вражда разрушает. *Fangen die Tage an zu langen, kommt der Winter erst gegangen*. Зима (мороз) приходит тогда, когда начинают увеличиваться дни. Ср.: Солнце на лето, зима на мороз. *Schweigst du still, so ist s dein Will*. Молчишь так это твое желание. Ср.: Молчание – знак согласия;

5. Конструкции со значением противопоставления, они составляют 22,7%: *Jung getollt, alt gezollt*. Молодым бесился, старым поплатился. Ср.: В чем молод похвалился, в том стар покается. *Heute Kaufmann, morgen Bettelmann*. Сегодня купец, завтра нищий. Ср.: Сегодня пан, а завтра пропал. *Heute mir, morgen dir*. Сегодня мне, завтра тебе. Ср.: Всякому свой черед. *Ein Mann, kein Mann*. Один человек – ни одного человека. Ср.: Один в поле не воин;

6. Простые сравнения составили 22,1%: *Eigenes Nest halt wie eine Mauer fest*. Собственное гнездо словно крепкая стена. Ср.: В своем доме и стены помогают. В своем гнезде и ворона коршуну глаза выключает. *Frische Fische – gute Fische*. Свежая рыба – хорошая рыба. Ср.: Куй железо, пока горячо. Промедление смерти подобно.

Gluck und Glas – wie leicht bricht das. Счастье и стекло как легко оно бьются. Ср.: Счастье – вешнее ведро.

В немецких пословицах часто используются конструкции, в которых одно утверждение усиливает другое. Они составили 7,2%. Это:

7. so... wie ...: *Finden und verhehlen ist so gut wie stehlen.* Найти и скрыть - все равно что украсть. *Auf der Reise ein guter Gefahrt, ist so gut wie ein Pferd.* Хороший попутчик – что хорошая лошадь. Ср.; Хороший спутник – половина дороги. Умный товарищ – половина дороги. Они составили 1,6% ;

8. Конструкция с sonst – их доля 0,5%; (они составили 3,1 % от общего числа анализируемых пословиц): *Grossen tuns nicht allein, sonst holte die Kuh den Hasen ein.* Быть большим ничего не значит, в противном случае корова смогла бы догнать зайца. Ср.; велик телом, да мал делом;

9. Конструкция с wer... - 13,4%: . *Wer vieles beginnt, gar wenig zustande bringt.* Кто много начинает , очень мало осуществляет. Ср.: За все браться – ничего не сделать. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.

Wer viel gastiert, hat bald quittiert. Кто много пировал, тот скоро заплатиться. Ср.: Сам себя губит, кто гуляночки любит. Частые пирушки оставят без подушки. *Wer will haben, der muss graben.* Кто хочет иметь, тот должен и копать Ср.: Хочешь есть калачи- не сиди на печи;

10. Конструкция с was – 1,2%: *Was Hans fur wahr halt, ist dem Frans kein Bargeld.* То, что Ганс считает правильным, для Франса действительно (буквально: Не наличные деньги) Ср.: У всякого Павла своя правда. Каждый на свой аршин меряет. *Was ich denk und tu, trau auch zu.* Что я думаю и делаю, того ожидаю от других. Ср.; Кто что сам творит, то и о другом говорит. *Was kommt in dritten Mund, wird aller Welt bald kund.* Что приходит в третьи уста, скоро станет известным всему миру. Ср.: Я ему по секрету, а он всему свету. *Was nicht rastet und nicht ruht, tut in die Lange auch nicht gut.* Кто не отдыхает, долго не протянет. Ср.: Чтобы лучше шло дело, пусть отдыхают голова и тело.

Проведенный анализ свидетельствует о самых разнообразных структурно-семантических конструкциях, используемых в немецких пословицах для передачи смысловой характеристики через сравнения и противопоставления.

Список литературы

1. 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок [Текст]. – М. : Высш. шк., 1966. – 47 с.

List of literature

1. 400 nemeckih rifmovannyh poslovic i pogovorok [Tekst]. – M. : Vyssh. shk., 1966. – 47 s.

**PLANE OF CONTENTS
OF ENGLISH ECONOMICAL PROFESSIONALISMS:
DENOTATIVE MEANING & CONNOTATIVE NUANCES**

E. I. Glinchevskiy

В данной статье анализируется сущность понятий «значение» и «смысл» как взаимосвязанных категорий современной лингвистики; проводится чёткое разграничение между денотативным, основообразующим значением слова и присущими этому же слову коннотациями. Автором обосновывается возможность наличия ярких и инвариантных субъективных коннотаций в английских лексических единицах, выступающих в роли экономических профессионализмов; подобные коннотации наполняют их семантическую структуру богатым образным смыслом.

Ключевые слова: значение слова, смысл слова, денотативное значение, коннотация, экономический профессионализм.

The goal of this article is to ground that it is possible to attribute connotative, figurative meaning nuances in English language units, which are used as economical professionalisms. First of all, to provide theoretical grounds for this paper, one should determine what this paper implies when it introduces its two key notions - “meaning” and “sense”. Let us analyze the dictionary definitions of these two notions.

According to extracts from the Philosophical and from the Soviet Encyclopedic Dictionaries, the terms “meaning” and “sense” are correlated categories; yet, they are different categories.

“Meaning is contents related to this or that expression (of a word, of a sentence, of a sign, etc.) of a language” [8. P. 441; 5. P. 200]¹.

“Sense is a sensual meaning of a name (of a sign), i.e. the contents of a notion, whose volume is the subject (the denotatum) of that name” [8. P. 632–633]. The same dictionary article provides an example of differences between meaning and sense: the word-combinations “morning star” and “evening star” have one and the same meaning – the planet Venus. However, the sense of these two word-combinations would be somewhat different: one person might perceive Venus as a morning star;

¹ Here and below, all the citations are provided in a word-for-word English translation from the Russian originals listed in the References.

another person would perceive the same celestial body as an evening star; a third person might identify it as a planet of horrible surface pressure and everlasting heat; a fourth person might associate it with the Ancient Greek goddess of beauty, etc. In other words, each person has their own images of the surrounding real world, whereas an image is “a form of reflecting the world in the human conscience” [5. P. 432], i.e. any image is of subjective character. It is a subjective image that forms the sense of a word: since any image is of subjective nature, the sense of a word is also subjective. As for the meaning, it is of definitely objective character; it is less dependent on humans’ subjective perception of the surrounding objective reality; it is of evidently logical, not of figurative or of imaginative nature.

It is the meaning of a word (and not its sense) that is closely related to one of the most fundamental categories of Logics and Philosophy - the notion. “A notion is an idea that reflects the things and the phenomena of the real world in a generic form, as well as essential links between them by means of fixing their general and specific features. Those features are properties of things and of phenomena, as well as relations between them” [5. P. 494]. As one could conclude from this definition, any notion includes those very features of a particular thing or of a phenomenon that provide its distinct and precise, objectively existing difference from all the rest things and phenomena of the objective reality. For instance, the notion “virus” includes only those properties that provide a virus’s distinct differentiation from any other known living organism, including any other morbidic organism.

As for the correlation between a notion and the meaning of a word as of a language unit, let us cite A. I. Smirnitkiy: “... meaning, as a definite phenomenon in one’s conscience, is made up as a result of its generalizing some separate particular reflections of objects, phenomena, and relations of the reality, which contain something actually general; at that, this process of generalization lasts due to the leading impact produced by the society; that impact is exerted by means of real sounding that is identified in different cases of its reproducing” [7. P. 25]. Having defined the very essence of the notion “meaning”, A. I. Smirnitkiy introduces one of the most important points of modern Linguistics: the meaning of a word is a product of reflecting the real world by the human conscience, which has obtained an objectively existing material cover. A word is a material sign, which lets humans signify a definite subject (phenomenon) and which has a particular meaning. “... the internal side of language, which is formed with meanings of its units, coincides with the knowledge of meanings:

the meaning of a language unit, being its internal side, exists due to the very reason that everybody knows it" [7. P. 31]. In this brief and precise sentence, A. I. Smirnitkiy provides a complete explanation of a word as of a language sign: a particular meaning, which is known by all the people speaking this language, is concealed beneath its external universally recognizable cover (a particular set of sounds or of graphical characters - letter, hieroglyphs, etc.).

Therefore, the meaning of a word is a product of reflecting the objective reality by the human conscience, which has obtained an objectively existing material cover. At that, an enormous role is played not only by the individual, but also by the social, collective human conscience in forming the internal side of a language sign - the overall collective conscience of its speakers. According to O. S. Akhmanova, the society is the legislator of word meanings: "... a linguist, when they explain the meanings of words, does not dwell upon the precise scientific knowledge of the objects or notions signified by this word; they dwell upon the actual application of this or that word in a particular human society" [1. P. 9].

The society-legislated word meaning is reflected materially in its external cover - in a graphical or in a sound complex. A word is one of the basic units of any language, the latter being "a means of encoding senses with bodies of signs; manipulation with senses is performed by manipulating language units; language is a means of social communication and reflection" [9. P. 26]. In our view, the "manipulation with language units" mentioned by L. N. Venediktova is not only attributing new meanings to a word, but also an attribution of new senses to it; thanks to that, those senses could obtain a new verbal manifestation in a particular language.

Modern Linguistics determines two types of word meanings - the denotative one and the connotative one. The denotative meaning of a word is closely related to the notion that it signifies; it is this type of meaning that makes it possible to define which certain object or phenomenon is signified by that word. As for the connotative meaning, let us remark its key feature: it is polymorphous, since it contains various individual subjective images and associations that are related to that word, as well as a definite evaluation of the object or the phenomenon that it signifies. Let us also remark that the connotative meaning is not only polymorphous and subjective, but also optional: it acts as a supplement of the denotative meaning.

In our view, it would not be right to state that sense includes only connotations, with meaning being attributed only to a denotatum. In our comprehension, sense is a sum of a denotative meaning and of some connotations. However, let us remark the following fact: the denotative meaning

of a word is the nucleus of its plane of contents; it is thus its foundation. No connotations can exist without a denotatum, without the foundation-forming meaning; similarly, no sense can exist without meaning.

All the said in the two above paragraphs could also be confirmed by citing N. D. Arutyunova: “Common nouns. The words referred to this grade possess a full semantic structure, which is composed of some notion (connotation (as per J. Mill), sense (as per G. Frege), signification, denotatum, concept) that is formed with general features of a class of realities, and of a particular, individual contents that is created during their application in speech due to properties of their denotatum, or referent. Common names are applicable to any object, in relation to which their meaning is true. Their meaning is a stable element of their semantic structure, its skeleton; whereas the denotative contents acquired in the speech varies, thus supplementing the notional “skeleton” with individual and individualized images of certain objects” [2. P. 3].

L. Weisgerber’s position coincides with that of N. D. Arutyunova. L. Weisgerber also regards meaning (as a social phenomenon) and sense (as a phenomenon of individual conscience) as different things. According to him, there are two mediators between the objective reality and humans - the so-called “mediating world of thinking” and the proper language, which contains a particular image of world and which develops a particular way of thinking in all its speakers’ conscience. Moreover, language, according to L. Weisgerber, is also a set of tools that enable humans to cognize the world [10. P. 111–112]. Let us add that language is indeed a set of tools to cognize the world; actually, that is a universal set, since it is a universal system of signs. Yu. V. Rozhdestvenskiy [6] identifies a whole number of sign systems, which make it possible to judge both about humans’ vision of world and about their activities – dances, costumes, music, rites, measures, games, etc.; but among them all, it is only language that is a universal system of signs, by means of which one could express practically everything. It is the plane of contents of a language sign, the semantic constituent of semiosis that contains both the denotative universally recognized meaning and a particular sense attributed to that language sign individually.

Thus, this paper regards and comprehends the notion “word meaning” as the “denotative meaning”; whereas the notion “word sense” is comprehended as an aggregate of the denotative meaning of that word and of some amount of additional, connotative nuance meanings of the same word; those nuances being of subjective, figurative, and imaginative nature.

Now let us shift to the next key issue to be under consideration in this paper: what it implies as “economical professionalisms” and what their semantic structure could include, besides their denotative, foundation-forming meaning.

One should remark that this paper comprehends the notion “professionalism” as unequal to the notion “term”. A term is a conventional word or word-combination, which nominates a particular notion precisely and unambiguously, as well as its correlations with other notions. Developing his system of equivalents of meanings in different languages, L. S. Barkhudarov [3] mentions application of terms as one of cases when word meanings in different languages coincide completely; in our view, that is quite natural: owing to its very nature, a term is deprived of any connotations that are due to the national culture or mentality; it contains only the denotative meaning of logical, rational nature. As for the notion “professionalism”, this article comprehends it as a word or expression typical for the oral speech of representatives of this or that profession. Similarly to a term, a professionalism is applied only in a definite field of knowledge or in a definite area of human activities; however, being typical for the oral colloquial speech, it inevitably becomes expressive and emotionally colored, thus acquiring not only the denotative meaning, but also connotative nuance meanings; ipso facto, it acquires not only an objective meaning, but also a more individualized, varied sense.

As for particular examples of professionalisms, let us provide a number of lexical units applied in the English economical professional environment (all the English lexical units mentioned hereunder being borrowed from the source [4]). Let us also remark that it is usually words of the universal vocabulary stock that act as professionalisms; they are figuratively shifted onto the terminological notions due to similarities of objects and phenomena that are nominated both by a term and by a corresponding professionalism.

For instance, the English literary language interprets the word “zombie” quite unequivocally: in the voodoo cult, which exists in Haiti and in some African countries, zombies are dead people revitalized by sorcerers to serve them as slaves; a zombie is a creature void of memory and of self-consciousness. According to the dictionary by V. P. Bulycheva [4], the professionalism “zombie” denotes a company that keeps on operating even being actually bankrupt; at that, a metaphoric similarity between a human zombie and a company zombie is quite obvious: they both are dead, but they both continue to act as something living. Thus, the word “zombie”, becoming an economical professionalism, acquires vivid connotative contents.

Another example of a similarity between a religious notion and an economical professionalism is the word “angel”. From the view-point of three Abrahamic religions, an angel is a supernatural being, whom God granted particular power over the spiritual and the material world; as for the English oral Economy-related speech, the same word signifies highly profitable bonds that guarantee considerable material benefits to anyone who possesses them. If such bonds become low-profitable, they are named “fallen angels”, similarly to the fallen angels subverted from heaven, as narrated in Christian, Hebrew, and Moslem Holy Writs.

Besides religion, economical professionalisms may closely be related to mythology as well. For instance, the mythical bird Phoenix, as it is well-known, burns in its nest regularly to resurrect later. As for the professionalism “Phoenix syndrome”, it signifies a dishonest technique of evading from debts and taxes, when a company declares itself going bankrupt shortly to be opened soon, bearing already another name.

The well-known professionalisms - “bull market” and “bear market”: the bull market reckoning upon an increase in values of capital issues and the bear market reckoning upon a decrease in their values are undoubtedly good examples of a similarity between the well-known representatives of Earth’s fauna and the particular participants of economical activities. The word-combination “killer bees” also seems to be of special interest: this professionalism implies specialists intentionally hired by a company to avoid its mergence by another company, which is larger and more aggressive. The word “sheep” denotes an inexperienced stock market player, who plays blindly, without a professional stockbroker’s assistance - similarly to an animal sheep strolling in an unknown direction without its shepherd.

Similarly to a number of cases when one speaks about the figurative component of the semantics of language units, there is a figurative application of colors, e.g. the gradation “white - grey - black”, which implies “legal - half-legal - illegal” correspondingly, especially when such attributes are applied with the noun “market”. The gradation “white knight - grey knight - black knight” is also of special interest: these professionalisms correspondingly name a friendly company that purchases another company, a not very friendly merging company and a definitely hostile company aiming to take over a victim company at all costs.

Names of other colors can also become an integral part of the semantics of an economical professionalism, e.g. green. The word-combination “greenfield investment” and “greenfield site” refer to something undeveloped, to something initiated from the very beginning, be it a new invest-

ment or a new unprecedented project. Evidently, there is a parallel with one of the dictionary meanings of the word “green” - too young, not ripe enough.

Names of nutrition products can also be applied to create an economical professionalism, e.g. the word “lemon”. English-speaking participants of economic activities use this word to name low-quality goods or inefficient investments, which have a bitter taste as one is aware of wasting money, similarly to the taste of lemon. Unlike the word “lemon”, the noun “melon” signifies quite a substantial income or dividend, which is as large in size as a melon.

Geographical names and symbols of various countries may also be used to denote economical realities, which are in a direct correlation with those countries. For instance, the noun “Paris” denotes French francs; whereas the word-combination “maple leaf” denotes both the well-known symbol of Canada and coins of precious metals that are minted by Canada’s government. “Matador market” is used to signify Spain’s foreign market; whereas the professionalism “kangaroos”, in its turn, refers to Australian capital issues.

Rates of human health might also be transferred metaphorically onto an economical professionalism. For instance, the word-combination “bleeding company” and its synonym “hemorrhaging company” are in the most direct relation to any company whose life cycle is about to complete, owing to a too considerable excess of its expenditures over its profits and to an inevitable procedure of bankruptcy.

Therefore, economical professionalisms are a special stratum of the figurative vocabulary stock; the lexical units that this stratum includes possess not only a denotative meaning of objective nature, but also rich subjectively-attributed connotative contents; that is their difference from professional economical terms, thanks to which the plane of their contents acquires a vivid, varied figurative sense.

References

1. Akhmanova, O. S. O psikholingvistike (Psycholinguistics) [Текст] / O. S. Akhmanova. – Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1957. – 64 s.
2. Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka (Language & Human World) [Текст] / N. D. Arutyu-

References

1. Akhmanova, O. S. O psikholingvistike (Psycholinguistics) [Текст] / O. S. Akhmanova. – Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1957. – 64 s.
2. Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka (Language & Human World) [Текст] / N. D. Arutyu-

- nova. – Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. – I-XV, 896 s., 1 il.
3. Barkhudarov, L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) (Language & Translation (Issues of General & Particular Theory of Translation)) [Текст] / L. S. Barkhudarov. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 237 s.
4. Bulycheva, V. P. Tolkovyy anglo-russkiy slovar' ekonomicheskikh professionalizmov s obraznym komponentom (Explanatory English-Russian Dictionary of Economical Professionalisms with Figurative Component) [Текст] / V.P. Bulycheva // – Astrakhan: Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet, Izdatel'skiy dom "Astrakhanskiy universitet", 2011. – 48 s.
5. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary) [Текст] / Redkol.: S. S. Averintsev i dr. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. – 814 s.
6. Rozhdestvenskiy, Yu. V. Lektzii po obshchemu yazykoznaniyu (Lectures in General Linguistics): Ucheb. posobie dlya studentov filol. spets. un-tov [Текст] / Yu. V. Rozhdestvenskiy. – Moskva: Vysshaya shkola, 1990. – 380s.
7. Smirnitkiy, A. I. Obyektivnost' sushchestvovaniya yazyka. Materialy k kursam yazykoznaniya (Objectivity of Language Existence. Materials for Linguistic Courses) [Текст] / A. I. Smirnitkiy. Pod
- nova. – Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. – I-XV, 896 s., 1 il.
3. Barkhudarov, L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) (Language & Translation (Issues of General & Particular Theory of Translation)) [Текст] / L. S. Barkhudarov. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 237 s.
4. Bulycheva, V. P. Tolkovyy anglo-russkiy slovar' ekonomicheskikh professionalizmov s obraznym komponentom (Explanatory English-Russian Dictionary of Economical Professionalisms with Figurative Component) [Текст] / V.P. Bulycheva // – Astrakhan: Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet, Izdatel'skiy dom "Astrakhanskiy universitet", 2011. – 48 s.
5. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary) [Текст] / Redkol.: S. S. Averintsev i dr. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. – 814 s.
6. Rozhdestvenskiy, Yu. V. Lektzii po obshchemu yazykoznaniyu (Lectures in General Linguistics): Ucheb. posobie dlya studentov filol. spets. un-tov [Текст] / Yu. V. Rozhdestvenskiy. – Moskva: Vysshaya shkola, 1990. – 380s.
7. Smirnitkiy, A. I. Obyektivnost' sushchestvovaniya yazyka. Materialy k kursam yazykoznaniya (Objectivity of Language Existence. Materials for Linguistic Courses) [Текст] / A. I. Smirnitkiy. Pod

- obshch. red. V. A. Zvegintseva. – Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1954. – 32 s.
8. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary) [Текст] / Nauch.-redaktionnyy sovet: A. M. Prokhorov (pred.) i dr. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. – 1600 s.
9. Venediktova, L. N. Kontsept "Voyna" v yazykovoy kartine mira: Sopostavitel'noe issledovanie na materiale angliyskogo i russkogo yazykov (Concept "War" in Language World Image: Comparative Research on Material of English & Russian Languages) [Текст] / L. N. Venediktova: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Tyumen. gos. unt. – Tyumen', 2004. – 180 s.
10. Weisgerber, L. Rodnoy yazyk i formirovanie dukha (Native Language & Formation of Spirit) [Текст] / Per. s nem / L. Weisgerber. – Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1993. – 224 s.
- obshch. red. V. A. Zvegintseva. – Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1954. – 32 s.
8. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary) [Текст] / Nauch.-redaktionnyy sovet: A. M. Prokhorov (pred.) i dr. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. – 1600 s.
9. Venediktova, L. N. Kontsept "Voyna" v yazykovoy kartine mira: Sopostavitel'noe issledovanie na materiale angliyskogo i russkogo yazykov (Concept "War" in Language World Image: Comparative Research on Material of English & Russian Languages) [Текст] / L. N. Venediktova: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Tyumen. gos. unt. – Tyumen', 2004. – 180 s.
10. Weisgerber, L. Rodnoy yazyk i formirovanie dukha (Native Language & Formation of Spirit) [Текст] / Per. s nem / L. Weisgerber. – Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1993. – 224 s.

**ПЕРЕВОДЧЕСКИ-РЕЛЕВАНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ:
АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ**

Ю. И. Касьянова

В данной статье рассматриваются грамматические аспекты перевода, связанные со структурно-функциональными особенностями русского и английского языков.

Ключевые слова: формально-грамматический, логический, актуальное членение, тема, рема, перевод.

Многие элементы данного подхода отражены с различной степенью успешности в работах по теории и практике перевода. Из практических пособий можно особо выделить книгу Е. В. Бреуса, где в наиболее полном виде изложен структурно-функциональный подход, предложена хорошо алгоритмизованная стратегия перевода многих сложных явлений. Однако к анализу предложения нужно подходить, по меньшей мере, с двух, или даже с трех, сторон (с точки зрения формально-грамматического, логического и актуального членения). Формально-грамматическое членение предполагает анализ структуры предложения на основании грамматических признаков составляющих его компонентов, а актуальное членение определяет коммуникативную структуру предложения, т. е. способов его включения в широкий контекст или ситуацию общения. Приступая к построению высказывания, человек не ставит задачу сочинять структуру высказывания каждый раз с нуля. В любом языке существуют готовые схемы построения высказываний, которые заполняются конкретными лексическими единицами. Подобные структурные схемы высказываний имеют свою формальную организацию и значение.

Грамматические формы предложения и его членов специфичны для отдельного языка или группы родственных языков и являются наиболее устойчивыми элементами структуры языка.

Однако форма предложения не определяется всецело его грамматическим составом, представленным, прежде всего, отношением подлежащего и сказуемого. В речи предложение существует как единство своего состава, интонации и порядка слов, превращаясь в высказывание, призванное решить определенную коммуникативную задачу.

Противопоставление грамматического и логического (или смыслового) содержания высказывания начинает осознаваться в науке уже давно – так, Л. С. Выготский выделял в предложении два плана организации: формально-грамматический и психологический. Под грамматической структурой предложения в таком случае подразумевается организация отношений субъекта, действия и объекта, а под психологической структурой – организация фразы с точки зрения ее значимости для коммуникантов [2. С. 65]. Похожие идеи выдвигали А. М. Пешковский и А. А. Фортунатов. Пешковский выделял «психологические члены суждения» и «грамматические члены суждения» и считал, что «психологическое ударение мы делаем всегда на слове, выражающем второй член суждения – психологическое сказуемое» [3. С. 105].

Разница между формальным и актуальным членением находит отражение в различии между терминами *предложение* и *высказывание*. *Предложение* – это структура, в которой мысль оформлена грамматически. Предложение, актуализированное в конкретной речевой ситуации, обращенное к адресату с определенной коммуникативной функцией, называется *высказыванием*. Высказывание может совпадать с предложением, но может быть и больше или меньше его [4. С. 384; 5. С. 184]. В настоящей статье *предложение* и *высказывание*, как единицы языка в противопоставлении единицам речи, разграничиваться не будут (как это часто и делается). Мы будем употреблять оба термина недифференцированно, причем, вслед за З. Хэррисом, в нестрогом смысле, поскольку в практике перевода различие между указанными терминами не представляется релевантным.

Актуальное членение предложения предполагает выделение ядра высказывания – самой важной его части, которая передает коммуникативное намерение говорящего, и основы высказывания. В некоторых теориях используются термины топик (topic) и фокус (focus), или топик и комментарий (comment). Однако наиболее известны термины: рема – для обозначения ядра высказывания и тема – для его основы.

Теория актуального членения разработана преимущественно на материале повествовательных предложений. Рема является главным формирующим компонентом высказывания, его целью. Поэтому рема в любом повествовательном предложении есть всегда, а темы может и не быть.

Пропуск темы особенно часто наблюдается в неполных предложениях в диалогической речи. Кроме того, выделяется особая груп-

па коммуникативно-нерасчлененных предложений, в которых общается о существовании, наличии или возникновении каких-либо явлений (*Once upon a time, there lived...*), что характерно для абсолютного сказочного или эпического зачина. Рема и тема могут быть оформлены в предложении не одним словом, а целой рематической или тематической группой. Помимо темы и ремы в предложениях могут присутствовать сопутствующие элементы, опосредующие переход от исходного пункта сообщения (темы) к ядру (реме).

В простых предложениях тема может совпадать с подлежащим, а рема – со сказуемым (например, *He has left*), однако строгого соответствия между формальной и актуальной структурами нет.

На выделение темы и ремы при анализе предложения существенное влияние оказывает характер соотносительности компонентов актуального членения с компонентами информационной структуры высказывания. Рема обычно соотносится с новой информацией, тем знанием, которое вводится в сознание слушающего на момент высказывания. Тема обычно включает в себя нечто известное, то, что находится в сознании слушающего в момент высказывания по предположению говорящего. Естественная соотносительность ремы с новой информацией, как коммуникативным центром высказывания, а темы – с известной информацией часто приводит к смешению понятий актуального и информационного членения предложения. Однако рема и тема не всегда совпадают с понятиями новое / старое (неизвестное / известное) – например, в качестве темы может выступать и не упоминавшийся ранее объект, а ремой может оказаться упоминавшийся объект, но употребленный как сообщение о теме. Ср.: **В турагентстве мне нужно было сделать выбор между Египтом и Черногорией. Я выбрала Черногорию.** Во втором предложении Греция, несомненно, является коммуникативным центром, хотя о ней говорится не в первый раз. В данном случае функция ремы состоит только в том, что она передает намерение говорящего.

Однако несмотря на различия между актуальным и информационным планами предложения нельзя не признать, что информационные компоненты (известное / неизвестное) естественно сопутствуют компонентам актуального членения и оказывают влияние на распределение информации по темам и ремам, и при анализе актуального членения анализ часто сводится к анализу именно информационной структуры высказывания.

Понимание актуального членения предложения есть необходимое условие эффективной речевой коммуникации и осуществле-

ния перевода с одного языка на другой. Анализ исходного текста предполагает учет, по крайней мере, трех аспектов: семантического, который заключается в подборе смысловых соответствий в языке перевода, синтаксического, т. е. анализа структуры предложения и функций его компонентов, и прагматического, что предполагает учет интенции говорящего.

Для решения коммуникативной задачи говорящий прибегает в первую очередь к актуальному членению предложения.

Задача адекватного перевода заключается именно в передаче коммуникативной установки говорящего и не может быть решена без учета актуального членения. Рема и тема ИЯ должны совпадать с темой и ремой ПЯ, иначе перевод искажает исходную коммуникативную установку, и эффект воздействия на иноязычного получателя текста уже не будет аналогичен тому, на который рассчитывал автор исходного текста.

Проблема перевода заключается в том, что в английском и русском языках картина актуального членения не совпадает. В русском языке тема-рематические отношения являются определяющим фактором для установления порядка слов в предложении и, таким образом, предопределяют его формальную структуру. Русский язык допускает свободное варьирование порядка слов в предложении в зависимости от установки на передачу той или иной информации. Значительные «маневренные» возможности русского языка определяются синтетическим характером, наличием грамматических аффиксов и словоформ, вследствие чего слова в предложении могут быть дистанцированы, разделены другими элементами, но связаны в смысловом и грамматическом отношении [6. С. 67]. Следовательно, правильнее было бы называть порядок слов в русском предложении не свободным, а гибким. В языках аналитического склада, к каким относится английский, не имеющих развитой системы флексий, порядок слов – фиксированный, или, по определению В. Г. Адмони, «контактный», когда слова находятся в непосредственной близости. В связи с большей, чем в русском языке, автономностью слова порядок слов в английском языке в отсутствие синтетически выразительных форм становится основным средством выражения синтаксической функции слова, т. е. грамматическую функцию слова в предложении можно определить по его местоположению в предложении. Коммуникативное намерение говорящего влияет на порядок слов в предложении гораздо меньше, чем в русском языке.

В связи с фиксированным порядком слов английское подлежащее может быть и темой, и ремой предложения, так же как сказуемое, дополнение, обстоятельство могут входить и в тематическую, и в рематическую группы предложения. Вследствие этого возникают трудности при переводе с английского языка на русский и обратно. Так, при переводе с русского языка переводчик сталкивается с ограниченностью возможностей английского словоупотребления, при переводе с английского языка на русский возникает обратная проблема: какой именно порядок из огромного ряда вариантов предпочесть.

Итак, для русского языка, как и остальных славянских языков (на базе которых и возникла теория актуального членения), в прозаической, стилистически нейтральной письменной речи (которая является главным объектом нашего изучения) характерен линейный порядок построения высказывания от предложения до сверхфразового единства: тема – рема, где тема предшествует реме, а рема занимает место в конце предложения, как наиболее важная информационная часть высказывания. В славянских языках нейтральные высказывания, которые, по различным оценкам, составляют около 70 % от числа всех высказываний, строятся согласно тематической прогрессии: каждое последующее предложение в тексте опирается на предыдущее, продвигая выражаемое им высказывание от данного к новому. В английском языке положение ремы и темы не оказывает прямого воздействия на порядок слов в предложении и не меняет его так кардинально. Однако языковые единицы, определяющие актуальное членение высказывания, могут менять положение в высказывании в зависимости от его типа. Высказывание, содержащее целиком «новую» информацию, принято называть моноремой. Она обычно встречается в первых фразах текста, в начале абзаца.

Особенностью английских монорем является специфика их актуального членения: они начинаются с ремы – наиболее значимой части высказывания, которая оформлена как субъект в функции подлежащего. Тематический компонент несет дополнительную информацию (о месте, времени, характере действия) и может быть оформлен в виде предиката, объекта, обстоятельства (места, времени, образа действия, причины и пр.).

Таким образом, для решения задачи адекватного перевода большое значение при анализе высказывания приобретает умение найти тему и рему в ИЯ в ходе предпереводческого анализа текста.

Список литературы

1. Бреус, Е. В. Теория и практика перевода с английского на русский: учебное пособие. Ч. 1. [Текст] / Е. В. Бреус. – М., 2001.
2. Выготский, Л. С. Психология развития человека [Текст] / Л. С. Выготский. – М., 2005. – С. 65.
3. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – М.: «Языки славянской культуры», 2001. – С.105.
4. Harris, Z. Structural linguistics [Текст] / Z. Harris. – Chicago, 1961. – С. 384.
5. Лайнез, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайнз. – М.: Прогресс, 1978. – С. 184.
6. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построения) [Текст] / В. Г. Адмони. – Л., 1973. – С. 67.

List of literature

1. Breus, E. V. Teorija i praktika perevoda s englijskogo na russkij: uchebnoe posobie. Ch. 1. [Tekst] / E. V. Breus. – M., 2001.
2. Vygotskij, L. S. Psihologija razvitija cheloveka [Tekst] / L. S. Vygotskij. – M., 2005. – S. 65.
3. Peshkovskij, A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osvewenii [Tekst] / A. M. Peshkovskij. – M.: «Jazyki slavjanskoj kul'tury», 2001. – S.105.
4. Harris, Z. Structural linguistics [Tekst] / Z. Harris. – Chicago, 1961. – S. 384.
5. Lajnez, Dzh. Vvedenie v teoreticheskiju lingvistiku [Tekst] / Dzh. Lajnz. – M.: Progress, 1978. – S. 184.
6. Admoni, V. G. Sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka (sistema odnoshenij i sistema postroenija) [Tekst] / V. G. Admoni. – L., 1973. – S. 67.

**ЗООМОРФИЗМЫ В МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Е. А. Полехина

В статье рассмотрен вопрос о статусе зооморфной лексики в составе молодёжного жаргона в русском и английском языках. Описываются тематические группы наиболее употребительных зооморфных жаргонизмов, связанных со сферой жизнедеятельностью человека. Установлена общность и специфика в области семантики зоолексем в русском и английском языках и зависимость их употребления от этнокультурных особенностей образного фонда сравниваемых лингвокультур.

Ключевые слова: зооморфизмы, зооморфный код культуры, метафорический перенос, этнокультурные стереотипы, молодёжный жаргон.

Зоонимосодержащая лексика, как в виде отдельных лексических единиц, так и в составе устойчивых выражений, давно уже привлекает внимание исследователей (О. А. Рыжкина, Т. В. Новикова, Н. Д. Петрова, А. В. Кунин, Н. А. Клушин, Б. Чарльстон). Зоонимы как единицы коммуникации функционируют во всех языковых сферах, главным образом, в художественной, бытовой, производственно-профессиональной сферах, а также в сфере массовой коммуникации.

Словарный состав молодёжного жаргона, всегда отличавшийся многообразием лексических единиц и высокой степенью их экспрессивности, не является исключением. Данное превосходство анималистической лексики можно объяснить антропоцентричностью самого молодёжного жаргона, главный интерес которого сосредоточен на человеке, его внешнем облике, психологических и интеллектуальных особенностях, манере поведения и общения и т. д.

Зооморфизмы, образованные путём метафорического переноса на основе названия животного – зоонима и служащие для образной характеристики человека, способствуют выражению чувств, реакций, эмоциональной жизни человека в целом, формируя и обозначая ценностную картину мира.

Зооморфная лексика отражает многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных, передаёт отношение людей к их «меньшим братьям», являясь тем самым культурно-информационным фондом в каждом языке. Культура предстает как целостность, отличающаяся от других благодаря религиозным, национально-государственным границам или набору этнических признаков [5. С. 73]. В языке заключается определенный код культуры, доступный в полной мере только носителям данной культуры или людям, ознакомленным с символярием данной культуры [4. С. 44].

В контексте нашего исследования интерес представляют зоонимы в переносном значении (зооморфизмы), связанные с деятельностью человека, сопоставление их семантической общности и специфики в русской и английской лингвокультурах. Материалом нашего исследования послужили лексические единицы, представляющие собой молодёжную жаргонную лексику, выраженную зооморфизмами, и полученный нами в результате сплошной выборки из следующих словарей: В. С. Елистратов, Толковый словарь русского сленга, Richard A. Spears, NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions.

Нами были выделены самые употребительные зоолексемы в русском и английском языках: акула – shark, анаконда – anaconda, баран (овца) – sheep, белка (белочка) – squirrel, бизон (буйвол) – buffalo, бобёр (бобр) – beaver, бурундук – chipmunk, бык – ox, волк – wolf, ворона – crow, вошь (вша) – louse, голубь – pigeon, гусь – goose, динозавр – dinosaur, дятел – woodpecker, ёж – he gehog, енот – raccoon, жаба – toad, жираф – giraffe, жук (жучара) – bug, змея – snake, ишак (осёл) – ass, кобра – cobra, лошадь (конь) – horse, кот (котяра) – cat, крокодил – crocodile, крот – mole, крыса (крысятки) – rat, мамонт – mammoth, маргышка (обезьяна) – monkey, мустанг – mustang, муха – fly, мышь (мышка) – mouse, носорог – rhinoceros, петух – cock, пчела – bee, рыба – fish, свинка – swine, скворец – starling, слон – elephant, собака – dog, тигр (тигрица) – tiger.

Проанализированный материал (560 лексических единиц в русском и английском языках) позволил выделить следующие тематические группы зооморфизмов (560 ЛЕ), связанных с человеком:

1. Принадлежность к полу: *антилопа* – женщина, девушка; *маргышка* – девушка; *cat* – a person (usually a male); *chicks* – girls or women;

2. Внешность: *бабуин* – крупная, мужеподобная женщина; *волк* – привлекательный мужчина (часто самоуверенный); *выдра* – некрасивая, неприятная женщина; *beached whale* – a very overweight

person; *ape* - a hoodlum or strong-arm man, especially if big and strong; *bear* - an ugly woman; *dog* - an ugly girl;

3. Возраст: *грызун* - ребёнок, дитя; *змеёныш* - ребёнок, сын; *крысятки* - подростки; *monkey* - a playful child;

4. Характер: *бурундук* - жадный человек, скопидом; *волчара* - нахал, рвач, эгоист; *божья коровка* - безобидный, безвредный человек;

5. Физические способности: *бизон* - сильный человек; *бык* - большой, сильный человек; *мамонт* - большой, сильный человек;

6. Умственные способности: *баран* - недалёкий, тупой человек; *верблюд* - дурак, идиот; *ишак* - глупый и упрямый человек; *baboon* - a jerk; a stupid person; *goose* - a silly oaf;

7. Профессия / род деятельности: *ворона* - солдат первой половины второго года службы во внутренних войсках; *гибон* - милиционер, сотрудник ГИБДД; *муравыха* - воровка; *grease monkey* - a mechanic; *legal-eagle* - a lawyer;

8. Национальность: *енот* - японец; *мустанг* - гражданин США; *носорог* - обращение к человеку с большим носом (о грузинах, армянах, евреях); *щурята* - азиаты, "узкоглазые".

Одни и те же зооморфизмы проявляются и воспринимаются по-разному в сопоставляемых языках. Так, например, зоолексемы *белочка* и *squirrel* имеют схожие семы, обозначающие суету, нервозность: *белочка* - суетливый, бестолковый человек (чаще о женщинах) [2]; *squirrel* - move in an inquisitive and restless manner [6]; *динозавр* и *dinosaur* - что-то старое, устаревшее, консервативное: *динозавр* - ретроград, крайне консервативный человек; *dinosaur* - an old person, an old object; *волк* и *wolf* - агрессивность, наглость, дерзость: *волк* - нахал, рвач, мужчина с хищническим и потребительским характером; *wolf* - a bold and aggressive male.

Сходство в области семантики семантического значения зоонимов в разных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур. Выбор того или иного животного для обозначения ситуаций, связанных со сферой жизнедеятельности человека, совпадает с поведением этого животного, присущего для обеих лингвокультур, и отражает сложившиеся у людей представления о них: *обезьяна/ape* - сильный, задиристый (о мужчине), *крыса/rat* - гнусный, гадкий, мерзопакостный (о человеке), *корова/cow* - неуклюжая, страшная (о женщине).

Различие в области семантики зоолексем свидетельствует о различии путей, по которым развивались сравниваемые культуры, а также различия в представлении языковой картины мира. В этнокультур-

ных стереотипах-образах, выработанных носителями языков в процессе жизнедеятельности, закодирована окружающая действительность: через образ одного животного проявляется специфичность познавательной деятельности носителей сопоставляемых лингвокультур, что способствует выявлению языковой картины мира. Так, зоонимы *бурундук* и *chipmunk* имеют разное семантическое значение в молодёжном жаргоне. Естественный ареал бурундуков – Северная Америка. Коренное население вполне привычно к этим животным, их повадкам, образу жизни. Вполне естественным для американского молодёжного жаргона является следующее определение: *chipmunk* - a person with a very “high-pitched” or squeaky type of voice (used as a nickname). Дело в том, что бурундукам свойственна довольно сложная звуковая сигнализация. Когда возникает опасность, они односложно свистят или издают резкую трель, похожую на птичью. На территории России бурундуки обитают в таёжной зоне Евразии: от северо-востока европейской части России до Дальнего Востока. О бурундуке часто рассказывают в сибирских сказках как о запасливом хозяине, собирающем в защечные мешочки зерна, семечки и орехи. В отечественном молодёжном жаргоне зооним *бурундук* обозначает жадного человека, скопидома, несущего всё в дом.

Таким образом, различие семантики зоонимов в сопоставляемых языках является следствием несхожести экстралингвистических факторов (истории, культуры, сознания, подсознания, религий, географии), что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

Большинство зооморфизмов стали неотъемлемой частью молодёжного жаргона и широко используются в повседневной жизни не только подростками, но и взрослыми.

Зооморфизмы можно также встретить в составе аргофольклора, во многом повторяющего традиционные фольклорные жанры:

1. Пословицы и поговорки – *Без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек!*; *Пуганая ворона на воду дует* (ироническая контаминация двух пословиц); *Вот где собака порылась!* (переделанный общеупотребительный фразеологизм “вот где собака зарыта” в том же значении); *As happy as a clam* (a happy and content person); *Until the cows come home* (for a long time);

2. Мини-диалоги – *Здорово!* – *Я бык, а ты корова!* (шутливый ответ на приветствие);

3. Устойчивые словосочетания – *прихлопнутый дохлым голубем* (о странном, ненормальном человеке); *дохлой рыбой прикинуться*

(прикинуться дурачком, сделать вид, что тебе нет дела до происходящего); *alligator tears* (incorrect usage of ‘crocodile tears’);

4. Вводные слова – *Куры-гуси* (в зн. то да сё, слово за слово);

5. Иронические советы – *Заведи таракана!* (в зн. Успокойся!); *Don't let the bugs bite!* (Sleep well!);

6. Обращение к человеку – *Проклятый какаду!* (иронически-шутливое обращение); *Братец-кролик!* (ироническое обращение); *How now, Brown Cow?* (What's going on?);

7. Шутливые угрозы – *Не будь козой валдайской!* (в зн. Не будь дураком!); *Ползи, медуза, море рядом!* (в зн. Уходи, пошёл вон!); *Don't rush cattle!* (Don't hurry!);

8. Междометия – *Забодай меня комар, укуси корова!* (выражает любую эмоцию); *Holy cow!* (used to avoid swearing); *I swan!* (What a surprise!);

9. Двустихья – *Сидит мартышка у пруда, очко туда, очко сюда.* (о ком-либо, кто боится что-то сделать, сомневается в чем-либо).

Приведенные выше фольклорные зооморфизмы указывают на своеобразную пародию молодёжного жаргона на язык и культуру. Здесь зоолексемы прямо пародируют уже существующие образцы культуры и языка (Вот где собака порылась!) и в некоторых случаях имеют выход в абсурд в обоих языках.

Таким образом, в результате анализа зооморфизмов русского и английского языка выявлена общность зоолексем и их специфика в молодёжном жаргоне в каждом из языков. Семантика значительной части зооморфизмов группируется в тематические группы, в центре которых находится внешняя деятельность человека: его поведение, поступки, отношения в обществе, его коммуникативные способности, физические возможности и физическое состояние [1. С. 2].

Проведённый анализ показал, что основными причинами расхождения в семантическом развитии зооморфизмов в русском и английском молодёжном жаргоне является общность и различие этнокультурных особенностей образного фонда сравниваемых лингвокультур. Зооморфный код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется в лексическом и фразеологическом фонде молодёжного сленга, приобретая пародийно-шутливую окраску.

Список литературы

1. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира : автореф. дис. ... докт.

List of literature

1. Guketlova, F. N. Zoomorfnyj kod kul'tury v jazykovoј kartine mira : avtoref. dis. ... dokt. filol.

- филол. наук [Текст] / Ф. Н. Гукетлова. – М., 2009.
2. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского сленга [Текст] / В.С. Елистратов. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.
3. Мифологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL : <http://mythology.narod.ru/myth-animals/animals.html>
4. Сакаева, Л. Р. Фразеологизмы с компонентами зoonимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков [Текст] / Л. Р. Сакаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 62. – С.43–47.
5. Шамне, Н. Л. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий [Текст] / Н. Л. Шамне // Вестник ВолГУ. Серия 2. Вып. 3. – 2003-2004. – С. 73.
6. Spears, Richard A. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions [Текст] / R. Spears. – The McGraw-Hill Companies, 2000. – P. 560.
- nauk [Tekst] / F. N. Guketlova. – M., 2009.
2. Elistratov, V. S. Tolkovyj slovar' russkogo slenga [Tekst] / V.S. Elistratov. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2010. – 672 s.
3. Mifologicheskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. – URL : <http://mythology.narod.ru/myth-animals/animals.html>
4. Sakaeva, L. R. Frazеologizmy s komponentami zoonimami, opisyvajuwie cheloveka kak ob#ekt sopostavitel'nogo analiza russkogo i anglijskogo jazykov [Tekst] / L. R. Sakaeva // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2008. – № 62. – S.43–47.
5. Shamne, N. L. Mezhhkul'turnaja i transkul'turnaja kommunikacija: k opredeleniju ponjatij [Tekst] / N. L. Shamne // Vestnik VolGU. Serija 2. Vyr. 3. – 2003-2004. – S. 73.
6. Spears, Richard A. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions [Tekst] / R. Spears. – The McGraw-Hill Companies, 2000. – P. 560.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Р. В. Дражан

В статье кратко изложены основные проблемы составления образовательных программ по иностранному языку для неязыковых вузов, проведен сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов к отбору содержания данных программ. Рассматриваются возможные принципы построения учебной программы с учетом природы предмета, особенностей рече-мыслительной деятельности обучаемых, междисциплинарной интеграции, вариативности и межкультурного аспекта языка.

Ключевые слова: образовательные стандарты, языковая компетенция, профессионально-ориентированный характер языка, билингвизм, междисциплинарная интеграция.

Нет смысла отрицать, что молодые люди, которым надлежит в ближайшем будущем занять основные ключевые позиции в экономической, политической, социальной и культурной сферах общества, должны владеть иностранным языком на высоком уровне.

С начала 90-х годов XX века в нашей стране принят ряд правительственных документов, определяющих перспективы развития отечественной системы образования. Это и Закон о высшем и послевузовском образовании 1996 года, и Национальная доктрина образования до 2025 г., и Федеральная программа развития образования на 2000–2005 гг., и Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Большое значение для высшей школы явилось внедрение Государственного образовательного стандарта высшей школы. Введение в учебный процесс образовательных стандартов высшего профессионального образования (ГОС ВПО) явилось важным шагом в решении проблем высшей школы России, что заставило по-новому оценить возможности стандартизации применительно к целостной системе образования и входящим в нее компонентам.

В контексте принятых стандартов, перед преподавателями иностранного языка встает задача выработать новые методологические подходы, ориентированные на совершенствование у студентов ряда компетенций – языковой, социолингвистической, социокультурной, коммуникативной.

Программы по иностранному языку всегда были в центре внимания педагогов, психологов, лингводидактов. Поскольку программа является очень важным компонентом учебного процесса и должна быть гибким инструментом, управляющим и целями, и содержанием, и технологиями, и контролем. Н. Д. Гальскова считает, что современная образовательная идеология предъявляет к программе нового типа следующие требования: программа должна исключать жесткое управление; она должна строиться на принципе взаимосвязи целей обучения иностранным языкам с общеобразовательными целями; должна отражать инновационные процессы; данный документ призван удовлетворять индивидуальный стиль преподавания каждого учителя, а не регламентировать жестко способы и приемы обучения; необходимо учитывать тип учебного заведения при раскрытии сущности прагматических и общеобразовательных аспектов; обязателен деятельностный характер программы и др. [1].

Программы отдельных дисциплин, в том числе и иностранного языка, является конкретным наполнением учебного плана, который, в свою очередь, определяет стратегию учебного процесса. По мнению Н. Ф. Головановой построение учебной программы может быть линейным, концентрическим, модульным. Она отмечает, что линейное построение содержания требует, чтобы учебный материал выстраивался последовательно, постепенно усложняясь. Концентрическое построение содержания предусматривает изучение одного материала однократно, но с разным уровнем углубления. Модульное построение содержания обучения предполагает выделение в качестве базовой единицы модуля, предметная область которого включает: «учебные цели; перечень необходимых материалов, инструментов, оборудования; ключевые понятия; тематический глоссарий; описание основного содержания в форме краткого текста, видеозаписи, CD; основные операции и навыки, которые требуются отработать на практических занятиях; контрольно-проверочные задания [2].

Основная проблема, возникающая при попытке составления учебной программы по иностранному языку, заключается в самой природе этого предмета. Большинство имеющихся курсов постро-

ены на основе простой последовательно-механической модели, что совершенно не соответствует ни сложной природе языка, ни особенностям речемыслительной деятельности студентов. Создание подобной модели обусловлено в основном традиционными и зачастую стандартными представлениями авторов программ о наиболее важных языковых компонентах, овладение которыми и должно привести, по их мнению, к знанию английского языка.

Типичные вузовские программы по иностранному языку построены дискретно, без надлежащей системы многоуровневых связей, что заведомо не соответствует языковому континууму и лишает студентов возможности достичь уровня, даже приблизительно напоминающего реальное общение. Попытка авторов учебников не только разделить материал курса на лексические и грамматические составляющие, но и скрепить их коммуникативными, эмоциональными, социолингвистическими и другими привнесенными компонентами не производят заметного эффекта по причине того, что студент постоянного остается как бы “вне курса”. В частности, студент вуза, несмотря на многолетнее предшествующее обучение английскому языку в средней школе, чаще всего так и не понимает существа английских времен глагола, включая и те, которые считаются самыми “простыми” и с которых начинается едва ли не каждый курс. Операторы “do”, “does” и “did”, построение вопросительных и отрицательных предложений и многое другое остается за гранью понимания студентов из-за неадекватной презентации и практики.

До сих пор в программах отражен классический подход к изучению иностранного языка, в основе которого лежит понимание языка как реального и полноценного средства общения, а значит, все языковые компоненты - устную и письменную речь, аудирование и др. – нужно развивать у обучающихся планомерно и гармонично. В основе такого подхода лежит структурный метод обучения, который предполагает освоение структуры языка, т.е. правил, на которых основываются предложения: видовременные формы, образование тех или иных частей речи, порядок слов в предложениях, различие одного грамматического периода от другого и т.п.

Классическая методика отчасти превращает язык в самоцель, но это нельзя считать недостатком. Такой комплексный подход направлен, в первую очередь, на то, чтобы развить у студентов способности понимать и создавать речь. Методика предполагает занятия с российскими преподавателями, но такой порядок (хотя и не совсем «модный») нельзя считать минусом: преподаватель, не являющийся

носителем языка, имеет возможность анализировать и сопоставлять две языковые системы, сравнивать конструкции, лучше доносить информацию, пояснять грамматические правила, предупреждать возможные ошибки. Всеобщая увлеченность иностранными специалистами – явление временное, потому что западный мир по достоинству оценил приоритет билингвальности (владения двумя языками). Наибольшую ценность в современном мире представляют учителя, способные мыслить в контексте двух культур и доносить до студентов соответствующий комплекс знаний.

При всех своих изъянах структурный метод обладает бесспорным достоинством – это серьезность изучения. Если человек основательно отнесся к постижению грамматических правил, то иностранный язык еще долго не выветрится у него из головы, даже если он не будет его использовать. И если через десять лет этот человек примет решение возобновить занятия, то весь запас знаний очень легко и быстро восстановятся.

В настоящее время предпринимаются попытки разработать принципиально новые программы по иностранному языку для вузов, основой которых служат междисциплинарная интеграция, многоуровневость, вариативность, ориентация на межкультурный аспект языков. Целью таких программ является формирование у студентов профессионально-языковой компетентности, связанной с практической деятельностью. Основными принципами построения таких программ являются:

- принцип функциональности и коммуникативной направленности;
- принцип комплексности (взаимообусловленность направлений обучения всем видам речевой деятельности и аспектам языка при сохранении специфики каждого из них);
- принцип опоры на родной язык;
- принцип само- и взаимоконтроля.

Проанализировав зарубежные подходы к разработке программ И. Колесникова и О. Долгина выделили: синтетический подход к разработке программ и программы синтетического типа (т.е. программы, ориентированные на результат, продукт обучения и опирающиеся на структуру языка и его системный анализ); аналитический подход к разработке программ и программы аналитического типа (программы, ориентированные на процесс, а не на результат обучения, а именно на коммуникативные интенции, для выражения которых используется разнообразный лингвистический материал); функциональный подход и программы функционального типа (т. е.

программы, которые предполагают не системную, а функциональную, соответствующую речевым функциям организацию изучаемого материала).

Зарубежные авторы придерживаются следующего алгоритма при составлении программ:

1. Диагностика необходимости в обучении.
2. Формулировка задач.
3. Отбор содержания.
4. Организация содержания.
5. Выбор необходимого опытного обучения.
6. Организация этого обучения.
7. Определение, что и как должно быть оценено [3].

Следует особо отметить, что в нашем отечественном образовании только недавно учебные программы стали составляться для языковых и неязыковых вузов отдельно, учитывая требования к выпускнику. В зарубежном образовании изначально программы составлялись для конкретной группы обучаемых, предварительно изучив тот коллектив, с которым придется работать.

Таким образом, проблемы разработки учебных программ являются основополагающими как в отечественной, так и зарубежной методике. Основными понятиями, которыми оперируют как отечественные, так и зарубежные методисты в процессе написания программ, являются следующие: стандарт, учебный план, учебная программа, цели, задачи, содержание обучения. Однако, в отечественном образовании только в последнее десятилетие учебные программы стали составлять с акцентом на максимальное приближение содержания, структуры и организации к реальным потребностям обучающихся, с ориентацией на язык специальности, профессионально значимые навыки и процесс овладения языком. В то время, как в зарубежном образовании изучение потребностей студентов уже давно лежит в основе составления любой программы.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам [Текст] / Н. Д. Гальскова. – М. : АРКТИ, 2004. – С.137–140.
2. Голованова, Н. Ф. Общая педагогика [Текст] / Н. Ф. Голованова. – СПб. : Речь, 2005. – С.203–204.

List of literature

1. Gal'skova, N. D. Sovremennaja metodika obuchenija inostrannym jazykam [Tekst] / N. D. Gal'skova. – M. : ARKTI, 2004. – S.137–140.
2. Golovanova, N. F. Obwaja pedagogika [Tekst] / N. F. Golovanova. – SPb. : Rech', 2005. – S.203–204.

3. Dubin, F. Course Design: Developing programs and materials for language learning [Текст] / F. Dubin, E. Olshtain. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994 p.

3. Dubin, F. Course Design: Developing programs and materials for language learning [Текст] / F. Dubin, E. Olshtain. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994 p.

**ПОСТАНОВКА ЦЕЛЕЙ НА ЭТАПЕ ПЛАНИРОВАНИЯ УРОКА
КАК РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ
КОНЕЧНОГО РЕЗУЛЬТАТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

В. И. Серова, Л. Р. Спирина

Статья посвящена основной проблеме – планированию урока и правильной постановке целей и задач обучения. За основу берется Таксономия Блума. Авторы объясняют, что сложность постановки целей заключается в переводе результатов обучения на язык действия и предлагают решить эту задачу двумя способами: 1) построением четкой системы целей, в которых выделены их категории и последовательные уровни. Такие системы получили название педагогических таксономий; 2) созданием максимально ясного, конкретного языка для описания целей обучения.

Ключевые слова: планирование урока, постановка целей и задач при обучении иностранному языку.

Ориентация учебного процесса на четко сформулированные цели обучения в противовес расплывчатости их постановки в традиционной педагогике привлекла внимание педагогов во всем мире к технологизации обучения. Общая установка педагогической технологии: решать дидактические проблемы обучения в русле управления учебным процессом с точно заданными целями, достижение которых должно поддаваться четкому описанию и определению, то есть должна осуществляться постановка целей и их максимальное уточнение, формулировка учебных целей с ориентацией на достижение результатов. Это требует подготовки учебных материалов и организации всего хода обучения в соответствии с учебными целями. Каждый учитель ставит своей целью добиться того, чтобы учащиеся поняли, усвоили конкретную тему, получили определенные знания и научились их применять. Однако учитель только тогда может судить о том, что цели достигнуты, если имеет возможность удостовериться в этом.

Способ постановки целей, который предполагает педагогическая технология характеризуется тем, что цели обучения формулируются через результаты обучения, выраженные в действиях учащихся, которые можно точно опознать и измерить [1. С. 118].

Сложность настоящей постановки целей заключается в переводе результатов обучения на язык действия. Эту задачу можно решить двумя способами:

1) построением четкой системы целей, в которых выделены их категории и последовательные уровни. Такие системы получили название педагогических таксономий;

2) созданием максимально ясного, конкретного языка для описания целей обучения.

Слово «таксономия» обозначает такую классификацию и систематизацию объектов, которая построена на основе их естественной взаимосвязи и использует для описания объектов категории, расположенные последовательно, по нарастающей сложности.

Среди таксономии целей обучения в познавательной области широкую известность получила таксономия целей обучения Б. Блума [2. С. 38]. Он разработал общие способы и правила четкой формулировки и упорядочения педагогических целей в познавательной (когнитивной) области. Эту систему используют при планировании обучения и оценки его результатов, а также она служит инструментом при опытной проверке новых курсов. В когнитивную область входят цели от запоминания и воспроизведения изучаемого материала до решения проблем, в ходе которого необходимо переосмысливать имеющиеся знания, строить их новые сочетания с предварительно изученными идеями, методами, процедурами (способами действий), включая создание нового.

Применительно к дисциплинам филологического направления речь в первую очередь идет о применении когнитивных целей обучения. Для уроков английского языка «эффективные цели описывают то, что студент должен сделать, используя языковой материал» [3. С. 48].

Основные компетенции, которые преподаватель должен сформировать у студента и те умения и навыки, которые преподаватель определяет как развивающую цель, представлены в следующей таблице:

Уровень	Определение основных категорий учебных целей	Ключевые глаголы для обобщенных учебных действий студента
Знание (умение запоминать и воспроизводить)	Студент вспоминает информацию, идеи, принципы в той форме, в которой они предоставлены для изучения.	Напиши Создай список Назови Определи

Понимание (умение понимать и интерпретировать материал)	Студент переводит, понимает значение или интерпретирует информацию, основанную на ранее изученном материале.	Объясни Перефразируй Опиши Проиллюстрируй
Применение (умение использовать материал в новых ситуациях)	Студент отбирает, переносит и использует факты и принципы, чтобы выполнить задание с минимальными указаниями.	Используй Подсчитай Реши Продемонстрируй Примени Сконструируй
Анализ (умение разбивать материал на составляющие, структурировать, вычленять, выявлять связи)	Студент разграничивает, классифицирует и соотносит положения, гипотезы и фактический материал.	Проанализируй Сравни Противопоставь Разграничь
Синтез (умение комбинировать, упорядочивать, чтобы получать целое, обладающее новизной)	Студент порождает новые знания, интегрирует и объединяет идеи в новый продукт, план или предложение, что, по сути, является новым для него этапом.	Создай Спроектируй Предположи Изобрати Развей
Оценка (умение оценивать, основываясь на заранее сформулированных критериях)	Студент оценивает положительно или критикует на основе специфических стандартов или критериев.	Оцени Порекомендуй Выскажись критически Оправдай Подтверди

Ключевые глаголы для обобщенных учебных действий студента могут помочь преподавателю правильно сформулировать цели и задачи как долгосрочные, так и краткосрочные.

Известно, что использование четкой, упорядоченной классификации целей обучения важно для решения следующих задач:

а) пользуясь таксономией, преподаватель не только конкретизирует цели, но и упорядочивает их, концентрирует усилие на глав-

ном, определяя первоочередные задачи, порядок и перспективы дальнейшей работы;

б) конкретные учебные цели дают преподавателю возможность разъяснить студентам ориентиры в их общей работе, обсудить их, сделать ясными для понимания любых заинтересованных лиц;

в) четкая постановка целей, которые выражены через результаты деятельности, позволяет более надежно и объективно оценивать результаты обучения.

Чтобы правильно определить цели и задачи, каждый преподаватель должен знать принципиальную разницу между ними.

Цели – это те умения и навыки, которые вы предполагаете развить у своих студентов для того, чтобы они могли применять эти знания в дальнейшем, при изучении нового материала. Цели являются общими, широкими и их выполнение может длиться на протяжении нескольких уроков по сравнению с задачами. Каковы цели и задачи изучения материала в широком смысле? Каковы цели изучения именно этой темы? Что, как вы ожидаете, студенты смогут делать к концу изучения этого материала или темы?

Задачи – это то, что должны сделать студенты, чтобы приобрести знания и умения. Задачи на каждый урок определяются из более широких целей, которые преподаватель определяет при изучении того или иного материала. Что студенты смогут сделать за урок? При каких условиях выполнение задания считается завершенным? Какие критерии принимаются за основу при оценивании результатов для того, чтобы считать их удовлетворительными? Как студенты продемонстрируют, что они изучили и усвоили материал, то есть, что они выполнили задачи урока?

Как спланировать изучение той или иной темы так, чтобы конечный результат был не просто удовлетворительным, а хорошим и даже отличным? Начиная планировать каждый отдельный урок, представьте, что каждый раз вы отправляетесь в новое путешествие со своими студентами. Для того, чтобы путешествие было успешным, отправляясь в путь, каждый раз задавайте себе всего три главных вопроса: 1. Куда едут мои студенты? 2. Как они туда доберутся? 3. Как я узнаю, что они добрались?

А затем начинайте обдумывать цели, задачи, средства и способы достижения целей.

Используя таксономию Б. Блума, вы всегда сможете построить свой урок целенаправленно, критически оценить желаемые и конечные действия студентов на любом этапе урока.

Следует отметить, что таксономия, как и всякая научно разработанная система обладает «стандартностью» алгоритмического характера. Но она не диктует однозначного способа работы ни студентам, ни преподавателям. Соответственно, обучение должно быть организовано на основе самостоятельной познавательной деятельности студентов. Эта деятельность характеризуется иерархией: репродуктивная деятельность, конструктивная деятельность и продуктивная деятельность. В связи с этим результаты обучения будут полностью зависеть от тех целей, которые выдвигаются на каждом отдельном уровне обучения.

Список литературы

1. Поташник, М. М. Управление качеством образования [Текст] / М. М. Поташник. – М. : Педагогическое Общество России, 2002.
2. Jack, C. Richards Methodology in Language teaching [Текст] / C. Jack. – Cambridge University Press, 2002.
3. Shrum, J. C. Teacher's handbook: Contextualized Language Instruction [Текст] / J. C. Shrum, E. Glisan. – Boston, 1994.

List of literature

1. Potashnik, M. M. Upravlenie kachestvom obrazovanija [Tekst] / M. M. Potashnik. – M. : Pedagogicheskoe Obwestvo Rossii, 2002.
2. Jack, C. Richards Methodology in Language teaching [Текст] / C. Jack. – Cambridge University Press, 2002.
3. Shrum, J. C. Teacher's handbook: Contextualized Language Instruction [Текст] / J. C. Shrum, E. Glisan. – Boston, 1994.

КУЛЬТУРА И МАРКЕТИНГ КУЛЬТУРЫ: РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ В РОССИЙСКОМ КНИЖНОМ БИЗНЕСЕ

Материалы научно-практического семинара

А. Ф. Гаврилов

Москва, Институт книги

ОТКРЫТАЯ ЛЕКЦИЯ «КАК СДЕЛАТЬ ПРЕМИЮ СВОИМИ РУКАМИ» 25 апреля 2011 г.

Открытая лекция посвящена обзору российских премиальных проектов, которые в разные годы курировал А.Ф. Гаврилов, в том числе премиям «Просветитель», «Абзац», «Дебют», а также его личным впечатлениям от развития института литературных премий в России.

Open lecture is devoted the review of the Russian bonus projects which in different years were supervised by A.F. Gavrilov, including to awards «Educator», «Paragraph», «Debut», and also its personal impressions of development of institute of literary awards in Russia.

Дамы и господа!

Большое спасибо за возможность поговорить о том, чем я занимаюсь последние 10 лет. Постановка вопроса в объявленной теме лекции мне очень нравится: «Как сделать премию своими руками». Это очень правильный вектор развития. Потому что, отвечая на этот вопрос, мы можем понять: из чего делают премию, как делают премию и зачем делают премию.

Самый простой способ сделать премию своими руками - выдать ее своей кошке. Тогда это будет литературная Премия Кота Бегемота, может быть, в области искусств в целом. Вполне торжественно звучит: «Бегемотовская премия» за особые достижения перед отечественным искусством». После этого вы сможете указывать во всех средствах массовой информации, в своих резюме, что вы учредитель Бегемотовской премии и хвастаться этим.

Как бы глупо это ни звучало - это один из самых частых побудительных мотивов для создания премии. Учредитель премии надеется в дальнейшем хвастаться тем, какой он молодец.

Это же дает нам ответ на второй важный вопрос: что, собственно говоря, давать премируемому, и откуда это брать?

Что такое премия **вообще, и, в особенности, литературная премия**? Мне очень нравится точка зрения, предлагаемая Александром Долгиным, который еще появится завтра в онлайн-трансляции с лекцией «Беспосредническая дистрибуция текстов и читательские сообщества». Он говорит, что премия - это механизм вторичного возмещения расходов авторов. Вот есть нормальный коммерческий процесс: автор написал книжку, отдал издателю, издатель напечатал книгу и отдал ее в магазин. Миллионы домохозяек отправились и приобрели по книге Дарье Донцовой. Дарья Донцова купила себе очередного мопса.

А есть другая ситуация. Книжка выходит, ее читают, она чрезвычайно высоко ценится, и после этого читающее сообщество вдруг говорит: смотрите, какая хорошая книжка, давайте-ка наградим писателя Иличевского чем-нибудь ценным. В прямом коммерческом смысле писатель Иличевский получает совсем не так много, на ценного мопса не хватит, но в форме выражения благодарности он получает вот это самое вторичное возмещение расходов.

Откуда берется эта модель? Что она нам напоминает? Это дар человечества, получившего неожиданное для себя удовлетворение от потребления произведения искусства. Совершенно справедливо мы можем возвести ее к дарам сюзерена. Вот ежели кто хорошо себя ведет, то сюзерен дарит ему ценный подарок. Например, золотую шкатулку. Человек хорошо плясал на канате и за это ему полагается подарочек.

Интересно, что в России есть примеры, когда воля человека приводит к распределению его имущества в пользу деятелей искусств.

Самая знаменитая в этом смысле премия – **Сталинская, которая** затем была заменена Ленинской премией, а эта уже перетекла в Государственную премию сначала Советского союза, затем РФ. Почему я говорю о ней в связи с золотыми шкатулками? Потому что Сталинская премия изначально, во всяком случае такова ее мифология, возникла из гонораров товарища Сталина, которые выписывались ему за публикации трудов, статей и прочее. Скапливались они у его секретаря Поскребышева в сейфе. Сталин как-то, проходя через

приемную, когда Поскребышев что-то складывал в сейф, увидел там невообразимые горы денег. Спросил что это и, узнав, что это его гонорары за последний год, придумал создать Сталинскую премию. На эти деньги была учреждена премия: деньги распределялись среди деятелей искусств, пластических и словесных. В дальнейшем к товарищу Сталину примкнул ряд других товарищей, которые также свои гонорары употребили на поддержание инженеров человеческих душ и литераторов победившего класса.

Это та премия, которой уже нет. В тот момент, когда она стала Ленинской, мифология ее поменялась и технология поменялась. Но до сих пор существует другая премия, которая вручается ежегодно из средств дарителя. И не может быть отъединена от него. Это, как мне видится, зеркальная такая структура. Это Солженицынская премия, которая вручалась Александром Исаевичем Солженицыным лично, а сейчас вручается организационным комитетом. На нее употребляются только те средства, которые поступают в фонд Солженицына из изданий его произведений по всему свету.

Зачем эти самые золотые табакерки раздаются? Я попробовал набросать некоторые причины.

Ну, например, хочется славы себе. Вот в чистом виде существуют такие премии, которые прославляют в первую очередь дарителя, а не одаряемого.

Хочется славы другим. Тогда каким-то образом премия работает на создание известности того человека, который одаряем. Я еще вернусь подробнее к этому кейсу. Эта причина лежала в основе премии Национальный бестселлер, лозунг которой – «Проснуться знаменитым». Правда, год от года, так выходит, что люди, которые получают Национальный бестселлер, засыпают примерно такими же знаменитыми, какими просыпаются на следующий день – ничего не меняется, но, с другой стороны, они же просыпаются знаменитыми, т.е. не стали менее знаменитыми после вручения «Нацбеста». Так что, вроде бы, лозунг не так скомпрометирован, как мог бы.

Вполне может быть побудительной причиной желание раздать денег другим. В самом начале существования Российской Букеровской премии дело обстояло именно так, я хорошо это помню. Это были действительно мрачные годы. Когда пишущие люди жили худо, и Букеровская премия могла серьезно изменить имущественное положение литератора. Я помню, как член жюри Алла Демидова, когда я пришел брать у нее интервью о том, каково ей тамработается, задала мне встречный вопрос. Они еще не выбрали

тогда лауреата, только сформировали шорт-лист. Она спросила: скажите, Александр, а вот из писателей, попавших в шорт-лист, кто больше всех нуждается?

Понятно, что здесь идея литературной премии несколько компрометируется, на мой скромный взгляд, потому что не всегда нуждающийся писатель пишет лучше других оттого, что беден. Хотя и такие случаи тоже известны.

Ну и, в конце концов, можно желать, например, денег себе, а славы другим. И тогда человек просто идет работать в какой-то премиальный комитет, обеспечивая славу другим и получая некоторый капитал за службу.

В связи с премиями мы постоянно говорим о денежном возмещении, однако существуют и безденежные премии вовсе, которые функционируют на принципиально других основаниях.

Если денежные премии очевиднее всего восходят к дареным табакеркам, то безденежные премии – это явление нового времени. Например, Гонкуровская премия. Самая знаменитая премия старого мира до Нобелевской. Эта премия, скорее, некоторое подобие орденского знака. Как-то так, к сожалению, получается, что мы живем в мире девальвированных слов, которые значат не то, что значат, а что значат - все уже потихонечку начинают забывать, когда на грудь очередному бездельнику вешается орден за заслуги перед отечеством какой-нибудь степени. Что это не просто слова, означающие, что человек чуть активнее, чем другие, поучаствовал в дележке денег в связи с выборами президента РФ. Это некий отзвук старинных правил вхождения в рыцарский орден.

Само слово орден, скорее всего, означает общность людей. А орденский знак, медаль ордена – это только знак принадлежности к тому или иному сообществу. Некоторые ордены даруют своим членам какое-то материальное подспорье, как, например, Орден почетного легиона, к которому полагалась ежегодная рента. А некоторые ордены, напротив, требовали от своих членов денежных вливаний, как, например, Мальтийский орден, который, в общем, довольно дорого и поныне обходится всем тем, кто желает в нем состоять, становясь постепенно таким дорогостоящим клубом богатых людей.

В этом смысле Гонкуровская премия и работает как орден. Премия существует с третьей трети XIX века. Критики премии выполняют подлинную роль лоцманов в книжном мире. Они собираются вместе и говорят: в этом году лучший роман у такого-то. После чего дают

в его честь обед, на котором ему вручают символическую плату в размере, если ничего не путаю, 1 франка или 10 франков. И тогда это была не очень большая сумма, а сейчас уж, собственно говоря, и франков тех нет. Они полностью заменены и поглощены евро. Однако эта символическая ничтожная сумма продолжает вручаться по пересчету на современные деньги.

В чем смысл этой премии? Ведь, казалось бы, того вторичного возмещения расходов, вторичной оплаты труда не произошло. Ан, нет, произошло! **Поскольку критическое мнение, направляя** большую читательскую аудиторию в сторону этого романа, способствует резкому увеличению его продаж. Здесь критики, как представители цеха дегустаторов литературы, говорят: читать надо ЭТО. И доверчивая Франция бросается читать. И вот здесь на самом деле человек просыпается знаменитым.

К сожалению, сегодня и с Гонкуровской премией все как-то не так.

Первой премией, которая изменила мир премий и вернула ему золотые шкатулки, была Нобелевская премия. Собственно, до Альфреда Нобеля не существовала такого порядка, при котором частный пожертвователю, частный даритель мог отметить деятелей науки и искусства. Мы уже говорили, что одним из действенных побудительных мотивов раздачи премий является желание славы себе. Нобель учредил премию после того как однажды в утренней газете прочитал посвященную себе передовицу, которая называлась «Торговец смертью». И многие, я надеюсь, помнят, что имя Нобеля при жизни почтенного фабриканта не было связано ни со Швецией, ни с премиями. А было связано, **совсем наоборот, с Россией, бакинскими** нефтяными приисками и самым главным – динамитом, который производили Нобелевские заводы. При использовании динамита люди гибли не только в результате целенаправленного применения, но и случайно, например, при проходке горных шахт или расчистке трасс под дороги. И значительное состояние, скопленное Нобелем в его Петербургском торговом доме, было оплачено кровью невинных жертв. Извините за неуместный пафос.

Нобеля возмутило, что его имя связывается в общественном сознании только с этим. Он захотел переменить, как бы сказали сейчас, «имидж». И это побудило его учредить Нобелевскую премию. Так что если кто-нибудь из вас делается знаменитым торговцем смерти помните: у вас всегда есть второй шанс!

Из безденежных премий русского литературно мира остается самой значимой Премия Андрея Белого. Это премия, кото-

рую учредило сообщество петербургских рукописных журналов – замечательный пример самоорганизации неподцензурного литературного пространства семидесятых годов XX века. Тогда молодые петербургские интеллектуалы, отчаявшись получить доступ к властному полиграфическому и медийному ресурсу, стали выпускать самодельные, рукописные книги, как их тогда называли, хотя в большей мере они были машинописными. Например, журнал «Часы», который выпускал Борис Иванович Иванов.

Издатели этих журналов собрались меж собою для того, чтобы учредить премию за лучшее литературное произведение года. Они пытались найти фигуру, которая объединяла бы в себе и прозу, и поэзию, и публицистику, и общественную деятельность. Самым близким им по духу и приходившим в первую очередь в голову был замечательный французский романист, публицист, мыслитель, немножечко поэт Альберт Камю. «Вот», – сказал Борис Иванович Иванов, – «мы очень хотели учредить премию Камю». Естественно, что физическим воплощением премии Камю хотелось сделать бутылку коньяка «Камю». Но потом мы посчитали, сколько это стоит, и поняли, что столько у нас нет, и срочно переименовали нашу будущую премию Камю в премию имени Белого. Имея виду Андрея Белого, который был поэтом и прозаиком, и публицистом, и общественным деятелем. И, кроме того, призом могла стать бутылка «Белой» – то есть просто водки. И до сих пор приз победителю премии Андрея Белого – бутылка водки и яблоко, поскольку, все-таки, учредители этой премии были милосердны, юны и понимали, что чем-нибудь закусывать да надо.

Сейчас я буду намного чаще использовать собственные премиальные проекты в качестве примеров.

С тех пор как премия стала одним из основных инструментов развития литературного процесса и повышения его связности, т.е. примерно с семидесятых годов двадцатого века, премии начинают множиться и разнообразиться. Появились даже антипремии, т.е. премии, пародирующие премиальный процесс сам по себе.

Например, сын замечательного британского романиста Ивлина Во Оверон Во – главный редактор журнала «Literary Review» учредил внутри этого самого журнала премию «За худший секс в английской литературе». Каждый год редакционный совет выбирает худшее описание секса в английской литературе, долго обсуждает, какие поплоше, потом публикует лонг-лист, шорт-лист и, наконец, имя победителя. И, надо сказать, что у этой премии

необыкновенно широкий медийный отклик. Пожалуй, мы бы и не знали о существовании как журнала «Literary Review», так и Обероне Во, недавно скончавшегося в почтенной старости, если бы не эта премия. При этом надо заметить, что ее лауреатами систематически становились не какие-нибудь там бульварные писатели (Оберон неоднократно указывал, что у них-то с описанием секса как раз более-менее ничего), а лидеры британского литературного процесса. Неоднократно выходило так, что в один год совпадало присуждение Британской Букеровской премии и Премии за худший секс одному роману.

В России из антипремий такого типа существует практически только один пример. Это присуждавшаяся длительное время и продолжающая свою деятельность премия «Абзац», вручаемая редакцией газеты «Книжное обозрение».

Придумал ее я, не скрою, что под некоторым воздействием премии Оберона, и от восторга от того влияния, которое получил за ее счет «Literary Review». «Абзац» внутри себя имеет несколько номинаций. Это «Абзац» за худшую корректуру, «Абзац» за худшую редактуру, «Абзац» за худший перевод и Гран-при антипремии «Полный Абзац».

Примерно с третьего года присуждения премии мы добавили дополнительную спецноминацию, которая именуется «Почетная безграмота» и вручается не книгам, но деятелям государства, науки, которые своей активностью способствуют оболваниванию и оглуплению сограждан. В один из годов «Почетная безграмота» была вручена, простите, была присуждена – за ним еще поди побегай – Константину Львовичу Эрнсту – генеральному директору Первого канала. Кажется, в этот год вышли одновременно «Золотой теленок» и что-то еще такое – литературное сериалы по книгам просто отвратительного качества.

По-моему, в первый год, когда «Почетная безграмота» присуждалась, она была дана группе парламентариев, выступивших с законом о русском языке, изумительно безграмотным и подрывающим самое русский язык, и, кроме того, написан он был на каком-то чудовищном канцелярском волапуке. Медиа-покрытие по этой теме грандиозно, оно не может сравниться ни с какими акциями и предприятиями «Книжного обозрения».

В этом году, наконец, уже без моего участия, но полностью блюдя мои заветы, редакция газеты «Книжное обозрение» сделала знаковый шаг. Премия «Абзац» совпала по объекту присуждения

с российской Буковской премией. Роману Елены Колядиной «Цветочный крест» достался не только русский Букер, это загадочное явление, но и премия «Полный абзац» досталась этому роману тоже. Но что же делать, если русский Букер сделал шаг к нам на встречу?!

«Своими руками» я сделал еще некоторое количество премий. Например, премию «Дебют» для молодых русских писателей (младше 25 лет), для которой были придуманы некоторые инструменты, технологии, которые с тех пор вошли в российский премиальный процесс.

Премия «Дебют» – это открытая премия, на которую может присылать произведения кто угодно. И мы смогли получить большое количество социальной рекламы, в том числе и телевизионной. Помните, по телевизору мелькали невнятные профили и говорили: Пушкин в двадцать пять лет уже командовал полком, а что сделал в свои годы для литературы ты? Там упоминались Пушкин, Шолохов и Гайдар, и они плавно сливались в одного писателя. В первый же год мы получили тридцать тысяч почтовых отправлений. Большая часть этих писем, по счастью, внутри содержало одно стихотворение. Возможно первое – дебют, в конце концов. Но, тем не менее, со всеми этими почтовыми отправлениями нужно было как-то работать. И не сказать, что мы, конечно, не ожидали, что любовь русского народа к литературе будет так велика. Мы понимали, что рано или поздно нам покажут, где поэты зимуют! Поэтому был придуман двухуровневый, двухпалатный механизм оценки рукописи.

Сначала возникли просто квалифицированные читатели, которые так и назывались – ридеры. Они должны были написать рецензию на каждое прочитанное произведение. И каждый ридер сдал в комиссию рецензию на каждое прочитанное произведение. Мы не были готовы к тридцати тысячам писем, правда. Мы не были готовы даже чисто технически. Я в это время только-только стал главным редактором «Книжного обозрения». У меня был большой кабинет, наверное, примерно, в половину меньше этого, может, даже, чуть меньше, чем в половину. И в углу этого кабинета лежал курган из писем, в которых граждане изливали свою боль и печаль. Поскольку параллельно с созданием премии «Дебют» приходилось еще перезапускать газету «Книжное обозрение», работы было очень много. Я часто ночевал на работе, и вот, когда уже совсем был опечален, подходил ночью к кургану, вытаскивал письмо и читал.

Две строки безвестного, к сожалению, автора навсегда остались в моей памяти, и я часто их цитирую, когда начинаю рассказывать

о премии «Дебют». Это было одно стихотворение – баллада о том, как парня вызывают на КПП, он подходит к границе запретки, там его ждет девушка, она приехала с маленьким сыном. Ну, примерно, представляете. Так вот две строки из этого стихотворения запали мне в душу. Герой смотрит на девушку с сыном. Сначала скупое, сдержанными словами описывает ее, а потом маленького мальчика: «А глаза мальчишки той прям как у отца». Что случилось с гендерной принадлежностью мальчишки?!

Мы не были, повторюсь, конечно, готовы к такому шквалу писем. И поэтому всякий раз, как я рассказываю эту историю, неизменно выражаю благодарность людям, которые приняли на себя основной удар – ридерам, литературным критикам, культуртрегерам. При этом надо сказать, что восемь тысяч писем проработал один ридер, один человек. Он занимался только поэзией, активно работал вот с этими одинокими листочками. И для того, чтобы справиться с этой титанической работой, он попросил редакцию «Книжного обозрения» только об одном одолжении. Позволить ему распечатать на принтере несколько листовок формата «А3». Мы, конечно, пошли ему навстречу.

Надо сказать, что к финалу, когда ридер должен был сдавать в премиальную комиссию свою работу, к каждому конверту степлером должна была быть прикреплена рецензия. Чтобы мы могли ее всегда прочитать, осведомиться, имеет ли какой-то смысл дальше развивать работу с этой рукописью. Этот ридер взял день на подготовку файла, а затем пришел распечатывать на принтере затребованные листы. Я как раз зашел в верстальную, чтобы его поприветствовать, и увидел, что из принтера лезут один за другим листы, расчерченные аккуратно сеткой, с одним крупным словом в каждой ячейке – «говно». Восемь тысяч писем, повторю, были обработаны этим ридером, и на каждом письме была пришта рецензия, временами чрезвычайно лаконичная, но были и другие. Присутствующие здесь деятели литературного процесса, я думаю, уже догадались, что этого отчаянного человека звали Дмитрием Владимировичем Кузьминым.

Все-таки давайте вернемся к мысли о том, зачем существуют литературные премии. Как вы думаете, сколько литературных премий присуждается в РФ? Только литературных! Не беря премии в сопредельных областях искусств. По списку Сергея Ивановича Чупринина, который приводится в его словаре «Новая Россия: мир литературы», чуть больше шестисот. То есть, примерно, две в день. Хотя, есть же все-таки Новый год, когда неловко присуждать

премию. Первое января. Нет тридцать первое еще ничего, а первого трудно попасть в премию рукой. Значит, абсолютное большинство этих премий, конечно, никому не ведомы. Ну, или, ведомы каким-то очень специальным вручаемым и вручающим. Например, существует премия «За наиболее достоверное и уважительное изображение образа милиционера в современной русской литературе». Странно, что эти люди не наградили Дмитрия Александровича Пригова за цикл стихов «О милиционере». Это свидетельствует только о полном отсутствии чувства юмора, что, впрочем, не так уж и удивительно.

Если мы все-таки попробуем более или менее серьезно задуматься о том, для чего вручается премия и что такое литературная премия и примем во внимание, что это не чистое распределение денег, рассеивание денег в природе, мы поймем: литературная премия - это управление общественным вниманием. Это элемент структурирования литературного процесса. Таковы, в особенности, молодежные премии. Или внутренние цеховые премии. Обществу, которое заинтересовано в чтении, но неспособно самолично протестировать все, что было выброшено на рынок, дается внятный сигнал: это нужно прочитать.

Неоднократно создатели различных литературных премий как в России, так и вне ее, указывали на то, что шорт-лист главных премий – это просто список обязательного чтения. Вот все остальное можете не читать, а это – надо читать. И часто так получается, что литературные премии становятся заложниками игры амбиций. Вопросов кто с кем на одном поле.

Если говорить о российском литературном мире, то с фокусировкой внимания в разной мере справляются премии различных уровней. Существуют большие премии, которые адресованы очень широкой аудитории, и которые занимают созданием общего представления о том, что такое порядочное чтение. Это, **в первую очередь, премия «Большая книга»**, стремительно ставшая самой значительной премией в России, в том числе и в денежном эквиваленте. Она – третья в мире по размеру приза: первая – Нобелевская премия, вторая – Дублинская премия IMPAS, третья – Российская Большая книга. При этом надо заметить, что и Нобелевская, и IMPAS - это международные премии, присуждаемые людям, пишущим на разных языках в разных странах. А «Большая книга» – это премия только для национальной сборной. У советских – собственная гордость, как было сказано по другому поводу, но, однако, логика культурного процесса, кажется, не изменилась.

Это премия «Национальный бестселлер», построенная петербургским издателем Константином Тублиным и замечательным мастером литературного скандала Виктором Леонидовичем Топоровым. Это премия «Русский Букер», которая не очень понятно, прекратила или не прекратила к настоящему моменту свое существование. Кажется, прекратила, хотя может быть и нет. Очень буду рад, если она воскреснет. И премия «Национальный бестселлер», и «Букеровская премия» в очень большой мере, конечно, обязаны своим существованием премиям британским – английской Букеровской премии и Уитбредовской премии. Это такие две образцовые европейские литературные премии.

История создания британской Букеровской премии поразительна, потому что она возникла как налоговая уловка, как инструмент оптимизации налогообложения. Несмотря на то, что в слове Букер всякому минимально ориентированному на английский язык уху слышится слово «книга», «бук», на самом деле к книгам название компании Букер не имеет никакого отношения. Ну, кроме того, что фамилия человека, который эту компанию основал и владел ею, была действительно Букер – «книжник». **В остальном же люди занимались совершенно другими вещами, сельскохозяйственными, это была довольно большая корпорация, которая успешно торговала овощами.** Ее финансовый директор играл в гольф с Яном Флемингом, автором романов о Джеймсе Бонде. Флеминг пожаловался ему на невообразимо свинское налоговое законодательство Британской империи того времени: авторские отчисления облагались чудовищным налогом. Если бы Флеминг был сам себе корпорация, его имущественные поступления облагались бы совсем по-другому. На что тот предложил: Ян, а что ты, собственно, страдаешь, давай мы у тебя возьмем в управление авторские права, все деньги будут перечисляться нам, налогов будем платить гораздо меньше, **из того, что останется, вполне хватит на то чтобы оплатить труд наших бухгалтеров, и на то, чтобы тебе доставалось побольше денег.** Флеминг горячо и радостно согласился и на протяжении очень короткого времени компания «Букер» образовала внутри себя литературный отдел, который стремительно обогатился, потому что стал управлять в интересах авторов правами на литературные произведения. Например, для Агаты Кристи, затем для ряда других авторов популярных книг.

Так скопилось довольно много прозы, и авторы были необыкновенно счастливы. А компания Букер вдруг обнаружила, что литературный отдел из приятной забавы и некоторой

респектабельной формы помощи неимущим..., хотя нет. Все-таки ни Флеминга, ни Кристи нельзя отнести к неимущим писателям. Тогда так: не так много имущим писателям. Забава превратилась в серьезную точку зарабатывания. Тогда все тот же финансовый директор обратил внимание на то, что можно увеличить количество писателей. А для этого создать литературную премию и предлагать лауреатам обслуживание в этой литературной корпорации. Так все и началось. Однако в скором времени налоговое законодательство изменилось и авторам больше не нужно было хитрить. А премия осталась. Ее вручали длительное время, в том числе и тогда, когда компания Букер обанкротилась, к сожалению. Уже после смерти основателя государство выкупило премию и оставило ее в собственном владении. Потому что эта премия стала серьезным инструментом структурирования литературного мира.

Русская Букеровская премия была учреждена теми же людьми. Я за руку держал человека, который учредил Британскую Букеровскую премию, когда он приезжал в Россию. К этому моменту он уже был совсем настоящим взбалмошным британским аристократом. То есть человеком в очень странной шляпе, такой, как если бы на ней сидели три поколения его предков. И абсолютно глухим, что не делало его ни менее деловитым, ни менее ярко соображающим.

Русская Букеровская премия имеет гораздо более скверную судьбу. Русскую Букеровскую премию выкупила компания, которая в то время развивала бренд водки «Смирноff» и надеялась, что русская литература и водка, как-то недалеко друг от друга располагаясь, могут способствовать энергии рыночной и культурной. В течение трех ближайших лет компания понесла тяжелые финансовые потери и пришла в такое состояние ума, что ей уже было не до русской литературы. Премия потеряла поддержку, но очень быстро нашла ее вновь в лице образовательной организации «Открытая Россия», созданной Михаилом Борисовичем Ходорковским. В течение, опять-таки, трех лет компания «Юкос» была разгромлена, Ходорковский посажен, счета, открытые в России арестованы. И русская Букеровская премия снова лишилась финансовой поддержки. И обрела ее вновь в лице компании «British Petroleum». Казалось бы, где русская Букеровская премия, а где «British Petroleum»? В течение примерно (снова!) трех лет, корпорация понесла тяжелейшие финансовые потери. Все, полагаю, помнят эту самую взорвавшуюся скважину в Персидском заливе. И все это из-за русской Букеровской премии, как теперь мы можем утверждать совершенно точно!

Пока российская Букеровская премия лишилась материальной поддержки, и на повестке дня стоит вопрос: будет ли кто ее поддерживать? А если будет, то зачем? Ближайшее будущее покажет. Я, конечно, полагаю, что лучшим решением в этом случае было бы, если бы ее стала поддерживать администрация президента Медведева.

Проект, который мы сейчас делаем с особым интересом – это проект премии «Просветитель». Я говорил о том, что российские литературные премии работают как с широкой аудиторией, так и с аудиторией более узкой. Например, премии, которые работают только с актуальной современной литературой, как «ЛитератураРентген». Мы, при поддержке замечательного фонда «Династия», учрежденного почетным президентом компании «Билайн», создателем «Вымпелкома» Дмитрием Борисовичем Зиминым, делаем премию, которая посвящена только научно-популярной литературе. То есть такой литературе, авторы которой берут некое научное знание и излагают его максимально доступным широким массам языком.

Такая литература была очень значимой в Советском союзе, а затем куда-то подевалась. Однако мы видим, что она не совсем исчезла. И если в первый год нас на полном серьезе спрашивали, сможем ли мы скопить на три года соискателей, то теперь мы видим, как год от года поток рукописей и книг растет. (Мы, к сожалению, не можем принимать совсем уж рукописи, потому что нам довольно быстро начнут присылать рассказы о том почему в центре Вселенной – планета Земля, вокруг которой вращается все остальное мироздание, а на ней находится нечто вроде апельсинового сада – мне присылали такую рукопись в «Книжное обозрение», но, по счастью, я не должен был ничего с ней делать, так, наслаждаться). Мы принимаем на «Просветитель» книги на этапе издательского макета. Поток макетов и книг возрастает, потому что направление общественного внимания на какой-то сегмент рынка начинает привлекать к нему и силу.

Единственное, что важно понимать, применительно к такого рода проектам, что все они непременно долгоиграющие. Мы с коллегами, которые, как и я, занимаются развитием премиальных или конкурсных процессов или просто думают о премиальных и конкурсных процессах, как-то обсуждали, каковы временные этапы существования премии. Вот, например, премия существует год. Она уже есть, или еще нет? Премия существует два года. Она

уже премия, или еще случайная флуктуация? Считается, что с третьего года премия именно начинает существовать. А с шестого года можно говорить о тенденциях в ее развитии, и ее прямом влиянии на литературный процесс. Так что все премии младше трех лет предлагаю считать не существующими, а младше шести – погибшими в колыбели.

В заключении, ответу окончательно на вопрос, заявленный в теме лекции. Как сделать литературную премию своими руками? Нет ничего проще! Достаточно понять какой сегмент литературы кажется вам требующим, настоятельно требующим, усиления общественного внимания. Понять, кто та аудитория, к которой вы хотели бы обратиться. Найти те инструменты, которыми можно обратиться к этой аудитории, которые для нее влиятельны. Использовать эти инструменты и восславить выбранный сегмент литературы, и делать это лет 10 подряд.

Спасибо!

В. В. Чепелев

Екатеринбург, премия ЛитератуRRентген

ОТКРЫТАЯ ЛЕКЦИЯ
«И В ГРОБ СХОДЯ, БЛАГОСЛОВИЛ»:
РОЛЬ НОМИНАТОРОВ В ПРЕМИАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ»
25 апреля 2011 г.

По мнению В. В. Чепелева, профессиональному сообществу интересен процесс движения символического капитала: кто выдвигает поэта на премию, и по каким причинам, т.к. это позволяет понять многое. Премия «ЛитератуRRентген» создана для того, чтобы эксперты от литературного сообщества прочитали молодых авторов и дали им возможность войти в литературный мир.

According to V. V. Chepelev, process of movement of the symbolical capital is interesting to professional community: who puts forward the poet on the award, and for what reasons since it allows to understand, whence there was this poet. The award "LitratuRRentgen" is created that experts from literary community have read young authors and have given the chance to them to enter into a literary world.

Премия ЛитератуRRентген существует с 2005 года в Екатеринбурге. Это провинциальная премия, ее литературный метод образовался в провинции, и поэтому мы со своими провинциальными штуками к ее созданию подходили. Нам это казалось важным. ЛитератуRRентген мы делали так.

Человек, например, живет, учится в Москве или Питере. Он, как нам тогда казалось, имеет больше возможностей хотя бы для элементарного вхождения в литературный процесс путем посещения фуршетов тех премий, в которых он не участник, а просто знает, где они проводятся. Екатеринбургский автор, челябинский автор такого себе не может позволить, но он не в меньшей степени, а, зачастую, в большей, достоин быть известным именно профессиональному сообществу.

И поэтому идея у нас была такая. Мы придумали так называемую коллегию номинаторов. Исходно в ее составе было несколько десятков человек, точнее, около двадцати из разных регионов нашей

необъятной страны, у которых есть какая-то русскоязычная поэзия. Эти эксперты были важны еще тем, что они представлялись нам некими центрами силы, которые способны создавать пресловутую литературную среду в своих городах. Примером у нас был Евгений Туренко из Нижнего Тагила, который создал, просто потому что он там жил работал, вокруг себя целую поэтическую школу, признанную литературной критикой. Вот мы и искали таких людей.

Мы сидели в одном из кафе Екатеринбурга и составляли списки. Все знают, что это очень приятное занятие. Таким образом была составлена первая коллегия номинаторов. Дальше, каждый номинатор представил нам участников – не было никакого свободного присылания рукописей на нашу премию, никогда не было. Каждый номинатор представил одного автора, который ему показался наиболее интересным, скажем, в своем регионе. Хотя регионами мы номинаторов не ограничиваем – вот если автор из Воронежа, он никого не обязан номинировать из Воронежа. Он обязан просто соблюдать условия премии.

Таким образом мы получили около двадцати рукописей. А в 2010 году было феерическое число – сорок четыре. Мы дошли до того, что у нас коллегия номинаторов разрослась до сорока четырех или сорока шести членов.

На следующий день после того как номинирование заканчивается, каждый из этой коллегии номинаторов, несчастный вот этот вот человек, получает все сорок шесть рукописей, которые и все его коллеги остальные прочитали. И вот этот этап в работе нашей премии я считаю самым важным. Потому что номинаторы – это главные лица нашей целевой аудитории. И возникают в этом дополнительные смыслы, например, почему этот молодой поэт в своем творчестве не похож на номинатора, который его номинировал. Поскольку нашей премии уже шестой год, мы стали делать некоторые выводы, начали считать: ага, в этом году я не знаю двадцать три имени из сорока шести – это 50%, а в прошлом году я не знал пятнадцать имен из тридцати девяти, значит, в этом году интереснее. И так далее.

Мы стремимся работать над формированием известности, не знаю, статуса молодого автора, просто помогать обретать какую-то известность и прочитанность молодежи среди аудитории профессионалов. Широкая аудитория, включая даже какую-то общегуманитарную образованную молодежь, студенчество, журналистов, она нас собственно не слишком интересовала. И не вполне интересуется сейчас, потому что с точки зрения целеполагания

охват этой аудитории нашими усилиями сегодня невозможен. Попадая в телевизор, мы то же самое и говорим: что не совсем понятно, зачем мы вас, господа журналисты, пригласили на какую-то передачу. В том числе и потому, что на практике, безусловно, понятно, что если мы говорим о современной поэзии, ее читает очень небольшое количество людей. И до этого небольшого количества, широкого читателя, если так можно сказать, молодой поэт начинающий, талантливый пробиться может лишь путем работы системы рекомендателей.

Таковыми, если говорить о прозе современной, могут являться критики разного рода, от «толстожурнальных» до «глянцевых», которые могут рекомендовать ту или иную эпопею, таковыми могут являться те же премии. Хотя зачастую читателям неважно, каков механизм присуждения премии Русский Букер.

Вот, опять же, случай на церемонии вручения нашей премии «ЛитератураРРентген», когда член жюри Александр Иличевский за день до проведения мероприятия получил Букер и чуть было не сорвал фестиваль. Потому что все журналисты Екатеринбурга, которые могли ходить, на него пришли. Они сильно преобладали над публикой и хотели получить хоть какое-нибудь общение с Иличевским. В 16.00–18.00 часов по екатеринбургскому времени объявили, что он получил Букер, а в шесть утра он прилетел к нам. Никому из этих журналистов не была интересна история: почему он ее получил, как он ее получил, кто входил в жюри и т.п. — это никого не интересовало.

А профессиональному сообществу процесс движения символического капитала интересен: кто, собственно говоря, благословил, кто конкретно, и тогда более-менее понятно становится, откуда есть пошел этот поэт.

В. С. Невелева
Челябинск, ЧГАКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье литературные премии рассматриваются как социокультурное явление, которое выступает предметной формой для идентификации и самоидентификации современного человека. Литературные премии осмысливаются в контексте проблемы «рабства и свободы» человека, модусов бытия и обладания.

In article literary awards are considered as социокультурное the phenomenon which acts as the subject form for identification and self-identification of the modern person. Literary awards are comprehended in a problem context «slavery and freedom» the person, modus life and possession.

Литературные премии на сегодняшний день – заметное явление культурной жизни и социальное явление. О литературных премиях можно вести речь с точки зрения их истории, исторической хронологии, в контексте исторической реальности; в социологическом аспекте интерес, прежде всего, представляет актуальное состояние этого явления, поскольку с ним связана деятельность различных субъектов культуры и социальных структур. Для культурологии (в широком значении этого термина) литературные премии, несомненно, представляют интерес и элемент в жизни культуры, поскольку литература, литературный процесс – неотъемлемая часть культуры. Для маркетинга в большей степени важны практические и прагматические аспекты функционирования элементов культуры, а следовательно, своеобразный бизнес-потенциал литературных премий.

Предметом рефлексии литературные премии могут стать и для философии. Философия же всегда предполагает проблематизацию при обращении к действительности, что осуществляется, прежде всего, через постановку вопроса о смысле. Вопрос о смысле литературных премий как явления в культурной жизни является философским. Смысл же рождается в отношении человека к чему-либо. Особенность вопроса о смысле в том, что к какому бы предмету он не относился, этот вопрос всегда порождает ситуацию одновремен-

ного осмысления данного предмета и понимания человека, вопрошающего о смысле. Поэтому философское размышление о литературных премиях есть одновременно и размышление о человеке. Задаваясь вопросами «что это?» и «зачем?» по отношению к литературным премиям, человек получает повод ответить на вопрос «кто я?». Литературные премии в таком случае выступают в качестве своеобразного зеркала, а отношение к ним человека в качестве основания для осуществления процедур интерпретации и идентификации человека.

Литературные премии – социокультурное явление, поэтому осмысление отношения к ним человека в то же время является осмыслением его отношения к обществу и культуре, к цивилизационным возможностям и культурным достижениям. Таким образом, частная проблема отношения человека к литературным премиям высвечивает общую философскую проблему соотношения свободно-творческого начала и предметных форм творческой деятельности, ее результатов.

Литературные премии и с точки зрения их собственной истории, и с точки зрения их актуального существования можно, во-первых, представить как явление социальное. Их становление и развитие в полной мере стало возможным в условиях оформления литературного рынка, когда вокруг словесности, литературного творчества сложилась сложная сеть интересов и взаимодействий различных групп, возникли особые роли и ролевые стратегии издателей, продавцов книг, литературных критиков, а, следовательно, возникли литературная полемика и борьба. По разнообразию и количеству существующих премий возможно судить о социальном устройстве, сложности его организации, о характере взаимоотношений между различными социальными субъектами, о социально-значимых приоритетах.

В своем актуальном состоянии литературные премии соответствуют основным существенным признакам социального института: это организованная форма деятельности, объединяющая людей, выполняющих определенные социальные функции; это совокупность социальных ролей, в связи с которыми складывается система общественных отношений; это и совокупность определенных норм и ценностей. Литературные премии имеют несколько социально значимых функций. Они выступают в роли социального лифта, что особенно важно для молодых писателей или писателей из провинции. Одним из примеров является независимая премия «Дебют», на

которую могут претендовать авторы не старше 25 лет. Значимыми функциями премий являются удостоверение литературного авторитета и его поддержание. Встречаясь с огромной массой продуктов художественного творчества, современный человек нуждается в проводнике, в ориентирах, роль которых выполняют, в том числе, и некоторые литературные премии. Как и другие премии, литературные премии являются формой поощрения за достижения, за заслуги, то есть выступают в качестве награды. В то же время литературные премии можно считать и формой стимулирования к созданию литературных произведений, поскольку без них вся огромная инфраструктура, сложившаяся вокруг литературного творчества становится невозможной. На сегодняшний день литературные премии, как правило, связаны с реализацией каких-либо культурных или социальных программ, с ними связан целый ряд специализированных видов деятельности (маркетинг, PR и др.), а, следовательно, они существуют как элемент культурной политики, то есть как самостоятельное цивилизационное явление.

Участвуя в литературных конкурсах различного уровня, сознательно включаясь в конкурентную борьбу за премию, писатель, с одной стороны, становится причастным к реализации какой-либо социальной или культурной программы. Вопрос только в том, что движет человеком, писателем в этом случае. Для писателя, поскольку он на всех этапах создания и продвижения своего произведения включен в сложную систему социальных связей и отношений, стремление участвовать и получать литературные премии не в последнюю очередь обнаруживает стремление к успеху, к славе, к новым возможностям, ко всему тому, что Н.А. Бердяев (вслед за М. Шелером) называл приятным, а Э.Фромм связывал с тем способом существования, который соответствует модусу обладания, если приобретают значение самодостаточности. Все подобные стремления человека названы Н.А. Бердяевым «прельщениями индивидуализма», каждое из которых он обозначал как специфическую форму рабства человека. Индивидуализм – неизбежная составляющая нашего времени, рыночных отношений. Его опасность для творческой личности в том, что ценности приятного обладают большой мощью и притягательностью. На этом фоне ответственной заботой творца становится удержание в себе свободно-творческой энергии как самостоятельной ценности. У современного человека вряд ли существует дефицит продуктов творческой деятельности, в том числе, маркированных определенным образом, например, получивших

престижную премию. Однако о каждом ли таком произведении можно сказать, что оно вызывает, пробуждает в читателе живую эмоцию, внутреннее напряжение, движение? Произведение может вызвать любопытство, но не стать у читателя поводом для диалога с писателем и самим собой.

Литературные премии не только социальное, но и культурное явление, это значимый элемент культурной среды, которая порождается функционированием литературных произведений, культурных продуктов и ценностей. Однако культура не сводится только к этому, ее основой, по Н.А. Бердяеву, является живой творческий акт, акт творческой свободы, в котором выявляется личностное, духовное начало, где человек, используя термин Э. Фромма, пребывает в модусе бытия. «Предпосылками модуса бытия являются независимость, свобода и наличие критического разума. Основная характерная черта модуса бытия – это активность, но не внешняя – в смысле занятости, а внутренняя, означающая продуктивное использование своих человеческих потенций... Это значит обновляться, расти, изливать свои чувства, любить, вырываться из рамок своего изолированного «я», испытывать глубокий интерес (к окружающему миру), страстно стремиться к чему-либо, отдавать» [1]. В процессе функционирования культуры всегда существует определенное несоответствие между овеществленными формами и непосредственным творческим актом, творческим огнем, поскольку он «затухает в продукте» (термин К. Маркса).

Литературное творчество всегда предполагает, что писатель выражает себя в произведениях, так как «творческий акт есть не только движение вверх, но и движение к другому, к миру, к людям» [2]. Литературные произведения – шаги к людям, в которых писатель несет им творческую энергию, огонь, но не претензию на некоторый совершенный культурный продукт, культурную ценность. Культура, разумеется, включает и совокупность культурных ценностей, образцов, идеалов. Она – произведение человека, но она способна и поработить его, «поработить высшим, а не низшим» (Н.А. Бердяев). Как совокупность вышеперечисленного она прельщает человека, поскольку превращается в самоцель и в таком случае подавляет творческую свободу человека. Творческая личность может оказаться в рабстве у культурных образцов, идеалов, ценностей, когда овеществленные формы господствуют над живым творческим процессом, когда последний «скован» ими, когда они становятся фетишами для человека. Устремленность к созданию культурных продуктов как

неких образцовых произведений, способных претендовать на получение премии, может быть интерпретирована как ситуация рабства человека.

Премия может стать вожделенным предметом для человека. Само по себе желание похвалы, высокой оценки, успеха – естественное желание для любого человека. Человек – существо, в котором живут желание, страстное начало. Жизнь человека осуществляется через «сцепление» их с различными предметными формами культуры: вещами, символами, знаковыми средствами. Проблема человеческого существования часто заключается в том, чтобы удержать меру между этими полюсами – страстным, живым и предметным, овеществленным. Человеку важно не стать рабом ни одного из полюсов.

Список литературы

1. Фромм, Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или быть? [Текст] / Э.Фромм. – Киев : Ника-центр, 1998. – С. 270.
2. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря [Текст] / Н.А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – С.76.

А. В. Штолер
Челябинск, ЧГАКИ

**РОССИЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ:
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ РАКУРС**

В контексте современных тенденций литературно-художественного книгоиздания в статье раскрываются формы и интенсивность участия отечественных издательств в литературно-премиальном процессе (на примере национальных литературных премий: «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Русский Букер»).

In a context of modern lines of literary and art book publishing in article forms and intensity of participation of domestic publishing houses in literary-bonus process (on an example of national literary awards reveal: «the Big book», «the National best seller», «Russian Buker»).

Рассуждая о «книжном» воплощении литературных премий, представляется принципиальным разграничить два взаимосвязанных понятия: издательское дело (книгоиздание) и издательский (книжный) бизнес.

В отечественном книговедении издательское дело традиционно трактуется как «сфера общественной деятельности, связанная с подготовкой, выпуском и распространением книг, брошюр и др. видов непериодических изданий...» [7. С. 228]. **Синонимом данного понятия** является термин «книгоиздание». Издательское дело (книгоиздание) является структурообразующим элементом более широкой системы – книжного дела.

Книжное дело можно рассматривать как компонент социально-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей создание, тиражирование и распространение результатов творческого труда (произведений) в форме изданий. В определении А.Б. Долгина, данная сфера становится одним из тиражных секторов культуры как сферы производства/обращения символов и знаков [6. С. 109].

Функционирование книжного дела, как и прочих областях общественной практики, предполагает целенаправленное использование материальных, финансовых, трудовых и информационных ресурсов, т.е. подразумевает экономическую интерпретацию. При этом лишь

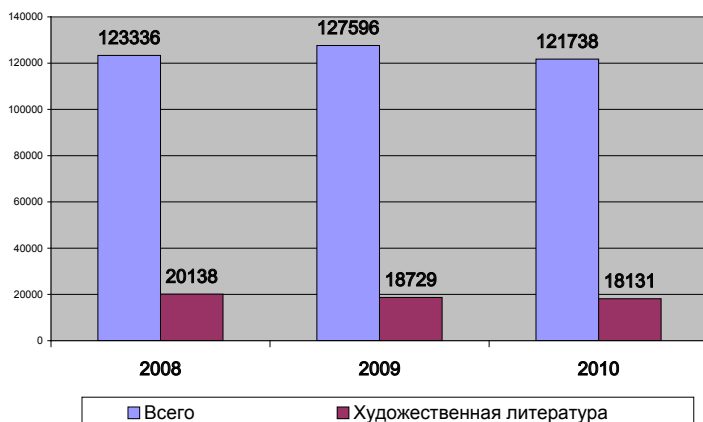
фрагмент данной сферы отечественные специалисты определяют как зону бизнес-деятельности. Критерий отграничения – получение прибыли как цель предпринимательской активности. Соответственно, книжный бизнес – книжное дело, осуществляемое с целью получения прибыли [11. С. 17]. Издательский бизнес – издательская деятельность, направленная на извлечение прибыли. Естественно, данный подход не предполагает изменения сути издательских процессов, меняются лишь акцентуации в их осуществлении.

Книжный рынок, формирующий параметры успешности издательского бизнеса, декларируется в качестве его внешней среды. Базовым критерием рыночного успеха книжного проекта становится объем продаж, что предполагает концентрацию внимания на: расширении ассортимента книжных изданий и увеличении их тиражей; построении эффективной системы дистрибуции растущего ассортимента.

О характере воздействия подобной акцентуации на качество литературного предложения сказано немало [4. С. 40–43; 5. С. 52–58; 6. С. 105]. Иллюстрация семантического разграничения понятий «книгоиздание» и «издательский бизнес» – позиция генерального директора издательства «Время» Бориса Пастернака: «Очень многие издатели – как люди интеллигентные, ... понимают, что издавать нужно разнообразную, познавательную, качественную литературу, рассчитанную на отдельные многочисленные группы читателей... Но как бизнесмены они следуют совершенно иной стратегии. ... мечта издателя-бизнесмена – выпустить одну книгу, но такую, чтобы ее купили все. ... Книгу продают сотнями тысяч экземпляров. Через месяц не вспомнишь, что это было. Бизнес состоялся, литература – нет» [1].

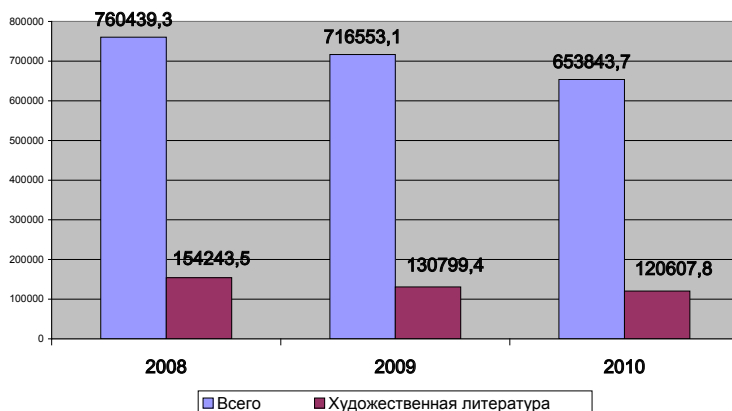
Прежде чем говорить о взаимосвязи литературно-премиального процесса и книгоиздания, прежде всего, литературно-художественного, необходимо обозначить общие тенденции развития последнего. Количественная характеристика динамики отечественного книгоиздания в целом и выпуска художественной литературы (ХЛ), в частности, на основании данных Российской книжной палаты, может быть представлена в следующих диаграммах.

Диаграмма 1. Динамика выпуска по количеству названий

Фактически можно говорить о более существенном провале выпуска ХЛ по количеству названий в сравнении общим показателем. Так, число названий ХЛ в 2010 г. по сравнению с 2008 г. снизилось практически на 10%, тогда общий выпуск «упал» лишь на 1,3% (за счет во многом инерционного роста в 2009 г. на 3,5%). Соответственно, снизилась и доля литературно-художественных изданий в общем объеме выпуска с 16,3 до 14,9%.

Диаграмма 2. Динамика тиража, тыс. экз.

И вновь можно говорить о более существенном снижении тиражей ХЛ в сравнении с общим выпуском (–21,8% для ХЛ и –14% для

совокупного тиража). При этом доля ХЛ в совокупном тираже, выпущенной книжной продукции, снизилась на 1,9% (с 20,3 до 18,4%).

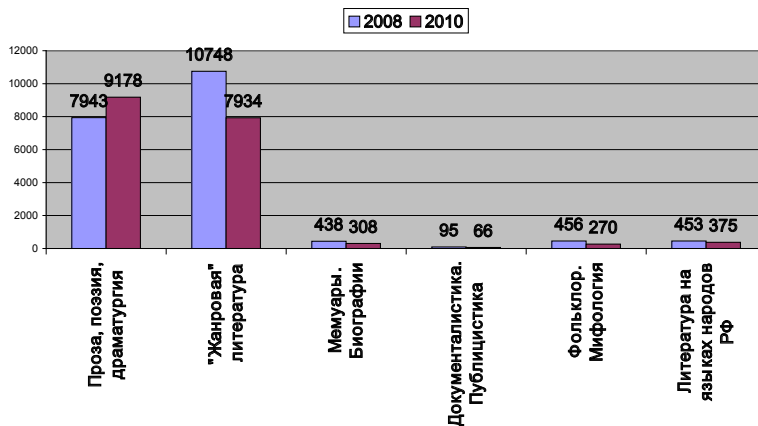
Диаграмма 3. Динамика среднего тиража, тыс. экз.

Динамика средних тиражей и ХЛ, и общего выпуска примерно идентична (–13,2% по ХЛ, –12,9% в целом). При этом средний тираж литературно-художественного издания даже при снижении более чем на 1 тыс. экз., составляет в среднем на четверть больше среднего тиража.

Тематическая структура выпуска ХЛ представлена в диаграмме 4.

Диаграмма 4. Структура выпуска ХЛ, названия 2008/2010

Рост на 16% числа названий по разделу «Отечественная и зарубежная проза, поэзия, драматургия» был обусловлен значительным увеличением выпуска переводной ХЛ (+50%) и минимальным – числа названий отечественной ХЛ (+3,9%). Снижение более чем на четверть (26,2%) числа изданий «жанровой» литературы обеспечили детективные и сентиментальные романы. Динамика выпуска по тематическим разделам представлена в таблице 1.

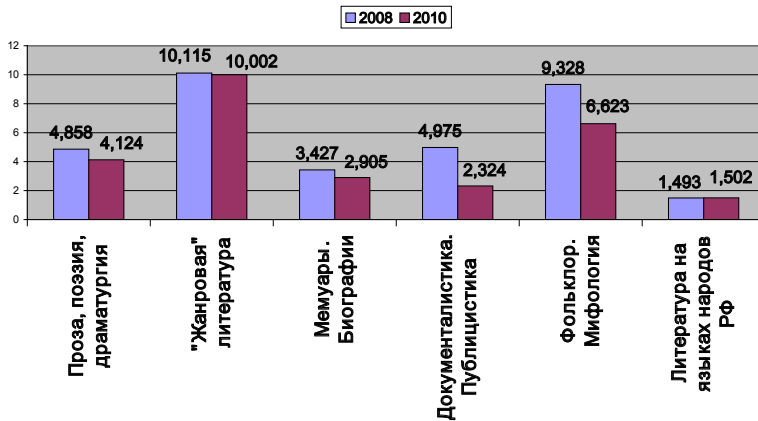
Таблица 1.

Динамика выпуска ХЛ по тематическим разделам

Тематические разделы	Отечественная художественная литература		Зарубежная художественная литература	
	Динамика числа названий, %	Динамика тиража, %	Динамика числа названий, %	Динамика тиража, %
Проза, поэзия, драматургия	3,9	-15,3	50,3	20,7
Детектив и приключения	-33,8	-35,6	-17,3	-13,1
Фантастика и мистика	-18,2	-9,4	23,7	55,5
Любовный роман	-51,2	-43,6	-44,6	-46,6
Исторический роман	8,4	-12,1	-22,5	-19
Всего	-15,4	-28,8	2,5	-5,6

Изменения тиражной политики отечественных издательств по выпуску ХЛ представлены в диаграмме 5.

Диаграмма 5. Средний тираж ХЛ, 2008/2010

Значение литературных премий как институционального механизма, опосредующего взаимодействие автора (произведения), издателя, читателя, в отечественном книговедении практически не изучалось. В этом контексте данную институцию можно рассматривать как форму экспертизы литературного творчества (его результатов и достижений), осуществляемой регулярно на формализованных основаниях (правила, положение о премии), позволяющих объективно (точнее, с определенной претензией на объективность) оценить и выбрать лучшие произведения одного или нескольких призёров из списка кандидатов. Характер состязательности (спора, соревнования, игры) в любой сфере творчества вызывает сомнения, с одной стороны, в его целесообразности, с другой, в возможности объективированной оценки. Так, Синклер Льюис отказался принять Пулитцеровскую премию (за роман «Эроусмит») в знак протеста против идеи лучшей книги года [3].

Фактически можно говорить о том, что литературные премии, наряду с прочими формами коллективной и индивидуальной экспертизы, выступают в качестве компонентов социокультурной инфраструктуры сферы литературного творчества, упорядочивая/организуя литературный «ландшафт», регулярно «картографируя» его (обозная направления движения, вехи и провалы, маркируя авторов и произведения), стратифицируя, удостоверяя и поддерживая литературные авторитеты.

Очевидно, что целевым адресатом различных форм литературной экспертизы выступает, в первую очередь, профессиональное

литературное сообщество (литераторы, критики, обозреватели, литературоведы, филологи). Но, с другой стороны, ввиду особого статуса литературного творчества, результаты подобной экспертизы востребуются гораздо шире, не только в рамках смежных профессиональных сообществ (книжного, в совокупности), но и в обществе в целом (массовая социальная коммуникация), отдельных сообществах любителей словесности-читателей.

Согласно электронному библиографическому указателю «Литературные премии России» [9] в 2009 г. насчитывалось 336 институций, в организационных документах которых использовалось соответствующее обозначение, различного уровня (общенациональных, региональных, местных), тематической и жанровой направленности. С учетом прочих форм коллективной экспертизы (фестивали, конкурсы книги, гранты и т.д.) можно предполагать о проведении порядка 500–700 мероприятий подобного рода. Соответственно, экстраполируя данные об интенсивности литературно-премиально-фестивально-конкурсного процесса, можно оценить его результаты примерно в 500–1500 экспертных заключений об отдельных произведениях, публикациях, книжных изданиях. Насколько данные результаты коррелируют с развитием отечественного книгоиздания? Вопрос сложный и не предполагающий однозначного ответа.

В России в тематическом разделе «Русская (российская) проза, поэзия, драматургия» ежегодно выходит в пределах 6000 тыс. наименований книг и брошюр. Соответственно, нижняя граница составит порядка 8%, верхняя 25% выпускаемых названий. Это в идеале, на практике же данные показатели оказываются гораздо ниже.

Суть механизма взаимодействия книжного дела и института литературных премий, по мысли Джеймса Ф. Инглиша, профессора, заведующего кафедрой английского языка **University of Pennsylvania**, – в трансформации символического капитала (независимость и авторитетность жюри, история и престиж премии) в экономический, посредством исключения для продвижения издания.

Так, традиция использования обозначения «обладатель премии» книгоиздателями и спонсорами для продажи и продвижения книг, авторов которых они сами наградили, восходит к поэтическим турнирам в Кембридже и Оксфорде в XVIII веке. Впоследствии в книжном маркетинге стали использоваться эвфемизмы, как «номинант премии» или «вошедший в шорт-лист (лонг-лист)» [8].

Данная практика породила стереотип о «переходе решающего голоса в принятии решений от тех, кто пишет книги, к тем, кто их

покупает и продает». По мысли профессора Инглиша, взаимозависимость престижа литературной премии и коммерческой результативности результатов ее экспертизы не столь очевидна и касается преимущественно наиболее известных («главных») премий. При этом данная тенденция, по мнению автора, реализуется только тогда, когда литературно-премиальные институции увеличивают собственную независимость «от технологии бестселлера» [8].

Формы освоения литературно-премиального процесса издателями в целом традиционны: номинация произведений, опубликованных издательством, на литературные премии; публикация произведений, номинированных на литературные премии. Цель коммерческих издательств – увеличение объема продаж изданий, отмеченных либо премией, либо включением в ее список.

Интенсивность освоения отечественными издательствами избранной формы коллективной экспертизы литературного творчества можно попытаться представить на примере наиболее известных национальных литературных премий: «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Русский Букер» (таблица 2). Причины данного выбора – не только финансовый «вес» (так, «Большая книга» одна из самых «дорогих» литературных премий в мире [12]), сколько медиарезультативность премиального процесса.

Таблица 2.

Издательское присутствие в национальных литературных премиях

Год	Длинный список			Короткий список		
	Всего номинаций	Изд-в	Номинаций	Всего номинаций	Изд-в	Номинаций
«Большая книга»						
2008	45	17	28	10	6	7
2009	48	18	33	13	4	8
2010	49	20	37	14	6	9
«Национальный бестселлер»						
2008	66	18	41	6	3	3
2009	62	24	39	6	6	6
2010	60	17	32	6	4	5
2011	61	19	40			
«Русский Букер»						
2008	23	19	18	6	4	5
2009	24	11	14	6	2	3
2010	24	13	18	6	4	4

Всего в трех сезонах (2008–2010 гг.) премий «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Русский Букер» книги и рукописи, представленные 66 издательствами, получили 260 номинаций (длинный список). При этом всего номинировалось 218 произведений (рукописей и книжных изданий), т.е. дублирование длинных списков крупнейших литературных премий применительно к издательской продукции составило менее 17%. Выявить какую-либо зависимость динамики издательского участия в национальных литературных премиях довольно сложно. Безусловно, в основном издатели формируют литературное предложение, которое становится объектом экспертизы профессионального сообщества: на их долю приходится 64,8% позиций лонг-листов крупных премий. При этом последовательное расширение издательского «присутствия» в течение трех последних сезонов наблюдается лишь в длинных списках «Большой книги» (с 62,2% в 2008 г., до 75,5 – в 2010).

В короткие списки попали 48 произведений (50 номинаций), представляющие 21 издательство. Доля издательств составила 68,5% позиций шорт-листов литературных премий.

Наиболее активные издательские структуры, с точки зрения участия в литературных премиях, представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Активность участия в литературных премиях

№	Длинный список*		Короткий список	
	Изд-во	Кол-во произведений	Изд-во	Кол-во произведений
1	АСТ	21	Ad Marginem	7
2	Время	18	Астрель	7
3	Эксмо	18	Время	5
4	Амфора	17	Эксмо	5
5	Астрель	13	Вагриус	3
6	Ad Marginem	9	Лимбус Пресс	3
7	Гаятри	9	Агентство «КРПА Олимп»	2
8	Лимбус Пресс	9	Амфора	2
9	Новое литературное обозрение	7	АСТ	2

10	Агентство «КРПА Олимп	5	Гаятри/Livebook	2
11	Вагриус	5	Авенариус (Таллинн)	1
12	Гелеос	5	Вита Нова	1
13	Геликон Плюс	5	Гелеос	1
14	Молодая гвардия	5	Геликон Плюс	1
15	ПрозаиК	5	Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской	1
16	Азбука/Аттикус	4	Издательство К. Тублина	1
17	Центрполиграф	4	Издательство Фонда «Пушкинская библиотека»	1
18	Издательство К. Тублина	3	Молодая гвардия	1
19	О.Г.И.	3	Первое сентября	1
20	Олма Медиа Групп	3	Флюид	1
21	Популярная литература	3	Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино	1
22	Снежный ком	3		
23	Анаграмма	2		
24	Издательство Фонда «Пушкинская библиотека»	2		
25	Книжный клуб 36,6	2		
26	Маска	2		
27	РИПОЛ классик	2		

Проблема влияния результатов литературно-премиального процесса на развитие отечественного книжного бизнеса традиционно рассматривается в контексте коммерческого успеха соответствующих издательских проектов. Фрагментарность информации об объемах продаж издательской продукции не позволяет объективно оценить степень взаимозависимости данных обстоятельств. Тем не менее, отдельные факты могут свидетельствовать о наличии определенной корреляции признания и литературного сообщества и, соответственно, читателей-покупателей. Так, продажи романа «Вольтерьянцы и вольтерьянки» В. Аксенова, лауреата «Русского Букера»

2004 г., выпущенного «Эксмо», составили около 100 тыс. экз. Объем продаж романа А. Геласимова «Степные боги» (лауреат «Национального бестселлера» 2009) составил 35 тыс. экз. Книги Е. Чижовой, Л. Юзефовича, А. Терехова – лауреатов «Русского Букера» и «Большой книги», выпущенных издательским холдингом АСТ, проданы в количестве 20–25 тыс. экз. [12].

Можно ли данные результаты интерпретировать в качестве свидетельства коммерческого успеха. В определенной мере, особенно в сравнении со средним тиражом книжных изданий по разделу «Русская (российская) проза, поэзия, драматургия» (в 2010 г., по данным РКП, – 3324 экз.). В очень малой мере, особенно в сравнении с показателями наиболее издаваемых авторов по художественной литературе в 2010 г., первая десятка которых имеет совокупные ежегодные тиражи от 1017,9 тыс. экз. (Е.Н. Вильмонт – 10 позиция) до 5459,5 тыс. экз. (Д.А. Донцова – 1 позиция) [10, 16].

Интерпретируя существующие статистические данные, оценивать перспективы коммерческого успеха издательских проектов номинантов и лауреатов отечественных литературных премий можно лишь с известной степенью условности. Но при этом можно говорить, что закономерность «литературная премия произведения – рост продаж издания» работает в отношении, во-первых, уже известных авторов, во-вторых, изданий, выпущенных крупнейшими издательствами, выстроившими эффективную систему дистрибуции.

В целом, как отмечают журналисты английской газеты «The Independent», литературные премии в России не имеют такого значения, как их западные аналоги: «...идея объединения коммерческого успеха с хорошей литературой пока так и не реализовалась» [13]. Данное обстоятельство обусловлено как сложностью ориентации в литературно-премиальном ландшафте; ограниченностью литературного предложения. Так, по мысли редактора издательства «Ad Marginem» М. Котомина, в последнем премиальном цикле 2009–2010 гг. не появилось новых имен, а большинство авторов, обозначивших свое присутствие в литературном пространстве в 1998–2005 гг., сосредоточены в крупнейших издательских структурах [2].

Список литературы

1. Бизнес состоялся, литература – нет? / опрос подгот. М. Бойко, О. Рычкова, А. Щербак-Жуков // Независимая газ. – 2008. – 22 мая. – (НГ-ExLibris). – То же [Электронный ресурс]. – URL : http://exlibris.ng.ru/izdat/2008-05-22/2_biznes.html.

2. Вперёд, в самиздат!: выступления на 5-м Открытом кн. фестивале / А. Фефелов, Б. Куприянов, М. Котомин // Завтра. – 2010. – 23 июня (№25). – То же [Электронный ресурс]. – URL : <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/10/866/61.html>.

3. В поисках хороших текстов: на вопросы журн. отвечают отеч. лит. обозреватели: Л. Данилкин, Г. Дашевский, Е. Дьякова, М. Кучерская, Е. Новикова // Иностран. литература. – 2009. – №7. – То же [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.pro-books.ru/sitearticles/2028>.

4. Долгин, А.Б. Плацебо-эффект в литературе [Текст] / А.Б. Долгин // Критическая масса. – 2004. – №2. – С. 40–43;

5. Долгин, А.Б. Ухудшающий отбор на рынке литературы [Текст] / А.Б. Долгин // Кн. дело. – 2004. – №1. – С. 52–58.

6. Долгин, А.Б. Экономика символического обмена [Текст] / А.Б. Долгин. – 2-е изд., доп. – М.: Прагматика Культуры, 2007. – С. 109.

7. Ленский, Б.В. Издательское дело [Текст] / Б.В. Ленский // Книга : энцикл. – М., 1999. – С. 228.

8. Инглиш, Дж Ф. Управление вкусом / Дж. Ф. Инглиш // Критическая масса. – 2006. – №2. – То же [Электронный ресурс]. – URL : http://artpragmatica.ru/km_content/?auid=50.

9. Литературные премии России [Электронный ресурс] : список премий информация о них / сост. М.Е. Бабичева; Рос. гос. б-ка. НИО библиографии. – URL : <http://www.rsl.ru/ru/s3/s331/s122/s1223629/s12236293630/>. – Загл. с экрана.

10. Печать Российской Федерации в 2010 году: краткая версия [Текст] / ФГУН «Рос. кн. палата». – М., 2011. – С. 16.

11. Предпринимательство в книжном деле : справочник [Текст] / Б.С. Есенькин, Г.Н. Ершова, В.Д. Синянский и др.; под ред. Ю.Ф. Майсурадзе; Моск. гос. ун-т печати. – М.: МГУП, 2003. – С. 17.

12. Юзефович, Г. Согласные на медаль / Г. Юзефович // Итоги. – 2010. – №47. – То же [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.itogi.ru/iskus/2010/47/159168.html>.

13. The Independent: «Как изменилась российская литература?» [Электронный ресурс] / А. Асланян // pro-books.ru. Книжный бизнес Online. – URL : <http://www.pro-books.ru/sitearticles/7001>. – Загл. с экрана.

Примечания

* Включены издательства, не менее 2-х изданий которых вошло в длинные списки.

Л. С. Перчик
Челябинск, ЧГАКИ

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ОБЗОРЕ:
СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СИСТЕМА И ЕЕ НАГРАДЫ**

Государственные и Ленинская премия – престижные государственные награды советского периода. Перечисленные нами произведения – действительно высокохудожественные повести и романы, взять, к примеру, книги русских писателей Василия Шукшина, Валентина Распутина, Виктора Астафьева киргиза Чингиза Айтматова, аварца Расула Гамзатова, чукчи Юрия Рытхэу. Однако судьбы каждого из них и их книг зависят не только от количества заслуженных наград, но и от политической обстановки в стране.

State and the Lenin award – prestigious state awards of the Soviet period. The products listed by us – really highly artistic stories and novels to take, for example, books of Russian writers Vasily Shukshin, Valentine Rasputina, Victor Astafeva of Kirghiz Chingiza of Aitmatov, аварца Rasula Gamzatova, чукчи Yury Rytheu. However destinies of each of them and their books depend not only on quantity of well-deserved rewards, but also from political conditions in the country.

Литературные премии России – премии, вручаемые в области литературного творчества в Российской Федерации. Задача литературных премий – поощрение литераторов за достижения в области литературы, признание заслуг лауреатов и влияния, оказанного ими на развитие литературы в целом или ее отдельных направлений.

Премии учреждаются государственными и муниципальными организациями, общественными объединениями профессиональных и любительских литераторов, благотворительными фондами, частными лицами и компаниями, вручаются как за последнее произведение автора, так и по совокупности сделанного. Премии дифференцируются по различным родам и видам словесности (поэзия, проза; детектив, фантастика и т.д.), по возрасту авторов, тематике произведений и т.д. («Литературные премии России – Википедия»).

Премии советского периода:

1. Премия имени Сталина по литературе.

2. Ленинская премия.
3. Государственная премия СССР.
4. Государственная премия РСФСР.
5. Премия Ленинского комсомола.
6. Премия КГБ в области литературы и искусства (лауреаты - Василий Ардаматский, Юлиан Семенов, Александр Антокольский)
7. Премии МВД СССР по литературе (лауреаты – Эдуард Хруцкий, Леонид Словин).

Первые премии в сфере культуры возникли еще в дореволюционной России. Первая премия в области словесности была учреждена в 1832 году уральским горнозаводчиком Павлом Демидовым (он был почетным членом имперской академии наук). Первой премией, вручаемой за литературную деятельность, стала Пушкинская премия (1881г.) Первой литературной премией СССР стала Сталинская премия (1940). Учрежденная ранее Ленинская премия первоначально вручалась только за научные труды, присуждать ее за произведения литературы и искусства стали только с 1957 года.

Государственные премии СССР: Государственная Сталинская премия(1941-1952)

Первыми премиями в области культуры в СССР стали Сталинские премии, учрежденные 20 декабря 1939 г. Премия была учреждена в честь 60-летия Сталина в 1939г. и присуждалась с 1941 по 1952 год ежегодно за работы в различных отраслях, в том числе в области художественной литературы и истории литературы по трем степеням.

Первую Сталинскую премию по литературе получили Алексей Толстой и Михаил Шолохов. Некоторые писатели и поэты не один раз получали эту премию: Константин Симонов, Иван Пырьев, Юлий Райзман -6 раз; Самуил Маршак -4, Николай Тихонов – 3.Рекордсменом по числу присужденных Сталинских премий был авиаконструктор С. Ильюшин, получивший ее 7 раз.

Особенно ценились писатели, обращавшиеся к ленинской тематике (Николай Погодин, пьеса «Человек с ружьем», 1941), к героическому прошлому России (Сергей Сергеев-Ценский «Севастопольские рассказы»1941), высоко ценилось песенное творчество Василия Лебедева-Кумача (за тексты общеизвестных песен, 1941), в детской литературе отмечены произведения Сергея Михалкова (трижды лауреат Сталинской премии: 1941, 1942, 1950).

Кроме того, Сталинской премией были награждены Илья Эренбург за роман «Падение Парижа» (1942) и роман «Буря» (1947); Леонид Леонов за пьесу «Нашествие»(1943); Алексей Толстой тре-

мя премиями: 1 и 2 части романа «Петр 1»(1941), «Хождение по мукам»(1943, премия была передана в фонд обороны на строительство танка «Грозный»), за пьесу «Иван Грозный»(1946, посмертно); Семен Бабаевский за роман «Кавалер Золотой Звезды»(1949), за роман «Свет над землей» - продолжение романа «Кавалер Золотой Звезды»(1950,1951); Юрий Трифонов за роман «Студенты»(1950г.). Из писателей национальных республик получил премию латыш Вилис Лацис (за романы «Буря»,1949; «К новому берегу»,1952).

Ленинская премия(1957-1991): Премии имени В.И.Ленина были учреждены 23 июня 1925 года по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК. Первоначально присуждались за научные труды. С 1935г. по 1957 г. Ленинские премии не присуждались. В 1941-1952гг. вручались Сталинские премии трех степеней. Восстановлена Ленинская премия была в 1956 году, присуждать ее стали ежегодно ко дню рождения В.И.Ленина – 22 апреля, а с 1967 года – 1 раз в 2 года (по четным годам).

В период 1956-67 гг. Ленинская премия была самой престижной государственной премией высшего уровня, количество лауреатов ее было велико. Положение о Ленинских премиях (17.02.1967) определяло круг государственных, общественных и научных организаций, которые имели право выдвигать работы на соискание Ленинских премий. Среди них – правления союзов писателей, художников, композиторов, журналистов, издательства, редколлегии газет и т.д. На соискание Ленинских премий могли выдвигаться произведения литературы, напечатанные не позднее, чем за год до установленного срока представления кандидатур. Лицам, получившим Ленинскую премию, присваивалось звание «Лауреат Ленинской премии», вручалась золотая нагрудная медаль, диплом и денежная премия (7500 рублей). Повторно Ленинские премии не присуждались.

За все названные годы Ленинская премия вручена была сорока одному лауреату, в том числе, посмертно: Мусе Джалилю, Михаилу Светлову, Гафуру Гуляму, Василию Шукшину, Кайсыну Кулиеву.

Среди лауреатов Ленинской премии 19 представителей национальных республик : М. Джалиль, М. Ауэзов, М. Рьльский, М. Турсун-Заде, Ю. Смуул, М. Стельмах, П. Бровка, Э. Межелайтис, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов, О. Гончар, Г. Гулям, И. Мележ, Й. Авижюс, Н. Думбадзе, М. Бажан, М. Карим, В. Быков, К. Кулиев. Представлены республики СССР: Украина, Белоруссия, Литва, Эстония, Киргизия, Башкирия, Узбекистан, Таджикистан, Татарстан, Балкария.

В 1967 г. была учреждена Государственная премия СССР, но ее уровень был менее престижный, чем Ленинской. Она вторая по важности литературная премия после Ленинской и стала преим-

цей Сталинской премии, присуждавшейся в 1941–1954 гг. Лауреаты Сталинской премии могли обменять свои медали и документы на соответствующие атрибуты Госпремии. Присуждалась премия в период с 1966 по 1991гг. Учредитель – ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Цель – поощрение авторов за наиболее талантливые высококачественные произведения литературы. Приз – диплом и почетный знак с указанием года присуждения премии. Среди награжденных были писатели, ученые, деятели искусств, до 100 человек ежегодно. В союзных республиках были учреждены республиканские Государственные премии.

Среди лауреатов Госпремии СССР – Иракий Андронников, писатель, литературовед, мастер устного рассказа, за книгу «Лермонтов (1967). Исследования и находки», Василь Быков (белорус, 1974, за повести «Дожить до рассвета» и «Обелиск»), Абдижамил Нурпеисов (казах, 1974, за роман «Кровь и пот»), Михаил Алексеев (1976, за роман «Ивушка неплачущая»), Андрей Вознесенский (1978, за сборник «Витражных дел мастер»), Роберт Рождественский (1979), Олесь Гончар (украинец, 1982, за роман «Твоя заря»), Сергей Алексеев (1984, за повесть «Богатырские фамилии»), Евгений Евтушенко (1984, за поэму «Мама и нейтронная бомба»), Владимир Высоцкий (1987, посмертно), Давид Самойлов (1988, поэт), Белла Ахмадулина (1989, за сборник «Сад»), Арсений Тарковский (1989, поэт, посмертно).

СУДЬБЫ лауреатов Государственной и Ленинской премий.

В доперестроечный период (до 1985 года) в учебные программы вузов по литературе, начиная с Московского государственного университета, входил курс «Литература народов СССР». С 1972 года этот курс начинает читаться студентам библиотечного факультета Челябинского государственного института культуры. Программа была составлена с учетом регионального компонента, однако за основу были взяты материалы учебной программы МГУ. Так как это был довольно объемный документ, рассчитанный на гораздо большее количество часов, чем отводилось для студентов библиотечного факультета ЧГИК (у нас курс читался в продолжение одного семестра), пришлось внимательно изучить содержание программы и, учитывая возможности провинциального вуза, «выбрать» авторов. Ими оказались лучшие писательские имена страны – лауреаты Государственной и Ленинской премии по литературе.

Украину представляли : Михаил Стельмах (романы «Кровь людская не водица», «Большая родня»); Олесь Гончар (роман «Тронка»);

Белоруссию – Василь Быков (военные повести), Алесь Адамович (писатель, получивший премии за книги о войне: «Я из огненной

деревни», «Блокадная книга», и, посмертно, – «За честь и мужество таланта», 1997 год); Светлана Алексиевич (лауреат премии Ленинского комсомола, 1986; премии Ремарка, 2001 и др.);

Прибалтику – Литва: Йонас Авижюс (роман «Потерянный кров», Эдуардас Межелайтис, (сборник стихов «Человек»); Латвия: Вилис Лацис (романы «Сын рыбака», «К новому берегу»); Эстония: Юхан Смуул («Ледовая книга»);

Казахстан: Мухтар Ауэзов (романы «Абай», «Путь Абая»);

Татарстан: Муса Джалиль (поэтический сборник «Моабитские тетради»);

Башкортостан: Мустай Карим (поэзия, драматургия, проза «Долгое-долгое детство»);

Киргизию: Чингиз Айтматов («Повести гор и степей», романы «Буранный полустанок», «Плаха»);

Дагестан: Расул Гамзатов (стихи, проза «Мой Дагестан»);

Балкарию: Кайсын Кулиев (стихи);

Калмыкию: Давид Кугультинов (поэмы)

Чукотку: Юрий Рытхэу (романы «Сон в начале тумана», «В долине Маленьких Зайчиков»).

Перечислены не все имена, но и этого списка достаточно, чтобы определить географический масштаб изучения многонациональной литературы многонационального государства. Студенты библиотечного факультета ЧГИК знакомились с именами известных в Советском Союзе писателей, читали и обсуждали их произведения (как, например, романы Ч.Айтматова, прибалтийских писателей и др.).

Перестройка в стране (1985-1991гг.), а затем и распад СССР (26 декабря 1991 года) произвели «перестройку» и в подходе к процессу обучения молодого поколения, «пересмотру» ценностей, которыми гордились несколько поколений советских людей. Изменились учебные планы, исчез из них ряд дисциплин, потерявших, по мнению новых «учредителей» учебного процесса, актуальность. Не «модно» стало говорить о патриотизме, а тем более, об интернационализме, что многие годы было краеугольным камнем отношений между народами нашей большой страны. Руководство библиотечного факультета, стараясь хоть как-то сохранить непопулярное теперь название, переименовало курс «Литература народов СССР» в «Литературу народов СНГ» (и не только в нашем вузе!), однако вскоре и в таком виде он перестал быть актуальным. Так «ушли» из программ имена лауреатов Государственных и Ленинской премии, представляющих в прошлом великую многонациональную литературу.

Справедливости ради следует отметить, что не все вузы так безжалостно расправились с историей литературы: например, в рабочей программе по литературе Тюменского государственного университета, которая утверждена и разработана 28.01.2009 года, есть имена Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова, Мустая Карима, Чингиза Айтматова, Юрия Рытхэу.

В ЧГАКИ в программу по отечественной литературе XX века включены, помимо русских авторов, имена Василя Быкова и Чингиза Айтматова. Как говорят, и на этом спасибо! И все! Не потому, что игнорируются другие авторы! – нет возможности говорить о них из-за очень небольшого количества учебных часов, отданных на литературные курсы в вузе культуры и искусства

В школьных программах из писателей-лауреатов Государственных и Ленинской премии значатся имена М. Шолохова, А. Толстого, В. Распутина, В. Быкова, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Шукшина.

Государственные и Ленинская премия – престижные государственные награды советского периода. Перечисленные нами произведения – действительно высокохудожественные повести и романы, взять, к примеру, книги русских писателей Василия Шукшина, Валентина Распутина, Виктора Астафьева киргиза Чингиза Айтматова, аварца Расула Гамзатова, чукчи Юрия Рытхэу.

Однако судьбы каждого из них и их книг зависят не только от количества заслуженных наград, но и от политической обстановки в стране. Так, к большому сожалению, травля белоруса Василя Быкова, начавшаяся в 60-е годы XX века, не заканчивается по сегодняшний день. В статье Сергея Шапрана «Травля Быкова» дается подробная информация о событиях, много лет подряд отравляющих жизнь писателя. Поэтому не удивительно, что сегодня появляются документы, инициирующие исключение из школьной программы (имеются в виду школы Белоруссии) произведений В. Быкова, С. Алексиевич и других, симпатизирующих опальному писателю, авторам.

Имя аварского поэта Расула Гамзатова в Советском Союзе было известно многим читателям: его книги издавались огромными тиражами, переводились замечательными русскими поэтами и писателями: Наумом Гребневым, Яковом Козловским, Владимиром Солоухиным и др. Народный поэт Дагестана, сын известного аварского поэта Гамзата Цадаса, он был награжден 13 орденами, в том числе, Орденом Святого Андрея Первозванного (2003 г., «за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы и активную обществен-

ную деятельность», «За заслуги перед Отечеством» (1999 г.), Орденом Дружбы Народов (1993 г.), орденом Петра Великого, тремя орденами Трудового Красного Знамени и др. Помимо Государственных и Ленинской премии, Гамзатов был лауреатом еще 12 премий. На его стихи сочинялись песни. Студенты знали его как автора знаменитых «Журавлей» и с удовольствием читали его прозу «Мой Дагестан». Сегодняшняя молодежь этого имени почти не знает.

К большому сожалению, мало знакомы студентам имена татарского поэта Мусы Джалиля и башкирского – Мустая Карима, хотя на Южном Урале коренное население – тюркское.

В одном из своих интервью (май 2000 года) на вопрос журналиста Александра Люсого: «Как сейчас издаются Ваши книги?» лауреат Ленинской премии Чингиз Айтматов ответил: «Мои издания сейчас в основном зарубежные – Европа, Япония, Америка. Больше всего в Германии, за последние семь-восемь лет общий тираж там – миллион экземпляров. Для европейского писателя это колоссальный тираж». – «Какие произведения переиздают чаще?». – Издают все произведения, последний мой роман «Тавро Кассандры» вызывает большую полемику, но я больше надеюсь на новые книги.

Киргиз Чингиз Айтматов, писавший свои произведения на двух языках (киргизском и русском), объяснил необходимость обращения чаще всего к русскому языку так: – «Сами Вы пишете по-русски?» – «Я пишу и по-русски, и по-киргизски, по-русски больше, потому что переводить с киргизского некому».

Корреспондента интересовал вопрос, каким образом писатель, непрофессиональный дипломат, стал послом. Ответ Ч. Айтматова разъяснил ситуацию: – «Это была целиком моя идея. Я сам решил выбрать для себя этот путь (...) кроме того, настало время, когда потребовалось выйти за пределы нашей системы, потому что, мне казалось, все, что я мог почерпнуть здесь для своего творчества, я это уже сделал, мне не доставало более широкого подхода». – «То есть, первичными были литературные интересы, или все же было желание проявить себя и как общественного деятеля? – И то, и другое. Это у нас сложилось такое мнение, что писатель должен быть только писателем, а поэт – только поэтом и так далее. На западе это редкий случай. Во-первых, никто из них, за небольшим исключением, не сможет в рыночных условиях прожить на своих небольших тиражах. Для хорошего романа тираж 10000 экземпляров там – это предел желаний, а у нас это только начало». – «Ну и как, не могу я не задать этот чисто журналистский вопрос, Ваш дипломатический опыт получает

отражение в Вашем творчестве?» – «В прямом смысле этого, конечно, не может быть. Когда-нибудь, возможно, всплывет какой-нибудь эпизод, появится какой-нибудь образ и из этой сферы. Дело не в этом, я смотрю шире. Вся европейская цивилизация, во всех ее многообразных проявлениях, предоставляет возможность многое увидеть в более масштабном диапазоне. Мы все были ограничены идеологическими догмами, а там давно все чувствовали себя свободными людьми. Это помогает более объемному видению нашей современности, что необходимо для возникновения новых замыслов, образов, сюжетов. Поэтому я не сожалею об избранном пути.

И все же следует признать, что лучшие произведения Чингиза Айтматова были созданы в советское время – его «Джамиля», «Первый учитель», «Буранный полустанок», «Плаха». Они по праву заслужили высокие государственные награды. Они по праву пользуются заслуженной репутацией востребованной литературы и у школьника, и у читателя библиотеки. И очень жаль, что в XXI веке составители учебных программ для вузов на считают нужным вводить курс «Литература ближнего зарубежья», который состоял бы из произведений вышеназванных писателей, в список предметов, обязательных для получения высшего образования.

Список литературы

1. Быков Василь Владимирович [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.shortbooks.run/bikov-biog.php>
2. Ленинская премия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.Wikipedia.org/wiki/%>
3. Ленинская премия в области литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.gues.eke/node/233897>
4. Премии в области культуры России и СССР [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.velid.com/premiums.html?id=rus>
5. Премия Ленинского комсомола в области литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/node/233928>
6. «Русский язык все время отодвигается на задний план»: запись интервью журналиста Александра Люсого с Чингизом Айтматовым в мае 2000 года в Москве [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apn.ru/publications/print/20450.htm>
7. Сталинская премия [Электронный ресурс]. – URL: <http://run.Wikipedia.org/wiki/%>
8. Шапран, С. Травля Быкова [Электронный ресурс]. – URL: http://bykau.com?page_id=253

В. В. Федоров
Челябинск, ЧелГУ

«ТОЛСТЫЕ» ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ О СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЯХ

В статье рассматривается профессиональная рецепция института литературных премий на материале критических публикаций в современных литературно-художественных журналах. Автор выделяет четыре основных направления «премиального» текста.

In article it is considered professional reception institute of literary awards on a material of critical publications in modern literary and art magazines. The author allocates four basic directions of the «bonus» text.

Литературные премии и «толстые» журналы формируют литературный процесс, отделяют плевела от зерен. Функции журналов и журнальной критики в этой парадигме сводятся к селекции номинантов и комментированию результатов. При этом большинство авторов этих самых изданий становятся членами жюри различных премий. Таким образом, формируется единое информационное пространство. С другой стороны, комментирование и интерпретация «премиальных» итогов есть способ анализа современной литературы и социума.

Предметом нашей статьи является *профессиональная рецепция самого феномена «литературная премия», то есть восприятие в профессиональной среде института литературных премий и связанных с ним смежных вопросов*. Материалом исследования стали критические статьи и публицистика в трех литературно-художественных журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион» за последние семь лет. Выбор изданий определили эстетические установки и социокультурные ориентиры. Условно говоря, полюс традиции представляет «Новый мир», либеральная, «золотая середина», направленность проявляется в «Знамени», а полюс авангарда в «Арионе». Временные же рамки (с 2005 года по 2011 год) обусловлены конкретным фактом – подведение итогов первого десятилетия развития русской литературы XXI века (С. Чупринин впервые употребил термин «нулевые» для обозначения данного периода).

Проанализировав «толстожурнальный» материал можно выделить несколько аспектов восприятия и интерпретации премиаль-

ного института. Во-первых, литературная премия как вид социальной практики, социальный институт. Во-вторых, как составляющая часть современной культурной и общественной жизни. В-третьих, как законодатель литературной моды, обнаруживающий и «выпячивающий» самые актуальные тенденции. В-четвертых, как «премиальный сюжет», особый нарратив, который имеет свои жанры и стилистику. В этих четырех основных направлениях мы и попробуем описать профессиональное отношение критиков и публицистов к данному феномену.

Самый главный вопрос – премия как социальный институт. Большинство авторов «толстых» журналов делают попытку объяснить саму природу литературной премии, специфику отношения всех субъектов и правила игры. Животрепещущей темой становится здесь уподобление литературной премии коммерческому проекту, который не поддерживает новые имена, а зарабатывает деньги и имиджевый капитал. В журнале «Знамя» (2008, №№ 3, 5) состоялась дискуссия между Анной Кузнецовой и Георгием Цеплаковым.

В статье А. Кузнецовой «Три взгляда на русскую литературу из 2008 года» работа литературных премий сводится к госзаказу, конъюнктурному сотрудничеству с властью. Автор включает свои рассуждения о премиях в более широкий контекст – отсутствие в современной России элиты, которая заменяется чиновниками и менеджерами:

«Теперь не самым плохим писателям вручают денежные премии “Большая книга”. В “эксперты” и “академики” новой премии тихо влились те члены АРС’С, которых менеджеры соизволили позвать. Почти ничего не изменилось. И никто ничего не заметил – узурпация литературной власти произошла по хорошо знакомому сценарию, так много раз опробованному российской политической властью, что все к нему давно привыкли. Узурпация власти у нас в стране – так уж исторически сложилось – норма.

Ведь что такое “Большая книга” – формируется список “знатных писателей” по хорошему известной модели. Именно в этом заключается госзаказ, именно поэтому здесь на кону такие непомерные деньги, разительно отличающиеся от всех известных литературных премий. Приз в три или два миллиона рублей при минимальной пенсии в полторы тысячи (и поколению детей не стыдно перед ограбленными отцами?) – более всего это напоминает установление размера Сталинских премий I степени в 300 тысяч рублей при средней зарплате менее 100 рублей. Знатных писателей можно только поздравить и пожелать им благоденствия» [7].

Георгий Цеплаков, наоборот, защищает и отстаивает проект в литературе и премиальном институте:

«Искусству вредит вовсе не проектный менеджмент. Ему вредит чересчур настойчивое навязывание законов менеджмента операционного» [9].

В целом авторы, развивающие это направление, показывают интерес к самому процессу и церемонии, механизмам присуждения премии. Так, например, Евгений Абдулаев в статье «Большой филфак, или «экспертное» сообщество?» («Знамя», 2011, № 1) пишет о факторах, определяющих имена победителей, о типичном поведении жюри:

«Ретроградом я быть не захотел и поставил поэтам-верлибристам высокие оценки. После чего в оргкомитете произошел довольно примечательный разговор, постараюсь его воспроизвести. “Вы, наверное, раньше не бывали в жюри?” – “Бывал... А что?” – “У вас в балах между поэтами не очень большая разница. А многие члены жюри, если им нравился кто-то один, сразу ставили ему максимальный балл, а всем остальным – самый низкий”.

Нет, дело здесь, думаю, не в “нечестной” игре.

И “ридер”, и члены жюри играли честно.

Просто действовали они как эксперты.

Иными словами, их оценки во многом определялись внетекстовыми, внепоэтическими факторами – делались с учетом властных, институциональных и прочих моментов» [1].

В этом отношении, как нам кажется, несколько релятивистскую позицию занимает Данила Данилов, который в статье «Московский счет, бессмысленный и беспощадный» («Арион», 2005, № 1) рассказывает о работе литературной премии «Московский счет». Автор прямо заявляет:

«Если эта премия так и не сделалась механизмом определения реальных лидеров поэтического сегодня, то индикатором профессиональных пристрастий и вкусов стала безусловно» [3].

Второй аспект, выделенный нами в «премиальном» тексте «толстых» журналов, – литературная премия как составляющая часть современной культурной и общественной жизни. Здесь лидером является Наталья Иванова («Знамя»). В ее статьях премиальные сюжеты почти всегда связаны с общественной жизнью России, общими социокультурными тенденциями. Один из генеральных тезисов всех ее статей на эту тему – общее снижение уровня образованности и художественного всех участников литературного процесса. И пре-

миальный институт отражает этот «упадок». Например, постоянным объектом критики автора является премия «Большая книга», оплот усредненности и массовости, а также «Национальный бестселлер» («Знамя», 2007, № 6):

«Как-то незаметно, но подверглась сюжету упрощения и премиальная система. Премия “Национальный бестселлер” – потому что бестселлер должен быть доступен массам, а массы, как замечал Ж. Бодрийяр, “представляют собой клонический агрегат, работающий от тождественного к тождественному, без обращения к иному”. Возьмем премиальную концепцию “Большая книга”. Большая? В самом названии уже содержится подход, ясный массам (страниц и букв должно быть много; толстая) и абсолютно не ясный экспертам (смешение всех и всяческих жанров). Упрощающая массовидность действует и через количество (сотня) членов жюри» [5].

Критик часто говорит о «культурной революции» гламура и глянца, о трансформации категории «читатель» в «покупатель», социальной конъюнктурности современной литературы и премиального института.

В очередной своей статье «Литературный дефолт» («Знамя», 2005, № 10) Н. Иванова определяет общее впечатление от работы литературных премий как раздражение, недоумение. На лексическом уровне этот тезис обыгрывается перефразированной цитатой «Если столько премий вручают, – значит, это кому-нибудь нужно?» [4]:

«Одним из общих раздражителей, действующих, по-моему, на всех (может быть, исключения есть среди убогатворенных и удостоенных), является система премиальная.

Неизбыточное раздражение литературной публики вызывает практически каждое – повторяю, каждое – решение того или иного жюри той или иной литературной премии. За последние годы я поработала в разных жюри разнообразных премий; одну сама придумала.

Литература, отмеченная экспертами, не влияет на выбор читателя. Или влияет, но в другую сторону – в сторону отторжения, отталкивания от литературы вообще.

Свежий прискорбный случай – сюжет Пушкинской премии года. Секция комиссии по литературе выбрала и утвердила тайным голосованием одну кандидатуру, а президиум утвердил другую. Отвратительное послевкусие. Ссоры и неприязнь среди выдвинутых. Неприязнь среди решающих – на самом деле, ничего не решающих, как оказалось псевдо. Неприязнь среди лоббирующих...»[4].

При этом Н. Иванова не боится делать прямых выпадов в сторону оргкомитета некоторых литературных премий, обвиняя в местничестве и пособничестве («Знамя», 2010, № 1):

«Вот А. Проханов исступленно борется против “либералов” в литературе, изоциренно придумывая все новые обвинительные заключения.

Либералы/демократы от литературы не столь успешно борются (как могут!!) с Прохановым, – правда, сдавая ему одну позицию за другой. (И премию имени И.А. Бунина, врученную ему жюри под председательством С. Бэлзы, – я имею в виду тоже.)

Но ведь – если чуток поскрести! – лит. происхождение-то близкое.

Все изумлялись: зачем издательству... жюри... и т.д. Так ведь все – родом оттуда. И А. Проханов, и председатель букеровского жюри, отдавший премию мамлеевско-сорокинскому эписгону, – из одного места родом. И все мы хорошо, просто отлично помним, как оно называлось» [6].

В приведенной цитате видна уже не столько литературная полемика, сколько мировоззренческое и политическое противостояние.

Третий подход к феномену литературной премии – законодатель литературной моды, обнаруживающий и «выпячивающий» самые актуальные тенденции. Так, анализируя «премиальные» итоги, многие авторы отмечают, что в них обнаруживаются ростки нового, аккумулируются назревшие идеи и формы. В статье С. Шишковой-Шипуновой «Писательские биографии становятся у нас популярным жанром» («Знамя», 2008, № 8) утверждается, что литературные премии и обнаружили интерес к литературной биографии:

«Когда в 2006 году только что учрежденная литературная премия “Большая книга” была присуждена Дмитрию Быкову за биографию Бориса Пастернака, выпущенную в серии ЖЗЛ, этому, кажется, никто особо не удивился. Через год ситуация повторилась, с той разницей, что Алексею Варламову за биографию Алексея Толстого, вышедшую в той же серии, присудили на конкурсе “Большая книга” не первую, а вторую премию.

На этот раз было чему удивиться. Само совпадение воспринималось как тенденция, правда, не очень понятная» [10].

В публикациях самых разных авторов именно литературная премия становится индикатором, обозначает поколенческий переход, смену имен. В статье Н. Ивановой «Трудно первые десять лет» («Знамя», 2010, № 1) заявляется о «вытеснении» молодым поколением старого при объявлении победителя «Букеровской премии» за 2005 год:

«Если говорить о прозаиках, это новая волна, вытеснявшая предшественников.

Впрочем, предшественники уходили и сами по себе.

Выразительным – в этом отношении – стало не столько решение жюри, сколько вручение премии “Русский Букер” за 2005 год.

Победителем стал Денис Гуцко, а председателем жюри был Василий Аксенов, с решением не согласный и демонстративно отказавшийся от своего участия в ритуале вручения.

Кто такой Денис Гуцко и какова его проза, знают и читатели нашего журнала – “Знамя” первым напечатало этого автора, отдав должное не столько веществу текста, сколько весьма острой и болезненной теме» [6].

Здесь же Н. Иванова отмечает и другую тенденцию, влияющую на премии:

«О жанре вообще позабыли – и, мне кажется, говорят и рассуждают об этой важнейшей категории только члены жюри трех премий – за лучший роман (“Букер”), за повесть года (“Белкин”) и за рассказ (“Казаковка”). Всему остальному – общий целлофановый мешок под названием “Большая книга”. Ну что это такое – большая книга? есть маленькая? средняя? А мерить как будем – в каких единицах?» [6].

Примерно об этом же пишет Лев Данилкин в статье «Клудж» («Новый мир», 2010, № 1). Он демонстрирует, как произошла переоценка литературных тенденций на рубеже 90-х и 00-х [2].

Показательна в этом отношении статья Льва Оборина, посвященная премии «*Antologia*» журнала «Новый мир». Автор делает и комментарий списков победителей, а также выявляет интенции данной премии, который можно определить как ориентация на традицию («Новый мир», 2011, № 1):

«Уже из этого списка видно, что «Anthologia» поддерживает «классическую», «традиционалистскую» ветвь русской поэзии, – эти слова я пишу безоценочно и с осторожностью, осознавая, что внутри «традиции» – множество векторов и смыслов» [8].

Четвертый аспект рецепции – «премиальный нарратив». Иными словами, рассказ об основных событиях работы премии, использование устойчивых повествовательных структур, жанров. Есть в этом направлении и особый подход. Интерпретация результатов премирования через описание «забавных» деталей, историй, произошедших на торжественных обедах, во время вручения. Например, ряд статей Анны Латыниной в «Новом мире»: «Случай Елизарова» (2009, № 4), «Воля к жизни и воля к смерти» (2005, № 12). В этом направлении мы можем выделить два устойчивых жанра. Во-первых,

речь лауреата премии без комментариев и критика. Так, например, в каждом третьем номере года журнал «Знамя» публикует речи финалистов премии имени Ивана Петровича Белкина. С другой стороны, появился прецедент, член жюри премии А. Белого, критик А. Барзах опубликовал в «НЛО» свои выступления.

Второй жанр – комментированный обзор конкретной премии: Данила Данилов «Московский счет, бессмысленный и беспощадный» («Арион», 2005, № 1), Лев Оборин «Журнальный вариант: премия «Anthologia»» («Новый мир», 2011, № 1).

Таким образом, современные литературные премии являются значимой частью литературного процесса, причем они попадают в сферу профессиональных интересов критиков и публицистов. Отдельный вопрос – журнальные премии, которые во многом отражают политику издания, его эстетические, художественные позиции и общественную направленность.

Список литературы

1. Абдулаев, Е. Большой филфак, или «экспертное» сообщество? [Текст] / Е. Абдулаев // Знамя. – 2011. – № 1. – С. 212–213.
2. Данилкин, Л. Клуб [Текст] / Л. Данилкин // Новый мир. – 2010. – № 1. – С. 135–170.
3. Данилов, Д. Московский счет, бессмысленный и беспощадный [Электронный ресурс] / Д. Данилов // Арион. – 2005. – № 1. – URL : <http://magazines.russ.ru/arion/2005/1/dd26.html>.
4. Иванова, Н. Литературный дефолт [Текст] / Н. Иванова // Знамя. – 2005. – № 10.
5. Иванова, Н. Сюжет упрощения [Текст] / Н. Иванова // Знамя. – 2007. – № 6. – С. 190.
6. Иванова, Н. Трудно первые десять лет [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамя. – 2010. – № 1. – URL : <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/iv16.html>.
7. Кузнецова, А. Три взгляда на русскую литературу из 2008 года [Электронный ресурс] / А. Кузнецова // Знамя. – 2008. – № 3. – URL : <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/3/ku15.html>.
8. Оборин, Л. Журнальный вариант премии «Anthologia» [Текст] / Л. Оборин // Новый мир. – 2011. – № 1. – С. 171.
9. Цеплаков, Г. Талант и лепта проектной литературы [Текст] / Г. Цеплаков // Знамя. 2008. – № 5. – С. 201.
10. Шишкова-Шипунова, С. Писательские биографии становятся у нас популярным жанром [Текст] // Знамя. – 2008. – № 8. – С. 194.

Е. А. Селютина
Челябинск, ЧГАКИ

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЕМА
«АПЕЛЛЯЦИЯ К АВТОРИТЕТУ»**

Литературная премия работает на создание некоей оценочной матрицы, которая существенным образом облегчает читательский выбор, создает рамки для движения в этом направлении, и, в общем, иногда заменяет это умственное усилие, предлагая готовое решение. И тогда процесс потребления становится исключительно комфортным: с потребителя / читателя снимается ответственность за обращение к творчеству определенного автора, все уже сделано за него. Литературная премия является в этом смысле авторитетом, к которому апеллируют все участники литературного процесса.

The literary award works on creation of a certain estimated matrix which essentially facilitates a reader's choice, creates frameworks for movement in this direction, and, in general, sometimes replaces this intellectual effort, offering the ready decision. And then process of consumption becomes exclusively comfortable: the consumer / the reader it is relieved of responsibility for the reference to creativity of the certain author, all is already made for it. The Literary award is authority to which all participants of literary process appeal in this sense.

Современный литературный процесс – чрезвычайно многоплановое явление. Одна из важнейших проблем, связанных с его осмыслением, заключается в попытках выстроить иерархию, которая бы показала значимость писателя с разных сторон: с точки зрения новизны художественной стратегии, актуальности проблематики и т.п. Это действительно интересный труд, связанный с прогнозированием роли автора в истории литературы. Причем мы здесь имеем в виду не только и не столько профессиональное сообщество (литераторов, критиков, преподавателей), которые в силу профессионального выбора создают рейтинги писателей, сколько обычного читателя, который, выбирая книгу, может преследовать разные цели, от гедонистических до гносеологических.

Специфика современного бытования литературного произведения заключается в неминуемой зависимости его от рынка, от развития книжного бизнеса. Поэтому в каждом произведении мы можем потенциально вскрыть две стороны: коммерческую успешность (возможность стать бестселлером) и литературную значимость. И хотя может показаться, что аксиологическая значимость произведений словесности несмотря ни на что абсолютна, на деле оказывается, что многие институты «чистой оценки» произведения естественным образом формируют читательский спрос, ожидания от текста и т.д. И прежде всего мы должны говорить здесь об институте литературных премий, получившем колоссальное развитие в последние десятилетия – более шестисот литературных премий сейчас в России, по словам критика, директора «Института книги» А. Гаврилова [4].

По мнению А. Рейтблата и Б. Дубина, литературные премии работают не столько на литераторов, сколько на само общество, которое их оценивает. То есть дело не столько в эстетических качествах текста, стилистике и т.п., сколько в том «кто и за что удостоивает премии то или иное произведение либо автора, как складывается дальнейшая жизнь лауреатов и их книг; социолог, историк получают принципиальную возможность соединять в своем анализе моменты *семантики* словесных образцов с *социальными характеристиками* учредителей, восприемников, почитателей, противников данного образца» [10]. И таким образом литературные премии оказываются важным инструментом оценки состояния общества в определенный момент времени.

Как нам кажется, литературная премия работает на создание некой оценочной матрицы, которая существенным образом облегчает читательский выбор, создает рамки для движения в этом направлении, и, в общем, иногда заменяет это умственное усилие, предлагая готовое решение. И тогда процесс потребления становится исключительно комфортным: с потребителя / читателя снимается ответственность за обращение к творчеству определенного автора, все уже сделано за него. Литературная премия является в этом смысле авторитетом, к которому апеллируют все участники литературного процесса.

Поясним, что мы имеем в виду, применяя термин «апелляция к авторитету» к предмету нашего исследования.

Традиционно апелляция к авторитету входит в комплекс аргументов – «фрагментов высказывания, содержащих обоснование мысли, приемлемость которой представляется сомнительной» [1]. И тогда, по словам лингвиста А. А. Волкова, «обосновать значит свести сомнительную или спорную для аудитории мысль к приемлемой.

Приемлемой может быть мысль, которую аудитория находит истинной или правдоподобной, правильной с точки зрения той или иной нормы, предпочтительной с точки зрения своих (а не ратора – отправителя речи) ценностей, целей или интересов» [1].

Если иметь в виду апелляцию к какому-либо личному / событийному и т.п. авторитету, то потребитель информации получает возможность задействовать собственный опыт, подключиться к общественному полю смыслов. Апелляция предполагает, что происходит «обращение к определенной предметно-смысловой области, которую аудитория рассматривает как отдельный и значимый источник внешнего или внутреннего опыта. <...> Определение инстанции оказывается продуктом, по крайней мере, внутреннего диалога, то есть обсуждения истории аргументативной ситуации. При этом инстанция (в персональном или безличном образе) предстает в качестве арбитра спора. Когда ритор стремится обосновать свою мысль убедительным для аудитории образом, он обращается к тому или иному источнику посылки, которая представляется приемлемой, и предполагает, что такое обращение приведет к согласию аудитории с предложением. Это значит, что для аудитории существенна апелляция к некоей смысловой области, которая и предстает как источник ценностного суждения» [1].

По мнению философа А. А. Ивина, таким авторитетом может выступать не только некая персона и комплекс ее суждений, но и традиция, к которой принято обращаться, чтобы суждение стало правдоподобным: «Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т.п., которой руководствуется в своём поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей. Такое влияние традиции на эффективность аргументации связано с тем, что она закрепляет те наиболее общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным, создаёт ту предварительную установку, без которой он утрачивает свою силу» [7].

Апелляцию к авторитету можно рассматривать, в том числе, и как удачный коммуникативный ход, который «оказывается достаточно действенным: ссылка на авторитет автоматически укрепляет позицию оратора в глазах реципиентов, сводит огонь возможной критики к минимуму, а также посредством ярких выражений и языковых образов усиливает выразительную силу выступления в целом и является своеобразным приемом языковой экономии» [2]. Т.е. коммуникация становится максимально психологически комфортной, т.к. ее субъекты

сообщают друг другу, что имеют схожий культурный опыт, схожие «горизонты ожидания».

Механизм премии работает в отношении читателя, который, потребляя определенное количество текстов, понимает, что все тексты в мире ему прочесть не удастся, и потому хочет быть уверенным – он читает качественную книгу. И как раз институт литературной премии может сформировать это уверенность. В этом смысле апелляция к авторитету выполняет коммуникативную функцию, связывая автора и читателя. Приведем здесь в пример одно частное мнение, высказанное в блоге одним читателем – оно весьма показательно для иллюстрации нашей мысли: «У разных книголюбителей разные взгляды на литературные премии. Есть люди, которые считают их не более чем частью маркетинговых стратегий издательских компаний. Я с ними в некотором смысле согласен, хотя в редкие моменты душевного подъема склонен думать, что подобные награды не только могут открыть всему миру истинные литературные жемчужины, но и помочь этим самородкам материально. <...> Но в моей жизни читателя эти премии играют еще одну важную роль: они являются для меня путеводителями в этих джунглях, в этом бесконечном лабиринте из переработанной бумаги и печатных знаков. Естественно, обладатель Букера может быть не лучше для моего литературного вкуса чем сотни других книг, издаваемых ежедневно, но как бы я узнал об этом, не перечитав все новые тома? Ведь так много книг, так мало времени в этой жизни» [12].

Особенно коммуникативная роль литературной премии заметна в области зарубежной словесности: метод апелляции к авторитету почти абсолютно работает в отношении литературы переводной. Апелляция к ведущим мировым премиям – Гонкуровской, Букеровской, Нобелевской – правильный маркетинговый ход для издательства, представляющего на книжном рынке нового писателя. (По словам Ф.Д. Инглиша, эта традиция восходит к поэтическим турнирам в Кембридже и Оксфорде в XVIII веке. Премия Томаса Ситона в Кембридже была впервые вручена в 1750 году и подразумевала публикацию лучшего стихотворения[8]). Иногда премия – это вообще единственный шанс узнать какого-либо зарубежного автора. Об этом говорят и обозреватели новинок иностранной литературы, отмечая, что это скорее норма, чем исключение, когда писателя переводят после получения премии какого-либо ранга (См., например, высказывание Е. Дьяковой, обозревателя «Новой газеты»: «Заметьте, в последние годы в России и нобелевских лауреатов начинают активно переводить и издавать после присуждения премии, но не до (исклю-

чение составляют Гарольд Пинтер и Орхан Памук). Помню, перед Парижским книжным салоном 2005 года, где страной-гостем была Россия, посольство Франции в Москве снабжало книжных обозревателей сборником статей французских критиков “Le roman fran” aís contemporain”. Я этот том прочла и поняла, насколько моя, на бегу созданная картина данного мира отличается от реальности. (По крайней мере от картины мира, созданной четырьмя почтенными парижскими критиками.) Конечно, читатель переводной литературы весьма зависит от посредников. От переводчика, от издателя, от превосходящих сил книжного пиара и рекламы. Но, боюсь, это неизбежно» [3]). Эту точку зрения подтверждает, например, судьба австрийской писательницы Э. Елинек, практически неизвестной в России до вручения ей Нобелевской премии по литературе в 2004 году.

По отношению к литературным премиям различных уровней (от региональных до мировых) существует достаточно много вопросов, из которых главный – критерии номинирования и награждения. И так как это достаточно сложная проблема, итоги премий, да и сам их институт вызывают к жизни достаточно много высказываний с иронической коннотацией. Например, высказывание писателя Л. Юзефовича о присужденной ему премии «Большая книга»: «Я прекрасно понимаю, что литературные премии сродни праздникам календарного цикла. Все даруемые ими блага, исключая денежный приз, имеют сезонный характер. Премия не корона, а переходящий кубок, который через год достанется другому. Приятно, разумеется, но у меня достаточно развито чувство юмора, чтобы не относиться к этому факту чересчур серьезно» [9]. Подобные мнения можно встретить и в журнальных дискуссиях, посвященных премиальным решениям разных лет. Например, высказывание критика Е. Новиковой о том, что Премии – « это “фишки” в своеобразной литературной игре» [3]. Мы можем предположить, что авторы стараются дистанцироваться от самой идеи конкурса, соревнования в культуре, потому что сущность премии – это всегда рейтинг, знаковая шкала, на которой приятно занимать лишь первые места. Любой творец, выпуская в мир определенный образец собственного творчества, уже полагает, что совершил серьезный шаг навстречу вечности. В этом смысле премия вызывает неудовольствие среди профессиональных литераторов, которые пытаются всеми силами показать, что не диплом премии важен, а сам текст.

Но, несмотря на это, однозначно можно считать, что литературная премия упочивает литературный и человеческий авторитет, и писате-

ли это прекрасно осознают. В том числе они понимают, что увеличивается и доля претензий по отношению к ним. Мы можем привести в пример интересный статус писателя З. Прилепина, который за последние годы получил чуть ли не все ведущие награды страны и, кажется, получит «Букер десятилетия», уже получив «Супернацбест». Оценивая свое место в современном социуме, писатель говорит: «Приходишь к Путину, что-то говоришь – кричат: не надо к нему ходить, что ты ведешь себя как ничтожество?! Не приходишь – как ты мог не пойти, ты что, трусил, тебе нечего сказать ему в глаза?!» [5. С. 70].

Особенно значим фактор утверждения литературного авторитета в отношении премий, участие в которых ограничено возрастом, таких, как премия «Дебют» или «ЛитератураРентген». Сами организаторы понимают, сколь значимо получение премии для автора, не достигшего двадцати пяти лет – это в полном смысле «путевка в жизнь», которая обеспечивает выход по крайней мере одной книги данного автора, или, по меньшей мере, участие в сборнике всех номинантов этого года с публикацией, помеченной «победитель». Интересный вопрос в этом смысле – судьба молодых победителей, он требует отдельного рассмотрения.

Даже известные литераторы соглашаются на то, чтобы издатели на обложках книг определяли значимость их персон апелляцией к авторитету литературной премии. Например, собрание сочинений А. Геласимова представляют через апелляцию к премии «Студенческий Букер – 2004», Л. Улицкую – «Русский Букер» и «Большую книгу» и т.п. Литературная премия верифицирует конкретное произведение, с которым автор выступил в определенный период времени, и тем самым верифицирует все творчество этого писателя, в том числе и в перспективном плане. В этом смысле мы должны говорить и о прогностической роли литературной премии: все, что ни напишет теперь данный литератор, автоматически будет отмечено издательским и читательским вниманием, а его место на литературной карте вполне определено.

Потому система апелляций к литературным премиям является актуальной для организации книжных серий массовой литературы – фантастики, детективов и т.п., которой занимаются все крупные издательства, и которая является ярчайшим примером системы перекрестных апелляций, перешедшей в разряд маркетинговой стратегии. Успешные проекты многократно тиражируются, постоянно вовлекая человека в процесс умножения объектов культуры. Здесь в качестве авторитетных позиций выступают имена известных писателей.

Так, например, по мотивам популярного романа С. Глуховского, получившего премию за лучший дебют 2007 года - «Метро 2033», издательством «АСТ» была создана книжная серия «Вселенная Метро 2033», в которой представлены фанфики в жанре постъядер / постнуклеар / постапокалипсис [11]. В них развиваются основные сюжетные коллизии основного текста, появляются линии развития судьбы героев текста и т.п., а действие происходит в различных городах России и мира, в которых есть метрополитен. У серии заметная обложка, на которой лицо человека закрыто наполовину маской. Сергей Глуховский - персона действительно известная (в том числе и в популярном проекте о культуре «Пресс-клуб» на телеканалах ATV и Культура), который сумел не просто воплотить в жизнь интересный литературный сюжет, но и создать целый мир для любителей фантастики, выступая в нем знаковой персоной. Так, одна из презентаций прошла в рассекреченном бункере Министерства связи на Таганке на глубине 60 метров. Роман также лёг в основу компьютерной игры Metro 2033.

Писательница и критик Л. Горалик рассуждая о причинах популярности жанра фэнфика, под которым она предлагает понимать в огрубленном виде тексты по мотивам известных произведений масскультуры, созданные по большей части непрофессиональными авторами и не претендующие на коммерческую публикацию. По ее словам, это определение никаким образом не рассчитывает на всеохватность (фэнфик может быть основан на произведениях классической литературы; автор может быть профессиональным писателем; текст может быть использован в коммерческих целях и т. п.), но позволяет представить себе в общих чертах поле текстов, о которых пойдет речь. Тем и примечателен проект издательства «Астрель», который перевел Сетературу в успешный бумажный вид.

Л. Горалик полагает, что фэнфик органичен массовой культуре вообще, т.к. представляет субкультуру фанатства, т.е. «приверженность потребителя масскультуры к ее продуктам, будь то телесериал, книга, музыкальная группа или спортивная команда, - а именно приверженность, заставляющую «фаната» предпринимать какие-нибудь активные действия в рамках своей тяги к тому или иному культурному явлению. <...> Вдаваясь в детали происходящего, воспринимая просмотр очередной серии «мыльной оперы» уже не как сорокапятиминутное развлечение, но как удаление с общей картины альтернативного мира еще одного белого пятна, фанат, в отличие от простого зрителя, создает собственную версию событий, оставшихся за кадром» [6]. Массовая культура активно продвигает мысль о

том, что каждый способен стать творцом, или, хотя бы, может оставить «авторитетное суждение» по любому поводу на многочисленных форумах Интернета или в социальных сетях.

По-иному организована серия, в качестве авторитетной персоны для которой выступает писатель Б. Акунин, неоднократно номинированный на «Букер» и «Антибукер». Издательство «Иностранка», одно из авторитетнейших в России в плане представления переводных изданий, создало проект «Лекарство от скуки» под девизом «Серьезный подход к несерьезному жанру», в котором выходят самые современные бестселлеры детективного жанра таких авторов, как Ж.-К. Гранже, Д. Уинслоу, Ю. Несбё, Э. Джордж, А. Перес-Реверте, Ф. Варгас, В. Макдермид, И. Рэнкин, Х. Манкелль и многие другие. На наш взгляд, такому издательству, как «Иностранная литература», название которого уже само по себе является авторитетом, понадобилось обращаться к имени Б. Акунина не только потому, что этот бренд привлек более широкую аудиторию, но и для того, чтобы активизировать собственно аудиторию журнала и издательства: т.к. за псевдонимом Б. Акунин стоит имя Г. Чхартишвили, многолетнего сотрудника журнала «Иностранная литература», литературоведа, переводчика и критика, авторитетной персоны для потребителей элитарной литературы.

Таким образом, мы можем говорить о том, что ссылка на авторитет литературной премии, апелляция к нему, становится своеобразной традицией для современного литературного процесса. Писатель может думать, что получает символическую оценку от профессионального сообщества номинаторов и жюри. Издатели полагают, что тем самым верифицируют книжную новинку в сознании потребителя. Читатели надеются, что получают уже отобранный экспертами продукт. Апелляция к авторитету в современной массовой культуре является одним из самых востребованных приемов – художественным, маркетинговым, логическим и т.п. Главный, на наш взгляд, результат его использования – воспитание сверхтолерантной к сфере повседневности личности, т.к. подвижность системы авторитетов и апелляций к ним размывают четкое представление о том, что действительно ценно и морально одобряемо в мире, делая приемлемым практически любой тренд, правильно и аргументированно введенный в сферу массовой коммуникации. Апелляция к авторитету закрепляет готовую систему ценностей массовой культуры, верифицирует новые элементы в ней, лишая человека необходимости критически рассматривать мир, предпринимать аналитические усилия для выработки индивидуального взгляда на мир.

Список литературы

1. Волков, А. А. Виды риторических аргументов [Электронный ресурс] / А. А. Волков // Слово: православный образовательный портал. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/>
2. Воронович, А. С. Апелляция к авторитету как коммуникативный ход публичной речи политического и религиозного дискурса [Текст] / А. С. Воронович // Сборник интересных статей: Филология, педагогика, экономика, философия, социальные науки Режим доступа: <http://c-articles.ru/apellyaciya-k-avtoritetu/2>
3. В поисках хороших текстов: На вопросы журнала отвечают отечественные литературные обозреватели: Лев Данилкин (“Афиша”), Григорий Дашевский (“Коммерсантъ-Weekend”), Елена Дьякова (“Новая газета”), Майя Кучерская (“Ведомости”), Лиза Новикова [Электронный ресурс] // Иностранная литература. – 2009. – № 7. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/no21.html>
4. Гаврилов, А. Как сделать премию своими руками: открытая лекция на семинаре «Литературные премии: Культура и маркетинг культуры: роль литературных премий в российском книжном бизнесе» [Текст] // См. материалы в данном издании.
5. Гаррос, А. Молодой хозяин [Текст] / А. Гаррос // Сноб. – 2011. – № 11. – С. 55 – 72.
6. Горалик, Л. Как размножаются Малфои: Жанр «фэнфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2003. – № 12. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/12/goralik.html
7. Ивин, А. А. Аргументация и логика: контекстуальная аргументация [Текст] / А. А. Ивин // Ивин, А. А. Логика: учебник для студентов вузов. – М.: Гардарики, 2007. – 240 с.
8. Инглиш, Ф. Д. Управление вкусом [Текст] / Ф. Д. Инглиш // Критическая масса. – 2006. – № 2.
9. Пульсон, К. Рассуждения о российских литературных премиях [Электронный ресурс] // URL: <http://novostiliteratury.ru/2010/04/rassuzhdeniya-o-rossijskix-literaturnyx-premiyax/>
10. Рейтблат, А., Дубин, Б. Литературные премии как социальный институт: пример дореволюционной России [Текст] / А. Рейтблат, Б. Дубин // Критическая масса. – 2006. – № 2.
11. Шакилов, А. Метро-2033. Война кротов. – М.: Астрель, 2010; Антонов, С. Метро-2033. В интересах революции. – М.: Астрель, 2010; Гребенщиков, А. Метро-2033: Ниже ада. – М.: Астрель, 2011.
12. URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/5148394.html>

ABSTRACTS**Abzalova I. R. Some Thoughts on the Profession of French as a Foreign Language (FLE) Teacher.**

The teaching of a foreign language, and most notably French, is not only teaching a means of communication but it is also sharing a language which is beautiful to both hear and to speak. It is the language of tens of millions of people around the world many of whom consider French to be the language of liberty and culture. It is this cultural dimension which strengthens the French speaking world. It is up to the FLE teacher to show the value in speaking French and to impress upon language learners that the choice to speak, write and even think in French is an act in favour of freedom and cultural pluralism.

Keywords: teaching, training, language, usage.

Ahtaeva L. A. The Problems of Classification of Intertextual Inclusions in the Scientific Texts.

The article deals with the problems concerning the classification and determination of intertextual inclusions. The author reveals the linguistic nature of the analyzed phenomena and dwells on the specificity of the use of the intertextual inclusions in different types of text.

Keywords: intertextuality, scientific text, precedent phenomenon.

Belous N. A. Character of Communicative Personality of Conflict Type.

The article is devoted to the description of characteristics of communicative personality which is recognized in the process of conflict discourse.

Keywords: communicative personality, illocutive intentions, thesaurus, lexicon, pragmaticon, conflict discourse.

Boiko A. I. Explication of Value “comfort” in Advertizing Discourse.

Marking importance of appealing to the value “comfort” in an advertizing discourse, we have investigated phonetic, lexical and grammatical means of English- and Russian-speaking advertizing messages that has allowed us to reveal similarities and distinctions in appealing to the given value in both advertizing cases.

Keywords: appealing, value, explication.

Bulycheva S. F. Semantico-syntactical structures of German proverbs with value of comparison and opposition.

Theme of this article is the lexical and grammatical analysis of the German proverbs containing elements of comparison and opposition. In proverbs the picture of the world and mentality of the people are reflected, therefore they always will be an object of research of linguists, psychologists and culturologists.

Keywords: semantico-syntactical structure, proverb, world picture, collective experience.

Vladimirova A. N. Language representation love as an indicator of human essence on an example poetic products Dzhin Indzhelou.

This article is devoted to one of the most difficult and significant aspects of human relationships – love. It should be noted that in psychology it is not easy to find any definition or description of the nature of love. In most scientific papers a human being in love is seen as a part of the system “man-man”. This article contains extracts from Jean Ingelow’s poems. They serve to indicate some of human’s characteristics, which are expressed by means of metaphorical concepts.

Keywords: love, human nature, metaphorical concept, linguistic representation.

Glinchevskiy E. I. Plane of contents of English economical professionalisms: denotative meaning & connotative nuances.

This paper analyzes the essence of its two key notions “meaning of word” and “sense of word” as of correlated categories of modern Linguistics; it provides a distinct differentiation between the denotative (foundation-forming) meaning of a word and connotations referred to the same word. The author grounds that it is possible for an English-language lexical unit, which acts as an economical professionalism, to obtain vivid and varied subjective connotations that fill their semantic structure with a rich figurative sense.

Keywords: meaning of word, sense of word, denotative meaning, connotation, economical professionalism.

Golandam A. K. Cultural and Historic Similarities of Language Realities in Azerbaidgan and Iran.

This article discusses the principle of selection a reality similar language in the Azeri and Persian languages. We consider the dictionary

language similar realities of Azerbaijan and Iran. A survey of the realities in each language.

Keywords: reality, culture, language.

Dragan R. V. Methodological Approaches to the Study Programs in Foreign Languages in Domestic and Foreign Education.

This article states the main problems of completion of educational programs on English for extralinguistic universities. The author made a comparative reappraisal of native and foreign approaches to selection of program contents. All possible principles of educational program compilation taking into account nature of a subject, particulars of language-intellectual activity of students, cross-disciplinary integration, variation and intercultural aspects of language are considered in this article.

Keywords: educational standards, language competence, professionally-oriented character of language, bilingualism, cross-disciplinary integration.

Kasyanova Yu. I. Translation-relevant Peculiarities in Russian and English Languages: Actual Articulation.

This article represents the grammatical aspects of translation connected with functional features of Russian and English languages.

Keywords: formal grammatical, logical, actual articulation, theme, rheme, translation.

Klimina L. V. Formation of Professional Competence of Future Teachers in the Work with Feature Text.

In this paper we offer to meet with a professional need for the modern teacher of Russian language for knowledge and skills in working with artistic text.

Keywords: competence, text, artistic text, text analysis.

Kotlyarova T. Ya. Extralinguistic Aspect of Undersyanding of Different Cultural Publisitic Text.

The article is devoted to the complexity of understanding foreign journalistic texts induced by the different extra-linguistic factors, such as lack of background knowledge essential to foreign culture and multiple differences between some concepts in the world-view of French and Russian people.

Keywords: foreign text, understanding, world-view, linguistic cultureme, background knowledge, presupposition.

Maksimova V. E. The Representation of Gender Stereotypes in Mass Media.

The author investigates gender stereotypes and the means of their expression in mass media. The author analyses the linguistic means used in magazines read by the young. There is an attempt to compare the linguistic means used in «men's» and «women's» magazines. The following notions are analyzed in the article: stereotype and gender stereotype. The author also investigates their function.

Keywords: stereotype, gender stereotype, gender, mass media, the linguistic means.

Naumov A. V., Naumova I. A. Functions of the metaphors from the source-domain "technique" in the political discourse of Great Britain

The article studies the peculiarities of realization of the main functions of metaphors from the source-domain "Technique" in the political discourse of Great Britain on the material of The Guardian and The Independent.

Keywords: political discourse, functions of metaphors, metaphorization.

Nikiforova E., Nadobko Yu. Basic Communicative Strategies in Juridical Discourse.

The article deals with communicative strategies within juridical discourse. The authors especially emphasize the use of the main strategies, such as those of persuasion, deconstruction and interpretation. The analysis is based on trial notes of one of the cases dealt with by one of Russian courts.

Keywords: communicative strategies, convincing strategy, deconstruction, interpretation, discreditation, reference to authorities.

Pelipas N. A. Intertext in N.Erdman's Books.

At the turn of XX- XXI intertextuality became the sign of verbal works that is confirmed by the use of different spheres of speech creation. The theme is actual because N.Erdman's works are not studied widely especially the usage of intertext. N.Erdman gives preference to the abstract function of intertext that is why it is well recognized. The elements of "foreign texts" of N.Erdman's prose are multifunctional.

Keywords: intertext, intertextuality, allusion, quotation, reminiscence, reference.

Polekhina E. A. Zoomorphisms in youth slang (Russian and American English)

The article focuses on the status of zoomorphisms in Russian and American youth slang. The author analyses the most frequently used thematic groups of zoomorphic slang connected with the everyday activities of a person; defines the semantic similarities and differences of the zoonyms in both languages; describes their dependence on the ethnocultural peculiarities of the compared cultures.

Keywords: zoomorphisms, zoomorphic culture code, metaphoric transfer, ethnocultural stereotypes, youth slang.

Polinichenko D. Yu. Alphabet as an Object of Metalanguage Reflection in Amateur Linguistics.

The paper deals with contemporary Russian amateur linguistics. The hypotheses of the origin of different alphabets and the interpretations of alphabet as text are analyzed.

Keywords: metalanguage reflexion, amateur linguistics, alphabet, runes.

Pyataeva N. V. Genetic Paradigm as a Unit of Systematic Dynamic Research in the Russian Language Vocabulary (to the Problem of Extraction and Qualification).

In article the problems of diachronic description of lexical-semantic system of Russian from Common Slavonic's up to the modern state on the basis of research of genetically close lexicon united in derivational, root and etymological families are considered. The author proves the opportunity and necessity of distinguishing of a new complex lexical unit – a genetic paradigm in the structure of which etymological family of words on the basis of a genetic generality and semantic relations their components are united.

Keywords: lexical-semantic system, diachronic lexicology, lexical, derivational, root and etymological families of words, genetic paradigm.

Radchenko G. P., Rozinkina T. A. To the Question of Influence of Johan Paul Fridrich Nitzshe (Jean Paul) on the Development of German Romanticism.

This article is devoted to the to the basic questions of Jean Pauls writer's works and his literary contact with german romantics writers.

Keywords: romantism, german literature.

Rylshikova L. M., Khudyakov K. V. Alternative reality as the spread element of a science-fiction discourse.

In the article are described the features of using the terms “alternate reality” and “alternate history”, that are related to science fiction discourse, and is examined their abundance in the literature and cinema.

Keywords: discourse, science fiction, alternate reality.

Serova V. I., Spirina L. R. Goal Setting in Lesson Planning as the Key Factor of Final Result Achieving in the Process of Foreign Language Teaching.

This article deals with the problem of planning the lessons and giving objectives for the students as well as the tasks to be fulfilled in order to reach the main goals of the lesson. The basic idea of formulating objectives for the students is taken from the Bloom’s Taxonomy. His classification is characterized by the perfectly described actions for the students to be performed at every stage of the lesson.

Keywords: lesson planning, objectives of the lesson, tasks of the lesson.

Sinina A. I. Periphrastic Nominations with Precedent Names in Public Text.

The article concerns distinctive features of the periphrasis with precedent names; communicative and pragmatic functions in British mass media are presented.

Keywords: periphrasis, mass media, nomination, precedent names.

Kholodkovskaya E. V. South American Dialect in Mark Twain’s “Adventures of Huckleberry Finn”

The article focuses on the up-today approach to the category of norm in languages. The author analyses and compares the structure of the language and its realization for a definite community at a definite period of time and studies language means typical for Southern American dialect.

Keywords: up-today approach to the category of norm, the structure of the language, Southern American dialect.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абзалова Ирина Рафиковна (Abzalova Irina) – аспирантка Университета Западной Бретани (Université de Bretagne Occidentale).

Irinaabzalova@hotmail.com

Ахтаева Лалита Абдулаевна – старший преподаватель кафедры английского языка Чеченского государственного университета.

lingua-mobilis@rambler.ru

Белоус Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Московского городского педагогического университета.

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.

bn66@mail.ru

Бойко Анастасия Ивановна – магистрант Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

230023, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22.

Nastasiaboiko@yandex.ru

Булычева Светлана Феодосьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Калужского филиала МГЭИ.

127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 20.

sfbulycheva@rambler.ru

Владимирова Анна Николаевна – ассистент кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна).

105005, Москва, ул. Радио, д. 10.

anvladimirova@yandex.ru

Гаврилов Александр Феликсович (Москва) – литературный критик, руководитель Института книги.

Lingua-mobilis@rambler.ru

Глинчевский Эдвард Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.

g31e04i11@yandex.ru

Голандам, Араш, Карим – старший преподаватель русского языка, заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета.

golandam@mail.ru, golandam@guilan.ac.ir

Дражан Регина Владиславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Морской государственной академии им. адмирала Ф. Ф. Ушакова.

69regina@mail.ru

Касьянова Юлия Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Приднестровского государственного университета.

3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, 107.

Lingua-mobilis@rambler.ru

Климина Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и журналистики Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой (Башкортостан).

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Lingua-mobilis@rambler.ru

Котлярова Татьяна Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

Tatyana.Kotlyarova@gmail.com

Максимова Вероника Евгеньевна – учитель МОУ гимназия № 3 Центрального района г. Волгограда; аспирант Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

vero.maksimova2012@yandex.ru

Надобко Ю. В. – ст. преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.

110000, Костанай, ул. А. Байтурсынова, 47.

nadobko-youlia@yandex.ru

Наумов Алексей Владимирович – преподаватель кафедры технического обеспечения (и тактики) Филиала военного учебного научного центра Сухопутных войск (Общевойсковая академия ВС РФ).
yfd77@mail.ru

Наумова Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета.
454128, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
dil@mail.ru

Невелева Вера Сергеевна (Челябинск) – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Челябинской государственной академии культуры и искусств.
Lingua-mobilis@rambler.ru

Никифорова Э. Ш. – ст. преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
n.e.sh_1975@mail.ru

Пелипас Наталья Анатольевна – ст. преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

Перчик Людмила Степановна (Челябинск) – доцент кафедры литературы и русского языка Челябинской государственной академии культуры и искусств, заслуженный работник культуры Башкортостана.
Lingua-mobilis@rambler.ru

Полехина Елена Александровна – учитель английского языка МОУ Гимназия № 3 Центрального района г. Волгограда, магистр лингвистики.
epoleh34@yandex.ru

Полиниченко Дмитрий Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета.
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
dpol@bk.ru

Пятаева Наталия Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и журналистики Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой (Башкортостан).

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Pjataeva@yandex.ru

Радченко Галина Павловна – доцент кафедры иностранных языков Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина.

659333, Алтайский край, Бийск, ул. Короленко, д. 53.
sommer0819@rambler.ru

Розинкина Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина.

659333, Алтайский край, Бийск, ул. Короленко, д. 53.
sommer0819@rambler.ru

Рыльщикова Любовь Михайловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии.

rylshchikova_lm@volgodom.ru

Селютина Елена Александровна (Челябинск) – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры литературы и русского языка Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Lingua-mobilis@rambler.ru

Серова Вера Ивановна – преподаватель кафедры иностранной филологии Гуманитарно-социального факультета Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.

110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
verasero@mail.ru

Синина Анна Игоревна – аспирант кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета, степень магистра лингвистики; учитель английского языка МОУ лицей №7.

ursinus@yandex.ru

Спирина Людмила Рудольфовна – преподаватель кафедры иностранной филологии Гуманитарно-социального факультета Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. 110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
verasero@mail.ru

Федоров Василий Викторович (Челябинск) – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.
Lingua-mobilis@rambler.ru

Холодковская Елена Валерьевна – учитель английского языка МОУ гимназия №3 г. Волгограда; аспирант Волгоградского государственного университета. 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
julexol@mail.ru

Худяков Константин Валентинович – кандидат технических наук, доцент кафедры механики Волжского политехнического института (филиал) Волгоградского государственного технического университета. 400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
constan@volgodom.ru

Чепелев Василий Владимирович (Екатеринбург) – поэт, прозаик, литературный критик, учредитель поэтической премии «ЛитератураРРентген», а также одноименного фестиваля в г. Екатеринбург. Лауреат премии журнала «Урал» за лучшую поэтическую публикацию 2000 года.
Lingua-mobilis@rambler.ru

Штолер Андрей Владимирович (Челябинск) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры документоведения и музееведения Челябинской государственной академии культуры и искусств.
Lingua-mobilis@rambler.ru